

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
НАУКИ
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА
УРАЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

На правах рукописи

НИЗЬЕВА Лариса Викторовна

**ФИЛОСОФИЯ Э. МАХА В КОНТЕКСТЕ АВСТРИЙСКОЙ
ФИЛОСОФСКОЙ ТРАДИЦИИ: ЭМПИРИОКРИТИЦИЗМ, КРИТИКА
ЯЗЫКА И ИМПРЕССИОНИЗМ**

Диссертация

на соискание ученой степени кандидата философских наук

Научный руководитель:
доктор философских наук, профессор
Черепанова Екатерина Сергеевна

Екатеринбург

2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава 1. Философия Э. Маха: становление и принципы	15
1.1 Идейная эволюция Э. Маха в контексте культурно-исторических трансформаций в Австро-Венгрии.....	16
1.2 Философские концепты Э. Маха: развитие и полемика	48
Глава 2. Э. Мах и австрийская критика языка	79
2.1 Влияние Э. Маха на лингвокритическую теорию Ф. Маутнера.....	80
2.2 Диалог философского и художественного импрессионизма	109
Заключение	133
Список литературы	139

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность диссертационного исследования

История австрийской культуры и философии очень многообразна и представлена такими значимыми в западноевропейской философии именами, как Л. Витгенштейн, Б. Больцано, Ф. Brentano, З. Фрейд, К. Поппер, которые создали новые направления в философии и, бесспорно, оказали огромное влияние на развитие науки в целом.

Профессор П. Кампиц, который много лет занимал пост декана философского факультета Венского университета, в своей работе по истории австрийской философии цитирует высказывание эмигрировавшего в США австрийского литератора и германиста Х. Пулицера о том, что «практически все, что сыграло важную роль в XX веке, за исключением марксизма, было изобретено в Австрии»¹. Возможно, данное утверждение является спорным, но оно также позволяет объяснить постоянно растущий интерес, в особенности за рубежом, к самобытной австрийской традиции в философии.

В Австрии исследование собственной философской традиции как целостного феномена началось в 60-х годах XX века, оно было инициировано и развивалось в рамках Философского общества Витгенштейна (Österreichische Ludwig Wittgenstein Gesellschaft), которое ежегодно проводит глобальный международный симпозиум и организует школу для молодых ученых. Самый знаменитый австрийский философ, Л. Витгенштейн, оказался поводом для того, чтобы ученые обратили внимание и стали выяснять, какой вклад в историю мировой философии внесли австрийские философы, какие направления и характерные особенности отличают австрийскую философскую традицию. В рамках этой историко-философской рефлексии и было отмечено особое место Э. Маха в истории австрийской философии. На сегодняшний день австрийская философия по-прежнему остается малоизученной, и многие имена выдающихся

¹ Kampits P. Zwischen Schein und Wirklichkeit. Eine kleine Geschichte der österreichischen Philosophie. – Wien : Österreichischer Bundesverlag, 1984. – S. 11.

мыслителей Австрии практически незнакомы отечественной истории философии. Поэтому в российских философских исследованиях имя Эрнста Маха ассоциируется с этапами становления позитивизма как направления западной философии, тогда как в Европе признается влияние его философских идей далеко за пределами позитивизма.

Проводится, к примеру, понятийный анализ вклада Э. Маха в современную философию. Рассматривая влияние Маха на Венский кружок, американский исследователь Джон Блэкмор отмечает, что «свободное употребление таких отличительных словечек Маха как “бессмысленное”, “вздор”, “метафизический” и “мнимая проблема” или скорее их немецкие оригиналы, т.е. “sinnlos”, “Unsinn”, “metaphysisch” и “Scheinproblem”, тут же подхватили и стали широко употреблять не только Эдмунд Гуссерль, Людвиг Витгенштейн и другие знаменитости этого времени, но практически все члены Венского кружка»². Обнаружив такое парадоксальное влияние Маха, Дж. Блэкмор называет его наследие «экстремистским»³, которое до сих пор не удается преодолеть.

В целом же можно еще раз отметить, что в европейском дискуссионном пространстве, и главным образом в Австрии, высказанные Э. Махом идеи по-прежнему находят оригинальными и актуальными, их продолжают исследовать и к ним возвращаются снова и снова не только в связи с позитивизмом, но и в связи с феноменологией, критикой языка и даже в связи с его влиянием на развитие культуры в целом.

В настоящей работе предпринимается попытка объяснить, какую роль сыграли и какое развитие получили философские идеи Э. Маха в философии и культуре Австро-Венгрии на рубеже XIX–XX веков в тот особый относительно короткий период, получивший название «Венский модерн».

Степень научной разработанности проблемы

² Blackmore J. T. The Vienna and the Brunn Circle. - Wien, 2005. – P. 813.

³ Ibid. P. 813

До начала 90-х годов в российской историко-философской науке австрийская философия не была самостоятельным предметом изучения, однако к исследованию философии отдельных австрийских философов, прежде всего Л. Витгенштейна и З. Фрейда, обращались такие авторы, как М.Е. Соболева, Е. Панова, Д.В. Евдокимцев, И.С. Нарский, В.А. Суровцев, А.Ф. Грязнов, Е.А. Чичнева⁴.

Можно подчеркнуть, что в 1990 году проф. А.В. Перцев опубликовал свою работу об австромарксизме, написанную в соавторстве с Д.А. Мироновым⁵, в которой были типологизированы особенности австрийского мировосприятия. В 2000 году вышла монография Е.С. Черепановой «Австрийская философия как самосознание культурного региона»⁶, в которой автор фактически определила австрийскую философию как феномен региональной культуры.

В целом же всех авторов, которые занимались изучением вопросов, касающихся темы настоящей диссертации, можно условно разделить на три основные группы. К первой группе относятся исследователи, изучавшие *историю австрийской философии*. Исследования таких авторов, как Р. Халлер, П. Кампиц, Э. Ляйнфельнер, Ф. Штадлер⁷ стали появляться с начала 70-х вплоть до 90-х гг. Достойна упоминания работа венгерского исследователя К.

⁴ Панова Е. Витгенштейн и позитивистское упразднение философии: [Статья из Софии] // Научн. докл. высш. школы. – Философские науки. – 1978. – №5. – С. 140-147; Евдокимцев Д.В. Проблема другого «Я» в диалогической философии М. Бубера : автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Волгоград, 1999; Нарский И.С. Современный позитивизм // Очерки по истории позитивизма — М., 1960; Нарский И.С. «Второй позитивизм» Р. Авенариуса и Э. Маха (эмпириокритицизм). // Очерки по истории позитивизма — М., 1960; Грязнов А.Ф. Эволюция философских взглядов Л. Витгенштейна : Критический анализ. — М. 1985. Чичнева Е.А. Проблема интерсубъективности в философии позднего Э. Гуссерля и Л. Витгенштейна: Автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.01 — М., 1995.

⁵ Миронов Д.А., Перцев А.В. Австромарксизм, позитивизм и рабочее движение. — Свердловск, 1990.

⁶ Черепанова Е.С. Австрийская философия как самосознание культурного региона. — Екатеринбург, 2000.

⁷ Haller R. Sprachkritik und Philosophie // Sprachkritik in der österreichischen Literatur des 20. – Wien. – S. 41-56, Studien zur österreichischen Philosophie. Variationen über ein Thema. – Amsterdam, 1979a. – S. 123-140, Gibt es eine österreichische Philosophie? // Wissenschaft und Weltbild. – 31. – Wien, 1979. – S. 173-181; Kampits P. Positivismus und Impressionismus. Handbuch Fin de Siecle / herausgegeben von Sabine Haupt und Stefan Bodo Würffel (Hg.) – Stuttgart, 2008. – S. 99-110, Zwischen Schein und Wirklichkeit. Eine kleine Geschichte der österreichischen Philosophie. – Wien, 1984; Leinfellner E. Die böse Sprache: Fritz Mauthner und das Problem der Sprachkritik und ihrer Rechtfertigung. – Wien, 1995. – S. 57-68., Fritz Mauthners Sprachkritik // Electronic Journal Literatur Primär online unter. – Wien, 2000. URL: <http://www.ejournal.at/Essay/leinals.html> (дата обращения: 23.11.2013); Stadler F. Vom Positivismus zur “Wissenschaftlichen Weltauffassung”: Am Beispiel der Wirkungsgeschichte v. Ernst Mach in Österreich von 1895 bis 1934. – Wien ; München, 1982, Mach E. Werk und Wirkung / hrsg. von Rudolf Haller u. Friedrich Stadler. – Wien, 1988.

Нири «Философская мысль в Австро-Венгрии»⁸, опубликованная в 1987 году на русском языке.

Ко второй группе исследователей относятся те авторы, которые определили место Э. Маха в истории философии и занимались непосредственно изучением философских воззрений Э. Маха и его влиянием на Венский кружок. Это, в частности, как историк философии, директор Института Венского кружка, Ф. Штадлер и литературный критик М. Дирш⁹. Российские историки философии В.И. Осипов, В.С. Степин, Н.Ф. Овчинников, В.П. Визгин¹⁰ и другие авторы рассматривают вклад учения Э.Маха как этап в развитии позитивизма в истории западноевропейской философии. Е.П. Никитин¹¹ анализирует теорию познания Э. Маха с точки зрения феноменализма.

Российские исследователи профессор Ю.С. Владимиров и А.В. Зотов¹², авторы предисловий к русскоязычным изданиям «Познания и заблуждения» и «Анализа ощущений» соответственно, рассматривают творчество Э. Маха как основоположника второго этапа развития позитивизма. Так, Ю.С. Владимиров пишет: «Философское осмысление основ естествознания способствовало признанию Маха как философа, позиция которого трактовалась в русле основанного О. Контом позитивизма, недооценивавшего или вообще отрицавшего онтологический статус используемых в науке понятий и категорий. Более того, с именем Маха связывается вторая волна позитивизма, что обусловило широкое распространение термина “махизм”. Увлекаясь

⁸ Нири К. Философская мысль в Австро-Венгрии. — М., 1987.

⁹ Stadler F. The Vienna Circle. Studies in the Origins, Development, and Influence of Logical Empirism. — Vienna-New York, 2001; Diersch M. Empirio-kritizismus und Impressionismus: über Beziehungen zwischen Philosophie, Ästhetik und Literatur um 1900 in Wien. — Berlin, 1973.

¹⁰ Осипов В.И. Теория познания Э. Маха. — Архангельск, 1999; Степин В.С. Теоретическое знание : Структура, историческая эволюция. — М., 2000; Позитивизм и наука: критический очерк: [Сборник статей]. — М., 1975; Визгин В.П. Русские позитивисты о теории относительности и ее философском истолковании (1910-1920-е гг.) // Вопросы философии. — 2011. — № 11. — С. 93–105.

¹¹ Никитин Е.П. Радикальный феноменализм Э. Маха // Позитивизм и наука: критический очерк: [Сборник статей]. — М., 1975.

¹² Владимиров Ю.С. Предисловие редактора // Мах Э. Познание и заблуждение. Очерки по психологии исследования. — М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2003. — С. 6–29; Владимиров Ю.С. Реляционная теория пространства-времени и взаимодействий : в 2 ч. Ч. 2. Теория физических взаимодействий. — М., 1998; Зотов А.Ф. Вместо предисловия или чем интересна эта книга для современного читателя // Мах Э. Анализ ощущений и отношение физического к психическому. М. : Издательский дом «Территория будущего», 2005. — С. 7–30.

критикой используемых в естествознании понятий и сосредотачивая свое внимание на их преходящем, условном характере, Мах оставил в тени вопросы онтологии, определив цель науки как “экономное упорядочение опыта”, наших “ощущений”, но он никогда не отрицал объективного существования окружающего мира»¹³.

А.Ф. Зотов характеризует методологическую установку Э. Маха в понимании научного знания как «довольно радикальный эмпиризм»¹⁴, в соответствии с которым научное знание, включая термины, понятия и формулировки научных законов, должны быть основаны на чувственных данных, поступающих из ощущений.

А.Л. Никифоров считает, что «не столько философская, сколько политическая оценка воззрений Маха»¹⁵ надолго определила недостаточный интерес к творческому наследию Э. Маха в российском историко-философском пространстве. Автор диссертационного исследования «Философия науки Э. Маха» А.А. Парамонов разделяет эту точку зрения и связывает сложившуюся ситуацию с идеологическими причинами.

В исследовании В.И. Осипова «Теория познания Э. Маха», опубликованном в 1999 году, философские воззрения Э. Маха рассматриваются как столкновение стихийно-материалистического мышления с субъективно-идеалистическими философскими принципами. В публикациях таких отечественных исследователей как В.И. Аршинов, Ю.Л. Климонтович, Ю.Ф. Сачков, П.П. Гайдено, Е.А. Мамчур, Н.Ф. Овчинников, А.П. Огурцов, З.А. Сокулер¹⁶ философия науки Э. Маха определяется как позитивистская.

¹³ Владимиров Ю.С. Предисловие редактора // Мах Э. Познание и заблуждение. Очерки по психологии исследования. – М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2003. – С. 20.

¹⁴ Зотов А.Ф. Вместо предисловия или чем интересна эта книга для современного читателя // Мах Э. Анализ ощущений и отношение физического к психическому. М. : Издательский дом «Территория будущего», 2005. — С. 9.

¹⁵ Никифоров А.Л. Философия науки: В.И. Ленин и Э. Мах // Вопросы философии. – 2010. – №1. – С. 76.

¹⁶ Аршинов В.И., Климонтович Ю.Л., Сачков Ю.В. Естествознание и развитие: Диалог с прошлым, настоящим и будущим / Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой / Пер. с англ. Ю.А. Данилова / Общ. ред. и послесловие В.И. Аршинова, Ю.Л. Климонтовича и Ю.В. Сачкова. М. : Прогресс, 1986; Гайдено П.П. К проблеме становления новоевропейской науки // Вопросы философии. – 2009. – № 5. – С. 80–92; Мамчур Е.А. Философия и наука // Вопросы философии. – 2008. – №7. – С. 159–164; Мамчур Е.А., Овчинников Н.Ф., Огурцов А.П. Отечественная философия науки: предварительные итоги / М. : Сер. Научная философия.

Кроме того, в этих работах отмечается влияние идей австрийского мыслителя на созданную А. Эйнштейном теорию относительности.

В истории российских исследований возрождение интереса к наследию Э. Маха фиксирует сборник материалов научной конференции Института истории естествознания и техники РАН¹⁷, посвященной 150-летию со дня рождения Э. Маха. Сами авторы сборника, опубликованного в 1997 году, спустя почти 10 лет после проведения конференции, подчеркивают, что после долгого перерыва это первая попытка обсудить творчество Э. Маха.

Оригинальный вариант интерпретации философии науки Э. Маха можно найти в работах П. Фейерабенда¹⁸, в которых он выступает против ставшей традиционной классификации взглядов Э. Маха как позитивистских. Мир, состоящий из комплекса ощущений, П. Фейерабенд не относит к позитивистской концепции и предлагает рассматривать теорию элементов Э. Маха не как философию, а лишь как один из возможных научных методов.

Взаимосвязь Э. Маха с учением З. Фрейда, Э. Гуссерля, Л. Больцано, Л. Витгенштейна и ряда других современных Э. Маху философов отмечается в трудах американских историков философии Дж. Т. Блэкмора и У. Джонстона¹⁹. А. Яник и С. Тулмин²⁰ отмечали вклад Э. Маха в становление философии языка. Идеи Л. Витгенштейна как одного из основателей логического позитивизма изучали С. Хубер, Т. Гутман, А. Майер, Э. Дайн, К. Венцель, И. Адлер²¹.

фия. РОССПЭН, 1997; Позитивизм и наука: критический очерк: [Сборник статей]. – М., 1975; Критика феноменологического направления современной буржуазной философии: [Сб. статей] – Рига, 1981; Сокулер З.А. Э. Гуссерль о геометрической традиции: к смене парадигм в теории познания // Философия науки. Вып. 5: Философия науки в поисках новых путей. – М., 1999.

¹⁷ Исследования по истории физики и механики. 1993-1994. – М., 1997.

¹⁸ Feysabend P.K. Philosophy of Science: a Subject with a Great Past // Minnesota Studies in the Philosophy of Science. – Vol. 5. - 1970. - P. 172-183; Feysabend P.K. Machs Theorie der Forschung und Ihre Beziehung zu Einstein // Ernst Mach - Werk und Wirkung/hrsg. von Rudolf Haller u. Freidrich Stadler. – Wien, 1988. - S.435-462.

¹⁹ Blackmore J.T. Bolzmann's Contingent Concessions to Mach's Philosophy of Science. – Braunschweig-Wiesbaden, 1983. – S. 150-190.; Ernst Mach als Außenseiter: Machs Briefwechsel über Philosophie und Relativitätstheorie mit Persönlichkeiten seiner Zeit // Auszug aus dem letzten Notizbuch (Faksimile) von Ernst Mach / Verfasserangabe: John Blackmore ; Klaus Hentschel (Hsg.). – Wien, 1985; Джонстон У.М. Австрийский Ренессанс. Интеллектуальная и социальная история Австро-Венгрии, 1848-1938 гг. — М., 2004.; Johnston W. M. Syncretist Historians of Philosophy in Vienna 1860-1930 // Journal of the History of Ideas. – 32. – 1971. – P. 299-305.

²⁰ Janik A., Toulmin S. Wittgenstein's Vienna // A Touchstone Book. – Simon and Schuster, 1973.

²¹ Huber S. Logische Analyse und Sprachgebrauch im Tractatus // Ethik-Gesellschaft-Politik. Beiträge des 35. Internationalen Wittgensteins Symposiums, 5-15 August 2012. – Wien, 2012. – S. 123-126; Gutmann T. Radikale Interpretation: ein Argument gegen den moralischen Relativismus // Ibid. – S. 99-102.; Mayer A. Ist Glück ein ethischer Begriff? // Ibid. – S. 205-208; Dain E. Ethical Eliminativism and the Sense of Wittgenstein's Tractatus. Ibid. – p. 49-51; Wenzel

Влияние Э. Маха на созданную А. Эйнштейном теорию относительности проанализировал с философско-методологической точки зрения Дж. Холтон, маховскую механику критиковали К. Поппер, М. Планк²² и другие ученые.

Идеи Э. Маха, объединившие науку, литературу и искусство в Вене на рубеже XIX–XX веков и заложившие естественнонаучный фундамент философии как критики языка, получили развитие в оригинальной лингвокритической теории Фритца Маутнера, труды которого анализируются австрийскими исследователями Э. Ляйнфельнер и В. Ляйнфельнер, Г. Ландауэром, И. Кюном, Т. Хайншо²³.

И наконец, мы не можем не принимать во внимание тот комплекс исследований, который сложился в филологических науках, где также выявляется влияние философии на развитие австрийской литературы. Речь идет об исследованиях российских филологов-германистов, специалистов по австрийской литературе и литературоведах А.И. Жеребине и А.В. Белобратове²⁴. Труды указанных авторов в нашей работе являются источником интересных материалов, а также поводом для полемики в вопросах интерпретации влияния философии на литературу.

Влияние идей Э. Маха на литературу и культуру в Австрии были отмечены следующими авторами: Жак Ле Ридер, Р. Музиль, Г. Бар²⁵. Отдельного упоминания заслуживает награжденный в 1981 году Пулитцеровской премией

C. Ethics and Relativism in Wittgenstein. Ibid. – p. 348-351; Adler J. Wittgenstein und die Sprachpolizei. Ibid. – S.13-16.

²² Планк М. Теория физического познания Эрнста Маха // Новые идеи в философии. Сб. 2: Борьба за физическое мировоззрение. – СПб, 1912. – С. 147-157.

²³ Feigl W., Windholz S. Wissenschaftstheorie, Sprachkritik und Wittgenstein: in memoriam Elisabeth und Werner Leinfellner. – De Gruyter; Ontos, 2011; Mauthner F. Hartung Gerald. Die Sprache. – Marburg, 2012; Kühn J. Gescheiterte Sprachkritik. Fritz Mauthners Leben und Werk. – Berlin-New York, 1975; Hainscho T. Philosophie als Sprachkritik im Sinne Mauthners. Eine Bemerkung zu TLP 4.0031 // Ethik-Gesellschaft-Politik. Beiträge des 35. Internationalen Wittgensteins Symposiums, 5-15 August 2012. – Wien, 2012. – S. 106-109.

²⁴ Жеребин А.И. Вертикальная линия. Философская проза Австрии в русской перспективе. — СПб., 2004.; История австрийской литературы XX века : в 2 т. Т. 1: Конец XIX- середина XX века. – М., 2009; Жеребин А.И. Эрнст Мах и проблема разрушения личности // Вопросы философии. – 2013. – № 1. – С. 21–32; Белобратов А.В. Музиль и Витгенштейн, или Литература и философия // Вопросы философии. – 1998. – № 5. – С. 113–119.

²⁵ Ле Ридер Ж. Венский модерн и кризис идентичности. — СПб., 2009; Le Rider J. Arthur Schnitzler oder Die Wiener Belle Epoque. – Wien, 2007; Музиль Р. Человек без свойств : Роман. – М., 2008; Musil R. Beitrag zur Bedeutung der Lehren Machs und Studien zur Technik und Psychotechnik. – Rowohlt, 1980; Bahr H. Kritische Schriften in Einzelausgaben // Dialog vom Tragischen Dialog vom Marsyas Josef Kainz. – Herausgegeben von Claus Pias, 2010; Bahr H. Kritische Schriften in Einzelausgaben // Labyrinth der Gegenwart. – Herausgegeben von Claus Pias, 2011.

универсальный и фундаментальный труд К.Э. Шорске, в котором представлен обширный обзор культуры и философии в Вене в эпоху модерна²⁶. К сожалению, в России пока еще нет комплексного исследования, в котором были бы учтены все аспекты влияния Маха и в котором рассматривается влияние философии Маха с позиции истории философии на развитие непозитивистских философских теорий в Австрии, а также на развитие культуры.

Объект исследования – особенности австрийской философии XIX–XX веков.

Предмет исследования – философское учение Э. Маха и других представителей австрийской философии.

Цель диссертационной работы – исследовать философию Э. Маха в контексте австрийской философской традиции и проанализировать влияние его идей на эмпирикритицизм, критику языка и импрессионизм (философский и литературный).

Достижение указанной цели работы потребовало решения следующих **задач**.

Во-первых, рассмотреть становление Э. Маха как философа для выявления культурно-исторических факторов, повлиявших на формирование оснований его теории.

Во-вторых, проанализировать основные концепты философии Э. Маха в контексте порожденных ими влияний и полемик с целью выявления типичности идей мыслителя для философской традиции исследуемого региона.

В-третьих, показать влияние Э. Маха на критику языка, которая рассматривается как особенность австрийской философской традиции.

В-четвертых, проанализировать и обосновать влияние философии Э. Маха на зарождение феномена философского и художественного импрессионизма, рассматривая методологические дискуссии лингвокритического характера известных представителей австрийской философии и литературы.

Методология и методы диссертационного исследования

²⁶ Шорске К.Э. Вена на рубеже веков: политика и культура. – СПб., 2001.

Исследование философских идей Маха невозможно было без учета тех методологических подходов, которые представлены в историко-философских исследованиях П. Кампица, У. Джонстона, Ф. Штадлера, Р. Халлера, К. Нири, А.В. Перцева, Е.С. Черепановой.

Основой для проведения исследования выступает классическая историко-философская методология, предполагающая использование методов анализа, сравнения и исходящая из понимания историко-философского процесса как детерминированного культурными, социальными и политическими обстоятельствами.

Для выявления особенностей развития ключевых концептов философии Э. Маха используются метод контекстуального анализа и историко-философской реконструкции, а также герменевтический метод, используемый для интерпретации философских текстов, ставших предметом научного анализа.

Научная новизна работы заключается в следующем:

- описаны значимые факты биографии Э. Маха, позволяющие выявить особенности философской эволюции мыслителя. Формирование его философии рассмотрено в непосредственной связи с австрийской философской традицией;
- выявлено влияние идей И.Ф. Гербарта, Д. Юма, Г.К. Лихтенберга, И. Канта, Э. Херрманна на формирование философского учения Э. Маха;
- исследованы ключевые концепты философии Э. Маха на предмет типичности для австрийской философской традиции;
- определена роль теории Э. Маха в формировании критики языка как особенности австрийской философии;
- выявлена идейная связь философской концепции Э. Маха и лингвокритической философии Ф. Маутнера, которая также изучена в этом аспекте;
- проанализирована теоретическая возможность использования термина «философский импрессионизм» для исследования особенностей австрийской философии на рубеже XIX–XX веков;

– показана продуктивность описания философии Э. Маха как философского импрессионизма и прослежена связь с художественным импрессионизмом в аспекте влияния философии на культуру исследуемого региона;

– в научный оборот введены англоязычные и немецкоязычные исследования философии Э. Маха, а также автобиографические документы – дневники, записные книжки и личная переписка мыслителя, – до настоящего времени не переведенные на русский язык.

Положения, выносимые на защиту:

1. На формирование философских взглядов Э. Маха принципиально повлиял отразившийся в культуре Австро-Венгрии в целом кризис национальной идентичности, спровоцировавший переоценку немецкой метафизики и принципиальную критику языка. Обращение к философии И. Канта, определившей направленность философских поисков Э. Маха, критическое переосмысление кантовской системы воплощает в его философской эволюции особенность австрийской философии.

2. Развивая философию в духе позитивизма, Э. Мах видит в психологии естественную науку, которая именно с этих позиций должна стать основанием теории познания. Такая интерпретация психического с указанием на непосредственную связь с физиологическим типична для австрийской философской традиции.

3. Основные концепты Э. Маха – реальность как комплекс ощущений, принцип экономии мышления, невозможность *Я*, – сформированные под влиянием философии Дж. Беркли, Д. Юма, И.Ф. Гербарта, Г.К. Лихтенберга получают дальнейшее развитие в критике языка, представленной в трудах К. Крауса, Р. Вале, Л. Витгенштейна и лингвокритической концепции Ф. Маутнера. В этом аспекте можно говорить о философии Э. Маха и Ф. Маутнера как о феномене философского импрессионизма.

4. Концепция Ф. Маутнера представляет собой пример попытки принципиально изменить форму философствования, предложив в качестве такового художественный текст. Эти идеи в комплексе с непосредственным

влиянием теории Э. Маха спровоцировали методологические поиски в рамках художественного импрессионизма (Г. Бар, Р. Музиль и др.), которые еще ярче проявили установку на критику языка, столь характерную для австрийской философии в целом.

Теоретическая и практическая значимость диссертации

Теоретическая значимость диссертации заключается в том, что в новом аспекте актуализируется исследование философского наследия Э.Маха, а также изучение истории философии Австрии в плане влияния этой философской традиции на развитие философии в Европе и России. Безусловно значимым для историко-философских исследований является представленный в работе анализ теоретической критики языка, в аспекте исследуемой философской традиции.

Результаты диссертационного исследования можно использовать для разработки курсов по истории философии и по истории философии науки, философии культуры. Материалы диссертации могут быть включены в общие курсы по истории философии для студентов, обучающихся по направлению «Философия» и другим гуманитарным наукам, а также использованы при создании учебных и учебно-методических пособий по данной тематике.

Степень достоверности и апробация диссертации

Степень достоверности диссертационного исследования подтверждается тем, что в работе использованы источники и материалы, опубликованные в России и за рубежом, и тем, что результаты исследования были представлены и обсуждены на таких значимых научных конференциях и форумах, как:

Международная научная конференция «Мировоззренческие основания культуры современной России», 2012 г. (Магнитогорск); круглый стол «Г.Климт: диалог философии и искусства», 2012 г. (Екатеринбург); Всероссийская научная конференция «Современная аналитическая философия: история, проблемы, методы», 2013 г. (Томск); «Мировоззренческие основания культуры современной России», 2013 г. (Магнитогорск); Всероссийская научная конференция «Инновационный университет: философия–наука–управление», 2013 г. (Новосибирск), Международная научно-практическая конференция

«Духовная жизнь региональных сообществ: история, традиции, современность», 2013 г. (Казань); Всероссийская научно-теоретическая конференция «Особенности философского мировоззрения», 2014 г. (Магнитогорск); Всероссийская научная конференция «Современная аналитическая философия: история, проблемы, методы», 2014 г. (Томск); III международный научный симпозиум «Австрия как культурный центр Европы», 2014 г. (Екатеринбург).

Публикации

Основные положения диссертации отражены в 9 публикациях автора общим объемом 3,4 п.л. Из них 3 статьи – в реферируемых научных журналах, рекомендованных ВАК РФ: в Известиях Уральского федерального университета, в Журнале Сибирского федерального университета, в Научном ежегоднике Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук.

Структура работы соответствует поставленным задачам. Диссертация состоит из введения, двух глав, каждая из которых включает в себя по два параграфа, заключения и списка литературы. Объем работы составляет 160 страниц. В списке литературы 231 наименование, в том числе 19 наименований на английском и 80 – на немецком языке.

Глава 1. Философия Э. Маха: становление и принципы

В российской истории философии и науки Э. Маха трактуют в первую очередь как позитивиста, однако в европейском дискуссионном историко-философском пространстве идеи Э. Маха остаются актуальными, исследуются, причем к ним возвращаются в контексте не только позитивизма, но и феноменологии, теории культуры, искусства, критики языка. Например, директор института Венского кружка Фридрих Штадлер в своих статьях, посвященных Эрнсту Маху, традиционно задается следующими вопросами: «Кем был этот австрийский мыслитель, завоевавший, с одной стороны, широкую международную известность и последователей в философии, естествознании, литературе и политике, а с другой стороны, спровоцировавший громкую полемику, начиная с Макса Планка, Людвиг Больцмана и заканчивая лидерами большевиков? Чем так восхищал и оказал столь большое влияние его «позитивизм» на всю эмпирическую и лингвоаналитическую традицию в рамках австрийской философии Йозефа Поппер-Линкеуса, Вильгельма Иерузалема, Хайнриха Гомперца – который назвал его «Буддой науки», – Фритца Маутнера, Вильгельма Оствальда, Пьера Дюгема и Уильяма Джеймса?»²⁷ Ф. Штадлер отмечает, что, с одной стороны, антиметафизическую философию Э. Маха яростно критиковали Отто Вейнингер и Герман Брох, а с другой стороны, она так завладела вниманием участников литературного кружка «Молодая Вена», что с подачи Германа Бара она завоевала невероятную популярность в среде литераторов и была воспринята как «философия импрессионизма». При этом «дуайен научной философии в Австрии»²⁸, Франц Brentano, вместе со своими учениками, среди которых были Алексисус Мейнонг и Эдмунд Гуссерль, выступили против взглядов Э. Маха, чтобы отделить феноменологию и теорию предметов от позитивизма.

Приведенный выше круг вопросов охватывает широкий диапазон проблем и позволяет судить о глобальном масштабе личности Эрнста Маха и степени его

²⁷ Mach E. Werk und Wirkung / hrsg. von Rudolf Haller u. Friedrich Stadler. – Wien, 1988. – S. 12.

²⁸ Ibid. S. 12.

влияния. В такой интерпретации фигура Маха на рубеже XIX–XX веков сопоставима с фигурой Канта, потому что если вся европейская философия периодизируется по принципу «назад к Канту», до Канта и после Канта, то история австрийской философии может быть так же разделена на два периода: до Маха и после Маха (то, что возникло в контексте Маха – вопреки или благодаря Маху). В этой связи имеет смысл рассмотреть научное и философское становление австрийского мыслителя и проанализировать влияние основных идей его философии.

1.1 Идеинная эволюция Э. Маха в контексте культурно-исторических трансформаций в Австро-Венгрии

Проследить становление философа невозможно в отрыве от культурно-исторического контекста, в котором он жил и творил. В случае с Э. Махом задача описания исторических и культурных условий в период, на которые пришлось годы жизни и творчества этого мыслителя, несколько усложняется, поскольку речь идет об особой державе – Австро-Венгерской империи.

Первоначально Австрия, или Остмарк, возникла в VII–IX веках в результате экспансии баварских и франконских племен на Восток вниз по Дунаю, которая, разумеется, сопровождалась жестокими и кровопролитными войнами. Ведущим государством «Священной Римской империи» Австрия становится в эпоху династии Габсбургов, которая правила страной с XIII века.

В начале XIX века Наполеон изменил ход истории многих стран, в том числе и Австрии; в результате его вмешательства Австрия стала рядовым герцогством. После знаменитого Венского конгресса в 1815 году Австрия вновь объединилась с германскими государствами в «Союз германских княжеств», но это было лишь формальное объединение. «Несмотря на уверения в совершеннейшем единении и взаимной любви»²⁹, Австрия и Пруссия боролись за доминирующую роль в Германском Союзе, в этой борьбе больше преуспела

²⁹ Черепанова Е.С. Австрийская философия как самосознание культурного региона. — Екатеринбург, 2000. – С. 93.

Пруссия, образовавшая в 1834 году Германский таможенный союз без участия Австрии. Уже через год, в 1835 году, Германский таможенный союз из формального объединения превратился во вполне сложившуюся политическую систему, в составе которой было 38 государств, интересы Австрии в этой системе практически не учитывались.

С революцией 1848 года, снова проходившей под лозунгом объединения немецких народов, австрийские либералы связывали большие надежды на создание национального государства с буржуазными свободами. Однако, вопреки их ожиданиям, революционные волнения 1848 года были подавлены войсками царской России и завершились отнюдь «не созданием буржуазной республики, а всего лишь ограничением абсолютизма»³⁰.

В 1866 году австрийцы потерпели поражение в решающей битве при Кениггреце со своим вечным соперником Пруссией, поэтому им пришлось расстаться с мечтой о доминирующем положении в новообразованной Германской империи и даже остаться за ее пределами. Ради сохранения того, что осталось от бывшей многонациональной Габсбургской империи, у кайзера не осталось другого выбора, кроме как согласиться на создание очередного нового государства – Австро-Венгрии, где были собраны отдельные территории или «лоскуты», так возникло еще одно название – лоскутная империя.

В соответствии с Конституцией 1867 года, вынужденно провозгласившей Австро-Венгерскую конституционную монархию, Венгрия получила автономию, а остальная часть империи, управляемая немецкими либералами, даже осталась без названия. Немцы продолжали по привычке называть ее Австрией, однако это название вызвало разногласия со стороны представителей других народов, населявших эту территорию, и власти предложили компромиссное нейтральное, но довольно длинное и неудобное название «Страны и королевства, представленные в Рейхсрате». В результате в обыденном языке закрепилось неофициальное географическое название –

³⁰ Черепанова Е.С. Австрийская философия как самосознание культурного региона. — Екатеринбург, 2000. – С. 94.

Цислейтания. Граница с Венгрией проходила по реке Лейте, соответственно Королевство венгров, расположенное к востоку от реки, получило название Транслейтания (от латинского предлога *trans* – через), а Австрия, Чехия, Моравия, Силезия, Галиция, Буковина, Далмация, которые находились с другой стороны Лейты, стали называться Цислейтанией, название возникло по аналогии с Транслейтанией от латинского предлога *cis* – по эту сторону.

Название страны требует отдельного пояснения, поскольку имеет непосредственное отношение к настоящей работе. В ней рассматриваются, прежде всего, немецкоязычные философы и писатели, то есть немецкоязычная интеллектуальная элита, которая относилась к австрийцам. Если говорить в целом о государственно-политической ситуации, то существовали Венгрия и территория до Лейты, или Цислейтания, к которой и относилось то, что называлось Австрией. Однако в политическом смысле как таковой Австрии не было, и тогда мы вообще не вправе употреблять слово «Австрия» применительно к этому периоду. Тем не менее, говоря о мироощущении и культурной и исторической идентичности тех людей, чье творчество мы интерпретируем, мы, конечно, в первую очередь имеем в виду Австрию, потому что это были люди, писавшие по-немецки, и родиной для них была Австрия.

На рубеже XIX–XX веков появилось еще одно афористичное название страны – Какания, автором которого был Роберт Музиль. Термин «Какания» родился в результате сложения двух прилагательных, широко употреблявшихся применительно к Австро-Венгерской империи – королевская и кайзеровская, *k.u.k.* Сегодня это понятие часто употребляется с ироническим оттенком, когда люди хотят подчеркнуть некую критику того, что в германском мышлении ассоциируется со старомодным и провинциальным. «Письменно она именовалась Австро-Венгерской империей, а в устной речи позволяла называть себя Австрией – именем, стало быть, которое она сняла с себя торжественной

государственной присягой, но сохраняла во всех эмоциональных делах в знак того, что эмоции столь же важны, как государственное право»³¹.

Таким образом, на рубеже веков в результате вышеописанных исторических перипетий империя Габсбургов предстает перед нами двуединой монархией, в состав которой входили земли Зальцбурга, Штирии, Тироля, Богемии, Моравии, Силезии, Буковины, Далмации, Венгрии, Галиции, Словении, Сербии, Боснии, Герцеговины и ряда других областей. На этой территории насчитывалось не менее 15 этнических групп, 12 языков, 5 религиозных течений и по меньшей мере 5 самобытных культурных традиций. Характерным было преобладание двух прямо противоположных тенденций: одни народы стремились к самоопределению, другие выступали за сохранение целостности империи. На вопрос, кого из них можно было отнести к австрийцам, К. Нири отвечает следующим образом: «Безусловно, австрийцами, то есть “не-националами”, считали себя государственные чиновники, представители бюрократического аппарата и профессиональные военные – два социальных слоя, существованию которых могли бы угрожать распад империи, а также евреи, которые будучи “не-националами”, принципиально были более австрийцами, чем сами австрийцы»³².

Во главе этой монархии был «дряхлый» император Франц Иосиф, с его «бесконечным» правлением, которое длилось 68 лет, с 1848-го по 1916 год. С Францем Иосифом принято связывать порожденную им же «дряхлость», неповоротливость, громоздкость всей имперской государственно-бюрократической системы, часто еще более серьезное обвинение – и само поражение и распад империи с ним связывают реальные приметы социально-политической деградации некогда могучего государства – одного из лидеров Европы и всего мира.

Многонациональный состав способствовал закреплению в австрийском менталитете принципиальной внутренней неопределенности. Процесс

³¹ Музиль Р. Человек без свойств : Роман . – М., 2008. – С. 29.

³² Нири К. Философская мысль в Австро-Венгрии . — М., 1987. — С. 29.

осмысления австрийцами своей национальной принадлежности был обусловлен и отягощен кризисными явлениями, охватившими на рубеже веков все сферы общественной жизни: политическую, экономическую, социальную. Замедленный рост экономики, расслоение общества, автократическая форма правления, неразрешенность межнационального вопроса вызывали у жителей Дунайской империи настроения упадничества, двойственного отношения к государству.

С одной стороны, Конституция 1867 года обеспечила стране максимум возможных в монархии демократических свобод, провозгласив неприкосновенность личности и частной собственности австрийских подданных, свободу совести, вероисповедания и печати, равенство перед законом и утвердив политические права за всеми независимо от религиозной принадлежности, что, несомненно, способствовало бурному развитию культуры. Однако эта культура несла в себе печать кризиса, вызванного не только поражением, неоправданными ожиданиями, но и отставанием социального развития страны от буржуазного Запада, и в первую очередь от близкой по духу и языку Пруссии. Центральным вопросом австрийской культуры становится преодоление национальных распрей в многонациональном государстве, поиск национальной идентичности как избавления от комплекса неполноценности у австрийцев, которые чувствовали себя в это время «немцами второго сорта» в Европе. «К концу прошлого – началу нашего века чувством неприкаянности страдали не только чешские немцы, но и германо-австрийцы вообще, убедившиеся в крахе своих либеральных идеалов. Австрийцы чувствовали пустоту своей национальности, а немцы – то, что быть немцами неприятно и неудобно»³³.

Именно в этот исторически сложный период расхождения культурно-национальных и государственных интересов в Австрии с 70-х годов XIX века начинается небывалый расцвет духовной культуры, охвативший поэзию, драматургию, философию, литературу, что, с одной стороны, выглядело

³³ Нири К. Философская мысль в Австро-Венгрии. — М., 1987. — С. 84.

парадоксом на фоне общего упадка и кризисных явлений в стране. С другой стороны – он был ими же и исторически, политически, социально и географически предопределен, потому что Австро-Венгерская империя располагала к диалогу культур и к творчеству, создав для них все необходимые предпосылки. «Динамика австрийского развития была настолько бурной, что территория, язык, государственность, религия, экономика и культура крайне редко застывали, сходясь в едином фокусе настолько, чтобы можно было говорить об устойчивых национальных чертах»³⁴.

Отталкиваясь от этого культурно-исторического аспекта и обращаясь к австрийской философии и ее корням, можно поставить важный вопрос: что отличает ее от немецкой философии? Каким образом, развиваясь параллельно немецкой философии, австрийской философии удалось обрести и сохранить собственную самодостаточность и особую близость к английской философии?

Вопрос об австрийской философии остается дискуссионным, потому что в отличие от немецкой философии и в отличие от истории европейской философии, имеющих четкую периодизацию, собственных лидеров и основных игроков, не существует договора философского сообщества относительно того, что можно считать началом австрийской философии. Так, профессор Венского университета П. Кампиц вообще склонен начинать отсчет австрийской философии с римского императора Марка Аврелия. К. Нири ведет ее начало с 1866 года, когда возникла Австро-Венгрия.

По мнению Е.С. Черепановой, историческим толчком к вопросу о том, что нужно описать культурное и философское многообразие, было неприятие Австрии в таможенный союз в 1834 году. Австрия должна была стать лидером германского единства, но этого не случилось. Лидером пангерманской идеи, собственно, и стала сама Германия, хотя еще не объединенная Бисмарком, но уже существовавшая в виде каких-то политических конструкций. Следует отметить, что к тому времени уже оформилась немецкая философия, ее

³⁴ Черепанова Е.С. Австрийская философия как самосознание культурного региона. — Екатеринбург, 2000. – С. 86.

знаменем был И. Кант и немецкий идеализм, который можно было предъявить в качестве национальной идентичности, чего как раз была лишена Австрия. Свою идентичность обрели чехи и венгры, а вопрос об австрийской национальной идентичности не мог так ставиться прежде всего потому, что австрийцами себя считали не только австрийские немцы, но и ассимилированные австрийские евреи, которые тоже говорили по-немецки.

П. Кампиц считает, что границы многонациональной Австро-Венгерской империи невозможно определить ни географически, ни по национальному признаку. Пытаясь это сделать, исследователи всякий раз сталкиваются с необходимостью отделить «немецко-говорящую австрийскую часть» от венгерской, чешской, хорватской или словацкой. Однако при этом часто упускаются из вида процессы исторического взаимопроникновения, переплетения и взаимовлияния, которые происходят и по сей день. «Если же существует то, что можно было бы назвать австрийской идентичностью, то ее не следует искать ни в национальной, ни в политической сферах, а лишь в той области, которую философы обозначают как “духовную”, в той особой форме бытия и разновидности духа, которая развивалась веками и снова проявляется в новом качестве»³⁵.

По мнению известного исследователя австрийской философии Рудольфа Халлера, датой рождения самобытной австрийской философии следует считать 1874 год – год появления главного произведения Франца Brentano «Психология с эмпирической точки зрения». Он преподавал в Венском университете и основал научную школу, представители которой впоследствии стали профессорами в университетах на территории всей Дунайской империи. Влияние учения Brentano распространилось, таким образом, на Польшу, Чехию, Словакию, Венгрию, часть Италии и другие территории империи. Его учению были присущи три основные характерные черты: во-первых, в его основе была критика языка. Во-вторых, учение исходило из того, что

³⁵ Kampits P. Zwischen Schein und Wirklichkeit. Eine kleine Geschichte der österreichischen Philosophie. – Wien, 1984. – S. 14.

методологически философию следует понимать как науку, подобную естествознанию. И наконец, оно предполагало, что единственно верным основанием всякой философии, равно как и всякой науки, является эмпирия, опыт. Рудольф Халлер считает, что именно «эти основные характеристики и позволяют отделить австрийскую философию от прочей философии в немецко-говорящем пространстве»³⁶. Ведь невозможно сказать о немецкой идеалистической системе, что она была, прежде всего, эмпиричной, содержала критику языка, была ориентирована на естествознание. А если рассматривать предысторию феномена австрийской философии, то ее ключевым отличием будет на удивление незначительное влияние И. Канта на австрийскую философию.

Биография Э. Маха является очень типичной и весьма показательной для философствующего австрийца и позволяет представить, каким образом формировалось его мировоззрение и философские амбиции. Эрнст Мах родился 18 февраля 1838 года в небольшом местечке под названием Хирлиц, расположенном в пригороде Брно, в Моравии, которая являлась частью бывшей Австро-Венгерской империи в период глубокой политической реакции. Его отец Иоганн Непомук Мах был филологом по образованию, но он также интересовался и вопросами естествознания. В течение многих лет он занимался частной педагогической практикой. В своих воспоминаниях Э. Мах пишет, что в детстве был «слабым, жалким ребенком, который очень медленно развивался»³⁷.

Когда Э. Маху исполнилось два года, его семья переехала в нижнеавстрийский Мархфельд, в котором было расположено поместье, унаследованное отцом Э. Маха. Первая попытка отдать сына в гимназию не увенчалась успехом, так как Эрнсту трудно давались древние языки. Отец был вынужден самостоятельно заняться домашним образованием сына. Данный факт сыграл решающую роль в раннем интеллектуальном развитии

³⁶ Grenzen der Sprache – Grenzen der Welt. Wittgenstein, der Wiener Kreis und die Folgen. – Wien, 1982. – S. 12.

³⁷ Blackmore J. T. Three Autobiographical Manuscripts by Ernst Mach // Annals of Science. – Vol. 35. – 1978. – P. 411.

болезненного ребенка, который интересовался больше практической техникой, чем языками. «Мою детскую голову занимали машины и детали машин», – писал Э. Мах³⁸.

Домашнее обучение проходило весьма успешно, определились его интересы в математике и естественных науках, благодаря чему ему удалось поступить сразу в шестой класс гимназии Кремзьера. С особой теплотой Э. Мах упоминал своего учителя естествознания, который преподавал теорию развития Ламарка и космогонию Канта-Лапласа, «не обронив ни слова о несовместимости этих учений с Библией»³⁹. Э. Мах со свойственным ему свободомыслием писал: «Несмотря на то, что гимназическое воспитание в то время осуществлялось в клерикально-реакционном духе, даже и тогда находились люди, для которых либеральная эра императора Иосифа II не прошла бесследно и которые продолжали понимать свое предназначение учителя в этом смысле. Единственно неприятными были эти вечные религиозные экзерсисы»⁴⁰.

Эра свободомыслия, о которой Э. Мах писал с такой ностальгией, унаследованной им, по всей видимости, от своего либерально настроенного отца, пришлась на годы правления императора Иосифа II, который был сыном Марии-Терезии, и длилась она всего десять лет, с 1780-го по 1790 год. Этот период культурного развития Австрии, достаточно своеобразно отразившийся в ее истории, принято называть десятилетием австрийского Просвещения. Император Иосиф II отменил крепостную зависимость и открепил крестьян от феодалов. Реформы Иосифа II коснулись также вопросов системы образования и веротерпимости в Австро-Венгерской империи. Были открыты народные школы, в которых стали обучать детей крестьян, а религиозные предметы в учебных планах были заменены практическими. Формально преобразования распространились даже на свободу вероисповедания. Так, в 1781 году император Иосиф II принял «своего рода декларацию о веротерпимости, в которой лютеранам, кальвинистам и приверженцам иных христианских

³⁸ Blackmore J. T. Three Autobiographical Manuscripts by Ernst Mach // *Annals of Science*. – Vol. 35. – 1978. – P. 414.

³⁹ *Ibid.* P. 413.

⁴⁰ *Ibid.* P. 411.

конфессий обещана свобода вероисповедания и равенство в гражданских правах»⁴¹. Хотя протестантам по-прежнему запрещалось исполнять свои религиозные обряды и строить церкви, «такая политика “великодержавной толерантности” резко отличалась от прежней политики дома Габсбургов и вызвала активное противодействие католического духовенства. Папа Римский лично приезжал в Вену, дабы образумить просветителя на троне»⁴². Таким образом, несмотря на непродолжительность реформ Иосифа II и последовавшую за ними неизбежную реакцию, в обществе возникло понимание того, что возможен и другой альтернативный либеральный курс.

В период домашнего обучения Э. Маху попала в руки книга из обширной отцовской библиотеки «Пролегомены ко всякой будущей метафизике» И. Канта. Позже Э. Мах напишет в автобиографическом очерке, что «этот ясный и относительно просто написанный труд 15-летний юноша жадно проглотил. Книга произвела на него неизгладимое впечатление, разрушила в нем наивный реализм, вызвала интерес к теории познания и разрушила в нем через влияние метафизика Канта какие бы то ни было склонности к метафизике. Вместе с этим данный труд направил мое мышление на вопросы естественнонаучного и психологического характера. От кантианского критического идеализма я скоро отошел. Еще в юношестве я увидел в “вещи-в-себе” ненужное метафизическое изобретение, бесполезную метафизическую иллюзию. Вскоре я обратился к неявно содержащимся у Канта идеям Беркли и постепенно к критическому эмпиризму»⁴³.

В 1855 году, после окончания гимназии, он становится студентом Венского университета. В университетские годы Э. Мах уделял наибольшее внимание физике. В январе 1860 года, после защиты докторской диссертации «Об электрическом разряде и индукции», он стал приват-доцентом университета. Его интересовала только экспериментальная физика, однако на проведение

⁴¹ Черепанова Е.С. Австрийская философия как самосознание культурного региона. — Екатеринбург, 2000. — С. 89.

⁴² Там же.

⁴³ Blackmore J. T. Three Autobiographical Manuscripts by Ernst Mach // *Annals of Science*. — Vol. 35. — 1978. — P. 413.

исследований у него не хватало средств. Чтобы заработать, Мах начал читать много лекций и тем самым приобрел необходимый педагогический опыт. Э. Мах читал лекции по психофизике Фехнера и теории Гельмгольца о звуковосприятии. Несмотря на финансовые трудности, Э. Мах не прекратил исследовательскую деятельность. Общение с немецкими физиологами Эрнстом Брюкке (1819–1892) и Карлом Людвигом (1816–1895) способствовало пробуждению у Э.Маха интереса к физиологии и вдохновило его в дальнейшем на собственные теоретико-познавательные философские исследования.

Интересно, что Людвиг и Брюкке наряду с Гельмгольцем и Дюбуа-Реймоном были учениками великого немецкого физиолога Иоганнеса Петера Мюллера. Говорят, что будущие корифеи физиологии XIX века в противовес виталистически ориентированному Мюллеру однажды торжественно поклялись объяснить все явления живой природы исключительно в категориях физики и химии, образовав «незримый колледж», который вошел в историю под названием физико-химической школы в физиологии, лидером которой стал Э. Брюкке.

Расцвет карьеры Эрнста Брюкке в Вене начался с 1849 года. Он был директором Института физиологии, составляющего часть колледжа Венского университета, в котором он сначала стал деканом медицинского факультета, а затем ректором университета. На медицинском факультете профессор Брюкке читал свой любимый курс лекций «Физиология голоса и речи», который охотно посещал Зигмунд Фрейд. Считается, что Брюкке оказал на Фрейда значительное влияние в годы студенчества, под его руководством студент Фрейд работал в Венском физиологическом институте, просиживая по многу часов за микроскопом и занимаясь изучением устройства нервных клеток спинного мозга животных.

Сам Мах в 1875 году подтвердил гипотезу Гельмгольца о вестибулярном аппарате человека и обнаружил функцию полукруглых канальцев во внутреннем ухе, ответственных за восприятие человеком своего положения в пространстве. Данное открытие было сделано Э. Махом независимо от Йозефа

Брейера, который был наставником З. Фрейда. Брейер использовал в своем исследовании полукруглых каналов внутреннего уха неврологический подход. «Оба они, Мах и Брейер, проявили присущее им благородство, отдавая друг другу пальму первенства в научном открытии, которое, по сути, было ими продублировано»⁴⁴. Мах изложил суть этого крупного открытия в физиологии в своей работе «Основные направления в учении об ощущениях движения». Таким образом, можно утверждать, что сочетание физики, физиологии и психофизики стало одной из характерных черт монизма Э. Маха, в том числе и благодаря общению с Людвигом и Брюкке.

В 1864 году Э. Мах был приглашен в Грац на должность профессора математики. Э. Мах читает математический курс и продолжает свои занятия физикой и физиологией. С 1866 года он работает на кафедре физики в том же самом университете, для него наступает благоприятный период плодотворной работы, в свет вышли три книги и двадцать семь статей Э. Маха. Наиболее значительным достижением этого периода стало обнаружение нового психофизического эффекта, в настоящее время известного под названием полос Маха. Он представляет собой эффект краевого контраста, возникающий при рассмотрении двух равномерно окрашенных серых или цветных пятен разной яркости, разделенных плавным переходом от одной яркости к другой. При этом субъективно воспринимается не плавный переход между пятнами, а иллюзорные полосы. Так, в области светлого пятна воспринимается еще более светлая полоса, а в области темного – еще более темная.

В 1867 году Э. Мах стал профессором экспериментальной физики в Праге. В Чехии у него появилась возможность работать в собственной лаборатории, где было создано немало оригинальных демонстрационных устройств. Так например, «волновая машина» до сих пор используется в кабинетах физики. В Пражском университете Э. Мах в течение тридцати лет читал курс по

⁴⁴ Джонстон У.М. Австрийский Ренессанс. Интеллектуальная и социальная история Австро-Венгрии, 1848-1938 гг. — М., 2004. — С. 276.

экспериментальной физике. Основные исследования в области оптики, акустики, ударных волн были сделаны Махом в эти годы.

Хотя интересы Э. Маха в это время преимущественно обращены к экспериментальному естествознанию, его представления о науке все же не были лишены некоторых философских черт, воспроизводя традиции позитивистского психологизма в духе Юма и Милля. Так, на одной из лекций в ноябре 1871 года он скажет: «... при исследовании природы важно только познание связи явлений. То, что мы представляем себе за явлениями, существует только в нашем уме, имеет для нас значение мнемонического приема или формулы, форма которой, будучи произвольной и безразличной, очень легко меняется с состоянием нашей культуры»⁴⁵.

К числу самых важных публикаций Э. Маха в пражский период его жизни относятся «Оптико-акустические ощущения» (1872), «Основные положения учения о двигательных ощущениях» (1875), посвященные объяснению механизма действия вестибулярного аппарата, а также различные стробоскопические исследования. Одновременно с этим Э. Мах снова вернулся к работе над своим историко-критическим учением, опубликовав «Историю и корень принципа сохранения работы» (1872), в которой «он отвергает всякое метафизическое и одностороннее механическое понимание физики, равно как и априорно-синтетические категории абсолютного движения, абсолютного пространства и абсолютного времени как ненужные понятия материи»⁴⁶. В этом фундаментальном исследовании Э. Мах формулирует принцип экономии мышления и проделывает подготовительную работу для своих последующих сочинений, ставших классическими, таких как «Механика. Историко-критический очерк ее развития» (1883) и «Основы учения о теплоте» (1896).

В 1873–1874 гг. Э. Мах занимал должность декана философского факультета. Тот весьма любопытный факт, что физик Э. Мах возглавил философский факультет Карлова университета, заслуживает внимания и

⁴⁵ Нири К. Философская мысль в Австро-Венгрии. — М., 1987. — С. 80.

⁴⁶ Mach E. Werk und Wirkung / hrsg. von Rudolf Haller u. Friedrich Stadler. — Wien, 1988. — S. 20.

требует отдельного пояснения. Прежде всего, это было связано с особенностями философского образования в Австро-Венгрии в этот период в целом и структуры Карлова университета в частности. Дело в том, что в Австро-Венгрии в старших классах гимназий и в университетах философию изучали в обязательном порядке в течение трех, а с 1824 года – двух лет. Со времен Иосифа II содержание занятий по философии «оставалось неизменным и было призвано распространять и популяризировать в широких массах то, что называется австрийской идеологией и относящимся к ней менталитетом: эмпиризм, прагматизм, утилитаризм и прежде всего направленный на практические действия морализм»⁴⁷.

В отличие от многих других университетов, образование в Карловом университете не имело религиозного уклона, так как у католической церкви в Праге имелось собственное учебное заведение – Клементинум. Философский факультет, относившийся к четырем главным факультетам, открытым с момента основания Карлова университета в 1348 году императором Карлом IV, был обязательным для всех студентов. Он вводил студенчество во многие науки: грамматику, риторику, историю и т.п. Совмещая в себе множество гуманитарных предметов, философский факультет положил начало нескольким новым отделениям Карлова университета.

Немецкий исследователь австрийской истории и литературы Роджер Бауэр пишет, что в то время «австрийские факультеты были похожи больше на философские классы во французских гимназиях, чем немецкие философские факультеты, и служили лишь переходом от гимназии к факультетам более “высокого уровня” и техническим факультетам»⁴⁸. Как уже отмечалось, философия в империи Габсбургов имела прикладное практическое значение, она была призвана отвечать на главные мировоззренческие и теоретико-познавательные вопросы и разъяснять, как устроено познание и каковы критерии познания. Вот почему стало возможным назначение физика-

⁴⁷ Bauer R. Die Welt als Reich Gottes. Grundlagen und Wandlungen einer österreichischen Lebensform. – Wien, 1974. – S. 71.

⁴⁸ Ibid.

естествоиспытателя Э. Маха как человека, который направляет в практическое русло и физику, и философию, на должность декана философского факультета Карлова университета.

Большинство источников подтверждает, что сам Э. Мах возражал против причисления его к философам, так как считал себя прежде всего физиком, по его словам, в философии он был всего лишь «прохожим» или «воскресным охотником».⁴⁹ Он настаивал, что сделал лишь набросок собственной философии. В предисловии «Познания и заблуждения» он пишет: «Не существует никакой философии Маха, а есть – самое большее – его естественнонаучная методология и психология познания, и обе они представляют собой несовершенные попытки временного характера. <...> Что мои взгляды не могут совпадать с идеями Канта, должно было быть ясно с самого начала всякому кантианцу, а также и мне. Но разве философия Канта есть единственно непогрешимая философия и ей подобает предостерегать специальные науки, чтобы они даже не пытались сделать в собственной своей области, собственными путями то, что она им сама более ста лет тому назад обещала, но не сделала?»⁵⁰

Несмотря на то что сам Э. Мах при каждом удобном случае заверял, что вовсе не является философом, а лишь естествоиспытателем, в «Материализме и эмпириокритицизме» можно найти следующее утверждение В.И. Ленина: «Философия естествоиспытателя Маха относится к естествознанию как поцелуй христианина Иуды относится к Христу»⁵¹. Приведенное высказывание свидетельствует о том, что Ленин считал, будто Мах своим обращением к философии предал естественнонаучное знание и тем самым дискредитировал сам себя как физик.

Так как Э. Мах уже с юных лет изучал философию и даже анализировал труды И. Канта на предмет философской критики, то вряд ли можно говорить, о

⁴⁹ Kampits P. Zwischen Schein und Wirklichkeit. Eine kleine Geschichte der österreichischen Philosophie. – Wien, 1984. – S. 114.

⁵⁰ Мах Э. Познание и заблуждение. Очерки по психологии исследования. – М., 2003. – С. 32.

⁵¹ Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм: Критические заметки об одной реакционной философии. — М., 1989. — С. 284.

философском творчестве, как результате методологического теоретизирования в области физики. Как отмечает А.В. Перцев, «может создаться впечатление, что Э. Мах принадлежал к тем мыслителям, которые идут от “чистого” естествознания к философии и начинают заниматься ею всерьез только в зрелые годы, а то и на закате жизни. Таких философствующих естествоиспытателей немало в современной России и за ее пределами. Но в Австрии сложилась совершенно иная традиция. Зачастую в сферу естествознания здесь отправлялись – за признанием! – люди, которые с молодых лет тяготели к философии»⁵². Таким образом, Э. Мах пришел в философию через физику и физиологию, потому что искал в этих науках весомые аргументы для подтверждения своих философских воззрений. Этому можно найти подтверждение в личной записной книжке Э. Маха под номером 57 в записи от 5 октября 1902 года: «Задачей моей жизни было подойти к философии с позиций естествознания. Пожертвовал некоторыми предубеждениями. Теперь это относится к философии»⁵³.

Биография Э. Маха свидетельствует о том, что он начал свое философское развитие с чтения трудов Канта. Подобно многим австрийским философам Э. Мах в каждой своей работе уделяет внимание критическому рассмотрению философских взглядов кенигсбергского мыслителя: «Мои отношения к Канту весьма своеобразны. С величайшей благодарностью я должен признать, что именно его критический идеализм был исходным пунктом всего моего критического мышления. Но оставаться верным ему я не мог. Очень скоро я снова вернулся к взглядам Беркли, сохранившимся в более или менее скрытом виде в сочинениях Канта. Через исследования в области физиологии органов чувств и изучение Гербарта я пришел к взглядам, близким к взглядам Юма, но сочинений самого Юма я в то время еще не знал. Я и в настоящее время считаю Беркли и Юма гораздо более последовательными мыслителями, чем Кант»⁵⁴.

⁵² Перцев А.В. Эрнст Мах: штрихи к портрету австрийского позитивиста // Известия Уральского федерального университета. – (Серия 3: Общественные науки). – 2012. – Т. 100. – № 1. – С. 139.

⁵³ Mach E. Werk und Wirkung / hrsg. von Rudolf Haller u. Friedrich Stadler. – Wien, 1988. – S. 199.

⁵⁴ Мах Э. Анализ ощущений и отношение физического к психическому. – М., 2005. — С. 299.

Причина неприятия И. Канта в Австрии заключалась не только в том, что существовала конкуренция между германским и австрийским «духом», имело также место и особое отношение к Канту как к символу германской культуры. Выход «Критики чистого разума» И. Канта совпал с периодом просветительских реформ Иосифа II в Австрии; возможно, по этой причине первоначально австрийская интеллектуальная элита с благосклонностью приняла и с интересом изучила этот труд, увидев в нем поддержку Просвещения, основания для развития естествознания и науки. В Австрии даже появились поклонники и популяризаторы идей Канта, наиболее значительным среди которых П. Кампиц называет Карла Леопольда Рейнгольда (1758–1823). Рейнгольд написал ряд работ по разъяснению философии Канта и выступал с лекциями не только в Австрии, но и в Германии. Однако он трактовал Канта не с точки зрения философии, а, скорее, с позиций революционных изменений социально-политической ситуации в стране и в надежде на просвещение народа рассчитывал на «освобождение его от оков невежества именно в законосообразной и воспитующей деятельности просветителя»⁵⁵. Просветителем, по Рейнгольду, выступал император Иосиф II, который путем постепенных реформ освобождал свой народ.

Такая интерпретация в духе йозефинства шла вразрез с самим учением Канта, основанном на свободном самосознании, независимом от социальных условий *Я*, и приводила к непониманию его философии, что можно проиллюстрировать на примере выдержки из письма Канту другого австрийского кантианца, Андреаса Рихтера (1760–1827): «В Вене мало кто чувствует вашу философию. Ваша “Критика..” произвела сенсацию, но не составила вашего счастья... Есть те, кто ничего не создает, но искажает смысл каждого предложения. Есть и те, кто знает лишь название вашей “Критики...” и

⁵⁵ Kampits P. Zwischen Schein und Wirklichkeit. Eine kleine Geschichte der österreichischen Philosophie. – Wien, 1984. – S. 155.

этим ограничивается, чтобы глубокомысленно возражать. Такова судьба вашей «Критики...» в Вене»⁵⁶.

Отношение к Канту в Австро-Венгрии кардинально изменилось после выхода «Религии в пределах только разума» в 1793 году. Как следует из названия, работа была посвящена критическому рассмотрению вопросов веры, а также католической церкви. Немецкий философ замахнулся на критику и посмел осмеять самое святое, одну из основополагающих ценностей в мировоззрении австрийцев – католичество. «Кант критикует и с тотальной последовательностью рационалиста доказывает абсурдность религии, отягощенной культам. По мере развертывания критики ясно, что Кант обращается прежде всего к католической церкви. Именно ее превознесения жертвенности, ее культ покаяния, бичевания, паломничества есть усилия, менее всего способствующие моральному поведению людей»⁵⁷. Критика католицизма была воспринята как посягательство Канта на базовое единство культуры Австрии, в результате изучать философию Канта в пределах Австро-Венгрии категорически запретили, а сам мыслитель был объявлен на ее территории чуть ли не врагом. В этом одна из причин того, что антикантианство является характерной особенностью австрийской философской традиции, что, безусловно, также сыграло свою роль в философском становлении Э. Маха.

В 1879 году Э. Мах стал ректором Пражского университета. Его избрание на эту должность пришлось как раз на тот период, когда «на территории Чехии и Моравии произошел фактический отказ от немецкого языка как языка государственного. На прошения и обращения чиновники должны были отвечать на языке просителя, что привело к вытеснению немцев из госаппарата на этих территориях, так как они, как правило, не говорили по-чешски, а чехи владели обоими языками свободно. В это же время произошел фактический раскол

⁵⁶ Sauer W. Österreichische Philosophie zwischen Aufklärung und Restauration: Beiträge zur Geschichte des Frühkantianismus in der Donaumonarchie. – Amsterdam, Würzburg, 1982. – S. 10.

⁵⁷ Черепанова Е.С. Австрийская философия как самосознание культурного региона. — Екатеринбург, 2000. – С. 180.

Пражского университета на чешский и немецкий, официально завершённый в 1882 году»⁵⁸.

Э. Мах, будучи «немцем, который, однако, полностью посвятив себя науке, политикой не занимается»⁵⁹, в силу сложившихся обстоятельств оказался в центре событий, он «яростно выступал против разделения немецких и чешских преподавателей и за создание второго чешского университета. Его космополитический либерализм был в принципе далек от борьбы национальностей»⁶⁰. После раздела университета Э. Мах в 1883 году был вновь избран ректором так называемого немецкого университета. Тяжело переживая эти события, Э. Мах начал писать свое главное философское произведение «Анализ ощущений» (*Beiträge zur Analyse der Empfindungen*), в котором он изложил учение об ощущениях как элементах мира.

Это произведение, написанное в 1886 году, сразу завоевало такую популярность среди самого широкого круга читателей, что было переиздано 5 раз еще при жизни автора. В России в начале прошлого века «Анализ ощущений» наряду с другими работами Э. Маха был переведен и опубликован. Вступительную статью к русскому изданию «Анализа ощущений» под названием «Чего искать русскому читателю у Эрнста Маха?» написал А.А. Богданов. В 1907 году это введение было переведено на немецкий язык и опубликовано в журнале “*Die Neue Zeit*” под названием «Эрнст Мах и революция» по случаю празднования 70-летнего юбилея Э. Маха. В этой статье он доказывал, что философские идеи Э. Маха созвучны материализму и марксизму как идеологии пролетариата, чем навлек на последнего гнев В.И. Ленина. В «Материализме и эмпириокритицизме» В.И. Ленин выступил с резкой критикой Э. Маха, что, по сути, и определило дальнейшую судьбу философского наследия австрийского мыслителя в России, которое после

⁵⁸ Черепанова Е.С. Австрийская философия как самосознание культурного региона. — Екатеринбург, 2000. — С. 99.

⁵⁹ Нири К. Философская мысль в Австро-Венгрии. — М., 1987. — С. 80.

⁶⁰ Kampits P. Zwischen Schein und Wirklichkeit. Eine kleine Geschichte der österreichischen Philosophie. — Wien, 1984. — S. 116.

революции подвергалось исключительно критике, отчего и термин «махизм» до сих пор воспринимается в негативной коннотации.

В «Анализе ощущений» Э. Мах рассматривает основные точки зрения при исследовании чувственных ощущений, подробно анализирует пространственные ощущения глаза, волю, память, ассоциации, ощущения времени и ощущения звука, обращается к проблемам отношения зрительных ощущений друг к другу и другим психическим элементам. Однако речь идет не о физиологии нервных процессов или работе рецепторов человека. Ключевые вопросы, которые волнуют автора, касаются феномена психического восприятия ощущений, передаваемых нашими органами чувств. Э. Мах приводит в качестве примеров опыты, которые легко способен проделать каждый человек, чтобы убедиться в справедливости его наблюдений. Чувственные ощущения Э. Мах представляет в виде относительно устойчивого комплекса элементов, связанных между собой функционально и подверженных постоянным изменениям. Аналогичный подход автор использует в рассмотрении человеческого Я, которое он также видит как совокупность определенным образом связанных между собой элементов. Работа сопровождается большим количеством сносок и комментариев. Основные идеи об элементах мира и неразрешимой философской проблеме Я Э. Мах будет развивать во всех последующих своих произведениях.

Время создания Э. Махом своих главных философских трудов на рубеже XIX–XX веков совпало с целым рядом выдающихся научных открытий в самых разных областях физики, которые в дальнейшем послужили фундаментом при создании новой квантовой физики. Физическое познание природы играет роль трамплина по отношению к другим отраслям естествознания. Открытия и изобретения в физике позволили совершенствовать не только приборы, но и методы исследований, в том числе в других областях знаний, что ознаменовало новый этап в развитии неклассического естествознания и неклассической науки в целом.

Теория относительности А. Эйнштейна, а также открытия в химии и биологии означали революцию в физике и естествознании. Произошла глубокая ревизия прежних метафизических представлений о материи и ее строении, свойствах, формах движения и типах закономерностей, о пространстве и времени.

В связи с совершёнными фундаментальными открытиями «рушились прежние представления об атоме, главном объекте исследований того времени, как первом и неделимом кирпичике мироздания, введенном еще Демокритом в античное время»⁶¹. Формой преодоления сомнений ученых в ценности принципов традиционной науки стала, в конце концов, новая наука, а именно: релятивистская механика, теория относительности, теория радиоактивности и строения атома, бихевиоризм, а также теория эмпириокритицизма, который выступил как теоретико-познавательная программа искоренения метафизики.

Вообще в истории позитивизма выделяют три основных этапа, охватывающих в своем развитии около полутора веков. Представителями первого, или начального, этапа позитивизма считают О. Конта, Д.С. Милля, Г. Спенсера, К. Пирсона. Второй этап в развитии позитивизма как раз непосредственно связан с творчеством Э. Маха, а также с трудами Р. Авенариуса и А. Пуанкаре. И, наконец, в рамках третьего этапа развития позитивизма, который обозначают как логический эмпиризм, или неопозитивизм, рассматривают деятельность Венского кружка и работы таких его представителей, как Р. Карнап, М. Шлик, О. Нейрат, а также философию Л. Витгенштейна, Б. Рассела и других авторов.

Если ранний позитивизм рассматривал традиционные философские рассуждения об основах мироздания как пустую трату времени и попросту предлагал отбросить всякую метафизику на пути научного познания, заменив ее достижениями конкретных позитивных наук, то зрелый позитивизм предпринял попытку радикально и раз и навсегда оградить науку от опасности всякого рода

⁶¹ Черепанова Е.С. Австрийская философия как самосознание культурного региона. — Екатеринбург, 2000. — С. 182.

метафизических заблуждений в русле уже сложившейся методологии, а также с помощью только еще зарождавшейся тогда позитивной науки о человеческом сознании, как психология. Представители второго этапа развития позитивизма, лидерами которого были Э. Мах и Р. Авенариус, полагали, что проблемы обоснования фундаментальных научных абстракций будут непременно решены, если обобщить опыт, прежде всего, естественнонаучного наблюдения, подробно и методично проследить движение науки на ее пути к выводам и в случае обнаружения метафизических суждений скорректировать этот путь, последовательно устранив их из науки.

Для физика Э. Маха факты, опыт и методы есть решающая триада, одинаково важная как для естественных наук, так и для философии. Поскольку для фактов не имеет значения, будем ли мы видеть сломанный карандаш в воздухе или просто в воде, видимость и реальность имеют тот же смысл: «Чувства никогда не обманывают, и никогда не показывают правильно»⁶². Таким образом, кажущееся и действительное, впечатление и реальность по сути неразличимы, имеют право на существование как и модели мира, предложенные Птолемеем и Коперником.

Швейцарский философ Рихард Авенариус (1843–1896), которого еще называют «духовным сторонником-двойником»⁶³ Э. Маха, предложил аналогичную принципу экономии мышления Э.Маха идею в написанной им, абсолютно независимо от Э. Маха, работе «Философия, как мышление о мире, согласно принципу наименьшей силы» (1876). Интересно, что Э. Мах и Р. Авенариус познакомились с работами друг друга только в восьмидесятых годах и высоко их оценили, по всей видимости, получив, таким образом, взаимное подтверждение обоснованности собственных трудов. С 1882-го по 1885 год оба мыслителя переписывались, причем Э. Мах продолжил этот духовный союз и после смерти Р. Авенариуса, начав сотрудничать с

⁶² Мах Э. Познание и заблуждение. Очерки по психологии исследования. – М., 2003. – С. 189.

⁶³ Stadler F. Vom Positivismus zur "Wissenschaftlichen Weltauffassung": Am Beispiel der Wirkungsgeschichte v. Ernst Mach in Österreich von 1895 bis 1934. – Wien ; München, 1982. – S. 61.

основанным Авенариусом в 1877 году «Журналом по научной философии» (“*Vierteljahresschrift für wissenschaftliche Philosophie*”).

В «Анализе ощущений» Мах прокомментировал сходство своих взглядов с философией Авернариуса следующим образом: «Это такая близость, которую только можно было бы себе вообще вообразить при полной взаимной независимости между двумя отдельными людьми со столь различными путями развития и различной сферой работы. Соответствие скрывается где-то в большом разнообразии формы»⁶⁴.

Подобно Э. Маху, Р. Авенариус сформулировал свой принцип наименьшей траты сил исходя из равноценности внешнего и внутреннего опыта на основе «чистого опыта». Однако, в отличие от Э. Маха, Р. Авенариус применяет биологическое «естественное» понятие о мире к принципу наименьшей траты сил с очень сложной системой знаков для систематизации опыта. Согласно Р. Авенариусу, «философия систематизируется по порядку целого эмпирического с минимальными затратами сил и мыслей как синтез исключительно научных эмпирических понятий, а ее метод сводится к обобщающей упорядочивающей стратегии мышления на психологической основе»⁶⁵.

Оба лидера второго этапа развития позитивизма, Э. Мах и Р. Авенариус, считали, что вследствие «загруженности метафизикой» в науке возникает очень много сложностей и заблуждений. Во избежание ошибок, порождаемых включением в фундаментальные исследования всевозможных несуществующих абстрактных сущностей, от метафизических положений следует избавиться не только теоретическое знание, но и научный опыт. Таким образом, важнейшей задачей позитивной философии стала критика опыта, нагруженного метафизикой, поэтому разработанные Махом и Авенариусом независимо друг от друга философские системы стали называть эмпириокритицизмом. Данный термин закрепился в истории философии и стал употребляться для обозначения второго этапа позитивизма.

⁶⁴ Мах Э. Анализ ощущений и отношение физического к психическому. – М., 2005. — С. 80.

⁶⁵ Stadler F. Vom Positivismus zur “Wissenschaftlichen Weltauffassung”: Am Beispiel der Wirkungsgeschichte v. Ernst Mach in Österreich von 1895 bis 1934. – Wien ; München, 1982. – S. 61.

Программа эмпириокритицизма предусматривала обнаружение в философских и научных построениях априорных, не основанных на опыте утверждений и пробелов в системе научных доказательств, а затем последовательное устранение подобных утверждений и заполнение пробелов в процессе рассуждения, призванные очистить науку от метафизических домыслов и предрассудков, а следовательно, предотвратить всякую возможность появления в ней метафизики.

Вслед за О. Контом Э. Мах анализирует историю науки и отмечает тесную связь науки с метафизикой на ранних этапах, когда наука развивалась в русле теологической натурфилософии, и закладывались основы представлений о мироустройстве, существующем в природе порядке и законах, их регулирующих. В рамках натурфилософии также возникли идеи об абсолютном пространстве и времени, принципы неизменности количества материи, движения и энергии. Механистический взгляд на природу утвердился в науке в связи с Ньютоном, в механицизме Э. Мах усматривал метафизику, поэтому подвергал его резкой критике, отмечая ограниченность механицизма и невозможность сведения к механике всех изучаемых в науке процессов. Критика Э. Махом механистической картины мира как абсолютного пространства и времени предвосхитила последующие идеи теории относительности.

Благодаря позитивизму, в общепринятой философской терминологии прочно утвердился термин «теория познания», который был впервые использован в 1865 году Э. Цильзелем, утверждавшим, что главная задача теории познания сводится к тщательному изучению самого процесса познания и последовательному избавлению познания от метафизических заблуждений, предрассудков и неявных и необоснованных предположений. Следствием данной установки стал постулат позитивизма о том, что познавательный процесс начинается с ощущений, которые и составляют основу всякого знания.

В 1894 году Э. Маха постигает несчастье. Его сын Генрих, который с юных лет проявлял большой интерес к науке и уже в возрасте двадцати лет защитил

докторскую диссертацию по химии в Геттингене, покончил жизнь самоубийством через несколько недель после защиты. Э. Мах страдал от чувства вины за гибель сына, поэтому в 1895 году он переехал в Вену, где ему было предложено место на вновь созданной кафедре теории индуктивной науки. Через год он опубликовал свои «Принципы термодинамики». Его лекции на самые разнообразные темы, от истории физики и науки в целом до специальных вопросов психологии, в Венском университете проходили с огромным успехом.

Следует отметить, что подход к психологии в Австрии был весьма специфическим, главным объектом исследования здесь была вовсе не душа, а именно физиологические, психические процессы, которые интерпретировались с использованием методологии естествознания. Так, психологией занимался, например, упомянутый выше химик по образованию и учитель Э. Гуссерля и А. Мейнонга Ф. Brentano. Даже название главного произведения Ф. Brentano – «Психология с эмпирической точки зрения» – говорит само за себя. Психология стала такой наукой, которая гарантировала философии естественнонаучные основания и непосредственную связь с реальностью, что очень важно для понимания австрийской философской традиции. В этом случае философия, фундированная психологией, была не метафизикой, а как раз именно той практически, эмпирически ориентированной наукой, как ее понимали в этот период австрийские философы.

Активная преподавательская и исследовательская деятельность серьезно подорвала и без того слабое здоровье Э. Маха. В 1900 году он был вынужден прекратить свою преподавательскую деятельность в Венском университете, все же продолжая заниматься научной работой. Хотя Э. Мах отказался принять дворянский титул, он все же принял предложение стать членом Верхней Палаты австрийского парламента и оставался таковым на протяжении ряда лет. Однажды, чтобы продемонстрировать свою гражданскую позицию, он приехал в парламент в карете скорой помощи для голосования за девятичасовой рабочий день. В этот период Э. Мах завершает работу над книгой «Оптика», но ее изданию помешала начавшаяся Первая мировая война.

Философия Э. Маха предстает более целостно в его наиболее зрелом произведении «Познание и заблуждение. Очерки по психологии исследования». Книга была написана в 1905 году, в русском переводе была издана в 1912-м. Работа объединила идеи, высказанные автором в его более ранних сочинениях об основных чертах и принципах научного творчества, о содержании используемых в науке понятий и проблемах теории познания. Э. Мах рассматривает процесс познания, исходя из классических установок позитивизма, он предлагает избавить науку от «мнимых» метафизических проблем и заняться непосредственно исследованием познавательных средств, под которыми он подразумевает, прежде всего, описание и анализ познавательной деятельности человека.

Основные идеи теории познания, сформулированной в «Познании и заблуждении», можно обнаружить в более раннем сочинении Э. Маха «Механика»: «С нашей точки зрения, функция всякой науки – замещать опыт. Поэтому она, с одной стороны, правда, должна оставаться в области опыта, но, с другой стороны, она и предшествует опыту, всегда ожидая подтверждения или также опровержения. Там, где невозможно ни подтверждение, ни опровержение, там науке делать нечего. Она остается всегда только в области неполного опыта»⁶⁶.

По его мнению, теория познания должна быть основана на достижениях психологии и пользоваться методами наблюдения и умственных и физических экспериментов. Познание автор представляет себе в виде непрерывного процесса и критически подходит к рассмотрению понятий, главную функцию которых он видит в экономии мышления. Понятия, состоящие из элементов, позволяют экономить мышление и приспособливают мысли и факты друг к другу. В процессе приспособления мыслей к действительности мышление использует механизм аналогий, которые выступают в качестве важнейших предпосылок гипотез, играющих большую роль в науке при построении теорий.

⁶⁶ Мах Э. Механика. Историко-критический очерк ее развития. — Ижевск, 2000. — С. 416.

Следует отметить, что Э. Мах выступал не против теорий как таковых, а против их абсолютизации, тормозящей развитие науки. Он считал, что избавиться от отжившей теории всегда мешает вера в нее, естественным образом возникающая у естествоиспытателей после ее принятия большинством. «Чтобы раз и навсегда разрушить слепую веру в теории, изжить преклонение перед ними и приписывание им сверхъестественных свойств, необходимо поступить с ними так же, как с волшебным ящиком фокусника... его надо разобрать на составные части, рассмотреть внутренний механизм его действия, а затем собрать вновь. И пользоваться им дальше, не приписывая ему, однако, волшебных и сверхъестественных свойств»⁶⁷.

В мае 1913 года Э. Мах переезжает в Германию, в Фатерштеттен, расположенный неподалеку от Мюнхена, чтобы быть ближе к старшему сыну Людвигу. В одной из своих последних работ под названием «Культура и механика», которая вышла в 1915 году, философ развивает мысль о том, что наука закреплена в общественной практике, которая ее же и формирует. Э. Мах умер в доме сына 19 февраля 1916 года.

Хотелось бы отметить важную роль и большое влияние Э. Маха на деятельность Венского кружка. История Венского кружка началась с того, что Венском университете была основана кафедра философии индуктивных наук (сегодня она называлась бы кафедрой философии естествознания), заведовать которой специально пригласили Э. Маха. В 1924 году Мориц Шлик (1882–1936), занимая должность заведующего этой кафедрой в Венском университете, объединил вокруг себя группу философов и ученых, которые собирались раз в неделю по четвергам, чтобы вместе обсуждать актуальные проблемы современного естествознания, физики, логики, математики. Их собрания считаются первыми заседаниями Венского кружка. Помимо М. Шлика активными членами и участниками Венского кружка были Отто Нейрат, Рудольф Карнап, Виктор Крафт, Филипп Франк и другие выдающиеся ученые того времени.

⁶⁷ Миронов Д.А., Перцев А.В. Австромарксизм, позитивизм и рабочее движение. — Свердловск, 1990. — С. 28.

Несмотря на то что члены Венского кружка обсуждали, казалось бы, абстрактные вещи и идеи, связанные с развитием науки, они, тем не менее, поддерживали просветительские идеи. Отто Нейрат настаивал на том, что достижения Венского кружка должны быть известны широкой публике, поэтому при его активном участии в 1928 году для популяризации идей Венского кружка создается параллельный орган, названный «Союзом имени Эрнста Маха» (Verein Ernst Mach), который возглавил Мориц Шлик.

В рамках «Союза Эрнста Маха» участники Венского кружка проводили публичные лекции на самые различные темы, связанные с философией, математикой, физикой, теологией и т.п. Как отмечает Джон Блэкмор, «пацифизм и склонность к левым политическим убеждениям Маха были переняты большинством членов Венского кружка и их образовательного филиала для взрослых “Союз Эрнста Маха”, за исключением Шлика, Крафта и еще некоторых других»⁶⁸. Некоторые исследователи склонны считать, что такая общая политическая ориентация сыграла свою роль в закрытии «Союза Эрнста Маха» властями в 1934 году.

Поскольку в задачи настоящего исследования не входит анализ деятельности Венского кружка, то мы ограничимся лишь влиянием ключевых идей интересующего нас мыслителя на Венский кружок. Так, по мнению американского исследователя Джона Блэкмора, «в качестве “внешней” цели Венского кружка сохранилась установка Маха на “внутреннее” назначение науки, заключавшееся в “описании и соотнесении явлений наипростейшим способом” и выражавшееся в терминах “объективного языка физики”»⁶⁹. К следствиям влияния Маха в этом ключе можно отнести неоконченную работу по прагматике Рудольфа Карнапа и графические изображения и пиктограммы, изобретенные Отто Нейратом и получившие с его легкой руки большое

⁶⁸ Blackmore J. T. The Vienna and the Brunn Circle. - Wien, 2005. – P. 811.

⁶⁹ Ibid.

распространение, «используемые сегодня в печати, рекламе, музеях и туризме»⁷⁰, призванные «помочь простым людям понять окружающую среду»⁷¹.

Идея Маха о методологическом единстве науки и эмпирического наблюдения была принята и получила дальнейшую разработку в работах членов Венского кружка, в особенности Нейрата, однако многие математики категорически отвергали точку зрения Маха, согласно которой мир состоит из ощущений.

И наконец, влияние оптимистического убеждения Маха в том, что «все “легитимные” проблемы можно решить с помощью науки, четко прослеживается в принципе верификации, который разрабатывался Венским кружком»⁷².

Научное наследие Э. Маха оценивается по-разному. Известно, что он выступал с резкой критикой гелиоцентризма, атомизма и показательной теории восприятия. Однако впоследствии все три теории оказались фундаментальными открытиями, серьезно повлиявшими на дальнейшее развитие науки. По мнению Фридриха Штадлера, на рубеже веков, «в Вене в 1900 году друг другу противостояли два физико-философских направления: популярный, но в конечном итоге поверженный “махизм” и направление меньшинства во главе с Больцманом, учение которого в течение XX столетия получило блестящее подтверждение»⁷³.

Из-за неприятия атомной теории и теории относительности с Э. Махом полемизировали не только Макс Планк и Альберт Эйнштейн, но и его преемник по Венскому университету Людвиг Больцман (1844–1906). Больцман, основатель атомистики и статистической термодинамики, предпринимал неоднократные попытки достижения взаимопонимания с Махом, о чем

⁷⁰ Джонстон У.М. Австрийский Ренессанс. Интеллектуальная и социальная история Австро-Венгрии, 1848-1938 гг. — М., 2004. — С.291.

⁷¹ Там же.

⁷² Philosophische Bibliothek Band 577. Wiener Kreis / Texte zur wissenschaftlichen Weltauffassung von Rudolf Carnap, Otto Neurath, Moritz Schlick, Philipp Frank, Hans Hahn, Karl Menger, Edgar Zilsel und Gustav Bergmann. Herausgegeben von Michael Stöltzner und Thomas Uebel. – Hamburg, 2006. – S. 483.

⁷³ Stadler F. Vom Positivismus zur “Wissenschaftlichen Weltauffassung”: Am Beispiel der Wirkungsgeschichte v. Ernst Mach in Österreich von 1895 bis 1934. – Wien ; München, 1982. – S. 68.

свидетельствует весьма содержательная и интенсивная личная переписка обоих мыслителей.

Больцман, хотя и разделял неприятие Э. Махом метафизики, но признавал, в отличие от Э. Маха, существование объективной независимой материи. Несмотря на существенные разногласия в отношении учения об атомах и критику позитивизма Э. Маха, Больцман отдавал дань уважения своему предшественнику на кафедре Венского университета и даже рассматривал себя в определенном смысле последователем идей Э. Маха. Во время своей речи при вступлении в должность заведующего кафедрой индуктивных наук Венского университета Больцман отметил: «Сам Мах настолько остроумно объяснил, что ни одна из теорий не может быть абсолютно истинной, равно как и едва ли она бывает абсолютно ложной, что тем более каждая теория постепенно должна совершенствоваться, подобно организмам по теории Дарвина. Таким образом, благодаря тому, что теория подвергается резкой критике, все ненужное и наносное из нее уходит, а нужное и целесообразное остается, и за это, я думаю, нам и стоит больше всего благодарить профессора Маха»⁷⁴.

Добровольный уход Больцмана из жизни в Дуино под Триестом в 1906 году был вызван депрессией в связи с тем, что идеи развиваемой им статистической физики в то время не находили понимания в физическом сообществе. В некоторых источниках встречается указание на то, что будто именно «соперничество» с Э. Махом стало главной причиной самоубийства Больцмана, однако данное предположение не имеет под собой оснований, и оно, разумеется, было очень неприятным для самого Э. Маха.

Высказанные Э. Махом взгляды всегда вызывали критику в философских кругах. По этому поводу Э. Мах реагировал следующим образом: «Вопрос о том, удастся ли мне когда-нибудь заставить философов признать мои основные идеи, я должен оставить открытым. При всем моем почтении перед гигантской духовной работой великих философов всех времен, это признание мне куда

⁷⁴ Stadler F. Vom Positivismus zur "Wissenschaftlichen Weltauffassung": Am Beispiel der Wirkungsgeschichte v. Ernst Mach in Österreich von 1895 bis 1934. – Wien ; München, 1982. – S. 67.

менее важно. Но от души и искренно я желаю соглашения с естествоиспытателями, и это соглашение я считаю возможным. Я обращаю внимание естествоиспытателей только на то, что моя точка зрения совершенно исключает все метафизические вопросы – как те, которые признаются неразрешимыми лишь для настоящего времени, так и те, которые признаны бессмысленными вообще и навсегда»⁷⁵.

Философскому становлению Э. Маха способствовала сама социально-историческая атмосфера Австро-Венгрии на рубеже XIX–XX веков, на которые пришлось годы жизни и творчества австрийского мыслителя. Этот период благоприятствовал развитию философии, науки, культуры и образования, и в то же время налицо был идейный разлад, который создал почву для обсуждения, проблематизации вопросов о том, каким следует видеть мир, как его понимать и что является ключевым, а что нет.

На основании анализа работ и трудов Э. Маха, а также отслеживая его философскую эволюцию, можно сделать вывод, что в процессе формирования своей философии Э. Мах сформулировал три основных концепта: реальность как комплекс ощущений, принцип экономии мышления и невозможность Я, которые оказали принципиальное влияние на австрийскую философию и культуру. Эти концепты будут рассмотрены более подробно в следующем параграфе.

История формирования мировоззрения и философской теории Э. Маха свидетельствует о непосредственной связи этой теории с культурно-историческими трансформациями в Австро-Венгрии на рубеже XIX–XX веков. Кризис национальной идентичности, затронувший все сферы общественной жизни, нашел отражение в австрийской культуре того времени. Можно даже говорить о том, что культурная идентификация, национальная неопределенность побуждали к философствованию, к постановке мировоззренчески важных вопросов, к дискуссиям философско-теоретического

⁷⁵ Мах Э. Анализ ощущений и отношение физического к психическому. – М., 2005. — С. 300.

характера, к активному восприятию результатов этих дискуссий и включению их в последующие философские концепции.

Философская эволюция Э. Маха, безусловно, типична для философов этого региона в описываемый период. Она развивается, в условиях культурной рефлексии по поводу кризиса национальной идентичности, от изучения теории И. Канта через критику кантовской и немецкой метафизики, к собственному обоснованию принципов реальности, истинности и познания.

1.2 Философские концепты Э. Маха: развитие и полемика

«Познание и заблуждение» и «Анализ ощущений», в которых изложены основные идеи и философские воззрения Э. Маха, представляют собой относительно небольшие произведения, тем не менее сложилось так, что эти работы вылились в структурирование его идей в три основных ключевых концепта: реальность как комплекс ощущений, принцип экономии мышления и невозможность *Я*, которые очевидно повлияли на австрийскую философию и культуру.

Основная идея философского мировоззрения Э. Маха, которая проходит через все творчество мыслителя, заключается в том, что реальность можно разложить на составные элементы, которые сами по себе нейтральны и связаны между собой в пространстве и времени в относительно устойчивые комплексы. «Природа слагается из элементов, данных нам через посредство наших чувств. Человек первобытный вырывает сначала отсюда известные комплексы элементов, выступающие с относительной устойчивостью и имеющие для него более важное значение. Первые и самые древние названия слова суть названия “вещей”. При этом заключается абстракция от среды, окружающей эти вещи, от непрерывных мелких изменений, которые испытывают эти комплексы и которые, как менее важные, не принимаются во внимание. В природе нет вещи постоянной, неизменяющейся. Вещь есть абстракция, название, символ для какого-нибудь комплекса элементов, изменение которого мы не принимаем во внимание... не вещи (тела), а цвета, тоны, давления, пространства, времена (что мы обыкновенно называем ощущениями) суть настоящие элементы мира»⁷⁶.

Через разложение того, что мы воспринимаем как действительность, на элементы, которые встречаются в виде делимых на части комплексов, появляется также возможность количественно описать свойства. «Цвета, тоны, различные степени теплоты, давления, времена, пространства и т. д. бывают самым разнообразным образом связаны между собой, и с ними бывают связаны

⁷⁶ Мах Э. Анализ ощущений и отношение физического к психическому. – М., 2005. — С. 286.

настроения, чувства, проявления воли. Из этого сплетения относительно более устойчивое и постоянное выступает вперед, запечатлевается в памяти и получает выражение в нашей речи. Относительно более постоянными оказываются прежде всего комплексы цветов, тонов, различных степеней давления и т. д., (функционально) связанные между собой пространственно и временно. Как таковые комплексы, они получают особые названия, и мы называем их телами. Абсолютно постоянными эти комплексы никоим образом не бывают»⁷⁷. Их взаимную зависимость не следует понимать как случайную, а рассматривать лишь с функциональной точки зрения. Она может быть определена математически, при таком представлении можно достичь всеобщей универсальности.

Мах развивает линию эмпиризма и сенсуализма, представители которого настаивали на первенстве опыта ощущений в вопросе о критериях истины. В своих работах он часто ссылается на Дж. Локка и Дж. Беркли. В «Анализе ощущений» он пишет: «Локк утверждает, что чувства зрения и осязания имеют, так сказать, в качестве общей составной части, одно и то же чувство пространства, каковое мнение Беркли оспаривал»⁷⁸. Аргументы Беркли интересовали Маха в двух аспектах. Во-первых, позиция Беркли в отношении первичных и вторичных качеств вещей, а во-вторых, его мнение об объективном существовании абстрактных идей, являются ли они отражением объективных качеств вещей, что также непосредственно связано с тем, как образуются сложные идеи. В связи с этим следует рассмотреть некоторые аспекты истории эмпиризма на предмет выявления преемственности этой традиции в философских воззрениях Э. Маха.

Развитие эмпиризма началось с Ф. Бэкона, который подверг критике схоластику и считал, что основанием истинного знания является индуктивное, выведенное знание. Ф. Бэкон указывает на причины, которые мешают человеку адекватно познавать и приводят к ошибкам и заблуждениям. «Есть четыре вида

⁷⁷ Мах Э. Анализ ощущений и отношение физического к психическому. – М., 2005. — С. 50.

⁷⁸ Там же. С. 141.

призраков, которые осаждают умы людей. Для того чтобы изучить их, мы дали им названия. Назовем первый вид призраками рода, второй – призраками пещеры, третий – призраками рынка и четвертый – призраками театра. Построение понятий и аксиом через истинную индукцию есть, несомненно, подлинное средство для того, чтобы отвратить и удалить призраки...»⁷⁹ Индукция, предложенная Ф. Бэконом в качестве научного метода, позволяла получить всегда точные и не вызывающие сомнения данные, касающиеся определенного события, после того, как оно уже свершилось.

Очевидно, что схоластика, которая пользовалась исключительно умозрительным методом, не ориентированным на действительную научную практику, вызывала у Бэкона критику. Т. Гоббс поддерживает Бэкона в анализе проблемы познания, он считает, что достижение истины происходит в опыте ощущений, который является единственным источником знания, том числе и даже о самых общих понятиях: «Все представления суть движения внутри нас, являющиеся остатками движений, произведенных в ощущении. И те движения, которые непосредственно следуют друг за другом в ощущении, продолжают следовать в том же порядке и после исчезновения ощущения»⁸⁰.

Причины того, почему мы не достигаем истины, Гоббс видит, прежде всего, в несовершенстве философского языка. Используемые в языке понятия и слова не способны выразить реальность, они представляют собой лишь условные знаки, произвольно выбранные для обозначения определенного содержания. «Первую причину абсурдных заключений я приписываю отсутствию метода, тому, что философы не начинают своих рассуждений с определений, т.е. с установления значения своих слов... шестую причину я вижу в использовании вместо точных слов метафор, троп и других риторических фигур. Хотя в обиходной речи позволительно... но, когда мы рассуждаем и ищем истину, такие речи недопустимы. Седьмую причину я вижу в именах, ничего не

⁷⁹ Бэкон Ф. Сочинения: в 2 т. Т.2. — М., 1978. — С. 21.

⁸⁰ Гоббс Т. Сочинения: в 2 т. Т.2. — М., 1991. — С. 17.

означающих, но заимствованных из схоластики и выученных наизусть»⁸¹. Поэтому Гоббс предлагает рассмотреть, как возникает язык и приходит к выводу, что язык – результат конвенций, договора людей о том, как называть тот или иной предмет, и, следовательно, этот договор можно пересмотреть. Можно сделать его более правильным, если создать настоящий философский язык, изгнав из него такого рода метафоры, и сформировать точный научный философский словарь и таким образом добиться наиболее правильного познания.

Основная мысль эмпиризма состоит в отказе признать существование врожденных идей, на котором настаивали рационалисты. В первой части самого известного философского труда Дж. Локка «Опыт о человеческом разуме» утверждается невозможность врожденных идей или каких-либо врожденных моральных принципов. Пытаясь показать, как из опыта возникают различные виды идей, Локк пишет: «Предположим, что ум есть, так сказать, белая бумага без всяких знаков и идей. Но каким же образом он получает их? Откуда он приобретает тот их обширный запас, который деятельное и беспредельное человеческое воображение нарисовало с почти бесконечным разнообразием? Откуда получает он весь материал рассуждений и знания? На это я отвечаю одним словом: из опыта. На опыте основывается все наше знание, от него, в конце концов, оно происходит»⁸².

Процесс познания, по Локку, выглядит следующим образом: человек получает опыт ощущений, на котором основывается опыт рефлексии, следовательно, познание – это единство внешнего и внутреннего опыта. Источником внешнего опыта являются ощущения, источником внутреннего опыта служит рациональная рефлексия. По мнению Локка, сущность и природа вещи в процессе познания раскрываются как первичные и вторичные качества. К первичным качествам вещи Локк относит те качества, которые неотъемлемы и являются сущностью вещи, независимо от того, как происходит познание.

⁸¹ Гоббс Т. Сочинения: в 2 т. Т.2. — М., 1991. — С. 33.

⁸² Локк Дж. Сочинения : В 3 т. Т. 2. — М., 1985. — С. 154.

Таковыми качествами можно считать, например, протяженность, движение, массу. Однако познать первичные качества в процессе ощущения вещи невозможно, о них можно судить на основании вывода, сделанного в результате рефлексии, то есть внутреннего опыта. Вторичные качества – цвет, вкус, запах, звук – можно познать через единичные ощущения. Собственно, вторичными они называются потому, что то, какие они есть, полностью зависит от воспринимающего их субъекта. В процессе ассоциации, воображения мы объединяем вторичные простейшие качества, поступающие к нам в процессе опыта, в образы, которые подвергаются рефлексии, т.е. внутреннему опыту, и уже дальше можем делать вывод о том, что вещь может иметь протяженность, массу, форму.

Таким образом, критерием истины по-прежнему остается опыт ощущений, потому что опыт ощущений состоит во взаимодействии с вещью. «Простые идеи рефлексии – это действия ума в отношении его других идей. Получая извне идеи, душа, обращая свой взор вовнутрь и наблюдая свои действия в отношении этих приобретенных ею идей, получает отсюда другие идеи, которые также способны быть объектами ее созерцания, как и идеи, воспринимаемые от внешних вещей»⁸³.

Теория Локка представляет собой не просто эмпиризм, но также и разновидность сенсуализма. Локк настаивает на первичности, на значимости именно опыта ощущений для познания, для истинности, утверждая, что реальность вещей дается нам сначала посредством ощущений, а затем мы осмысливаем то, что мы ощутили в ходе рациональной рефлексии, в процессе создания ассоциаций и абстракций. Мы создаем образы вещей, которые мы затем начинаем познавать.

Идеи Локка находят развитие у Джорджа Беркли, известного своим отрицанием существования материальной субстанции. Беркли соглашается с Локком в том, что в познании ключевую роль играет опыт ощущений. Однако он подвергает сомнению тезис Локка о наличии первичных и вторичных качеств вещи, настаивая на том, что вещь можно воспринимать лишь как

⁸³ Локк Дж. Сочинения : В 3 т. Т. 2. — М., 1985. — С. 177.

комбинацию определенных свойств, которые мы производим в нашей душе и которые не могут объективно принадлежать вещи. «Все согласятся с тем, что ни наши мысли, ни страсти, ни идеи, образуемые воображением, не существуют вне нашей души. И вот для меня не менее очевидно, что различные ощущения или идеи, запечатленные в чувственности, как бы смешаны или соединены они ни были между собой (т.е. какие бы предметы ни образовывали), не могут существовать иначе как в духе, который их воспринимает. Я полагаю, что каждый может непосредственно убедиться в этом, если обратит внимание на то, что подразумевается под термином *существует* в его применении к ощущаемым вещам. <...> Ибо что же такое эти вышеупомянутые объекты, как не вещи, которые мы воспринимаем посредством чувств? А что же мы воспринимаем, как не свои собственные идеи или ощущения? И разве это прямо-таки не нелепо, что какие-либо идеи, или ощущения, или комбинации их могут существовать, не будучи воспринимаемы?»⁸⁴

Беркли считает, что окружающий мир является результатом субъективного опыта познания, поэтому единственной гарантией какой-либо реальности выступает реальность ощущений. Критерием истины становится опыт ощущений, а все остальное знание – математика или само понятие материи – есть лишь результат наших размышлений, который совсем не обязательно соответствует реальности. «Протяжение и движение суть лишь идеи, существующие в духе, что идея не может быть сходна ни с чем, кроме идеи, и что, следовательно, ни она сама, ни ее первообраз не могут существовать в невоспринимающей субстанции. Отсюда очевидно, что само понятие о том, что называется материей или телесной субстанцией, заключает в себе противоречие»⁸⁵. Понятия есть результат наименования, развития языка, каких-то конвенций или договоров о том, что это так будет называться и описываться, но это совершенно не означает, что это соответствует реальности. Согласно онтологической конструкции Беркли, божественная природа человека

⁸⁴ Беркли Дж. Сочинения. — М., 2000. — С. 138

⁸⁵ Там же. С. 141.

проявляется в том, что человек наделен способностью ощущать и возможностью воспринимать.

Дэвид Юм занимает еще более скептическую позицию: если рассматривать разум, рассудок и ощущения, то наиболее истинное знание дается лишь в сфере ощущений. Разум способен лишь оперировать связями между идеями. Юм подвергает сомнению объективный, не зависящий от нашего сознания факт существования причинно-следственных зависимостей.

Несомненным для Юма является лишь факт наших ощущений, однако проблема заключается в том, что ощущения могут быть разными. Такая скептическая позиция позволяет Юму переосмыслить понятие рефлексии. Он психологизирует рефлексию и выводит ее из рациональной сферы. «Все перцепции [восприятия] человеческого ума сводятся к двум отличным друг от друга родам, которые я буду называть впечатлениями или идеями. Различие между последними состоит в той степени силы и живости, с которой они входят в наш ум и прокладывают свой путь в наше мышление или сознание. Те восприятия, которые входят в [сознание] с наибольшей силой и неудержимостью, мы назовем впечатлениями, причем я буду подразумевать под этим именем все наши ощущения, аффекты и эмоции при первом их появлении в душе. Под идеями же я буду подразумевать слабые образы этих впечатлений в мышлении и рассуждении»⁸⁶. Понимая рефлексию психологически, Юм утверждает, что рефлексия является не только и не столько размышлением, но также и переживанием по поводу пережитого, это могут быть какие-то аффекты, какие-то отношения. В сферу рефлексии попадают ценностные переживания по поводу того, что мы как-то относимся к тем или иным процессам и явлениям.

Возвращаясь к вопросу о преемственности традиций эмпиризма в философии Э. Маха, хотелось бы отметить следующее. В философии Нового времени традиционно обсуждали три познавательные возможности, к которым

⁸⁶ Юм Д. Трактат о человеческой природе. Кн. 1, О познании. — М., 1995. — С. 57.

относились чувства (или, иначе говоря, ощущения), рассудок и разум. При этом понятие ощущений имело ключевое значение для линии эмпиризма, потому что, начиная с Бэкона, опора эмпириков на ощущения допускала определенную возможность оспаривать ценность схоластического знания, господствовавшего в то время в науке и в университетском образовании. Тем самым ценность схоластики подрывалась, потому что ощущения всегда конкретны и привязаны к каким-то практическим результатам. Идея опытного знания позволяла напрямую обратиться к практическим знаниям, экспериментальным данным, способствовала развитию наук с конкретными результатами. Но в этом случае вставал вопрос: каким образом построить вообще логику описания этих результатов и, следовательно, как развивается язык? Само чувственное познание интерпретировалось всегда однозначно: как понятие, которое складывается и дает нашему разуму представление об идеях, которые комбинируются и формируют понятие вещи.

Традиция эмпиризма, безусловно, повлияла на убеждения Маха и на его уверенность, что таким образом с точки зрения философии можно интерпретировать физическую реальность и конституировать ту реальность, к которой он обращался. Для Маха важным был вопрос о том, что является реальным, может быть исследовано и подвергнуто научному анализу.

Эти идеи получают дальнейшее развитие в его более зрелой работе «Познание и заблуждение», в котором глубинным убеждением Маха остается идея о том, что в основе всех наших знаний лежат ощущения. Чувственные ощущения передаются нам напрямую такими простейшими неделимыми элементами как цвета, тоны, давления, звуки, запахи, пространства, времена. Мах призывает избегать дуалистического взгляда на мир, делающего различия между телом и разумом, ведь, по Маху, физическое и психическое по сути есть одно и то же, различаются лишь методы их рассмотрения.

Упомянув дуалистический взгляд на мир, Мах выступает против философского принципа XVII века, представленного, например, в трудах Декарта. В основе онтологии Декарта была идея равенства двух субстанций –

мышления и протяженности. Если мышление было, по сути, духовной субстанцией, то протяженность можно считать материальной субстанцией.

«Перестав только мыслить, я потерял бы всякое основание верить в свое существование, хотя бы все остальное, когда-либо существовавшее в моем воображении, было истинно. Из этого я узнал, что я – субстанция, вся сущность или природа которой состоит в мышлении и которая для своего бытия не нуждается в месте и не зависит ни от какой материальной вещи. Отсюда следует, что «я» или душа, вследствие которой я являюсь тем, что я есть, вполне отлична от тела и даже легче познаваема, чем тело, и что, если бы тела не было, душа не перестала бы быть тем, что она есть»⁸⁷. Декарт и Спиноза фактически согласились с тем, что эти субстанции, хотя у Спинозы они называются атрибутами, существуют в человеке параллельно. Получалось, что между мышлением и ощущением существует какая-то непреодолимая пропасть, считалось, что ощущения нас обманывают, поэтому подлинное познание осуществляется лишь в процессе теоретического мышления.

Э. Мах как последователь эмпиризма и сторонник позитивной философии, считал сомнительным и не совпадающим с реальностью все, что производит сам разум для самого себя. Поэтому, утверждая, что между психическим и физическим нет различий, Э. Мах соответственно не видел никакой разницы между мышлением и протяженностью, т.е. разницы между духом и материей. Просто, по Э. Маху, сами понятия духа и материи нужно ликвидировать, поскольку есть только ощущения – физические и психические. Ощущение можно рассматривать одновременно как физический и психический феномен, но поскольку мы все равно ничего не можем сказать о физическом вне нашего психического, то делать это параллельно бессмысленно, а нужно просто принять то, что психическое и физическое суть одно и то же. Какой смысл принимать во внимание, что за пределами наших ощущений находится еще нечто, о котором мы ничего сказать не можем, кроме того, что оно есть? Это ведь будет совершенно неэкономным для науки, слишком философским, а

⁸⁷ Декарт Р. Разыскание истины. — СПб., 2000. — С. 92.

потому, по Э. Маху, эту философичность или, точнее, метафизичность в науке следует изгнать.

Идея понимания реальности как комплекса ощущений можно считать принципиально важной, базовой для развития философии, литературы, литературной критики и психологии этого времени. Разработанный Э. Махом концепт напрямую повлиял на философию Ф. Маутнера, который занимался поиском способов описания ощущений в своей лингвокритической теории, и получил дальнейшее развитие в поэзии и литературе в Австрии в конце XIX–начале XX века. В последующих частях настоящего исследования влияние концепции реальности как комплекса ощущений на литературу и философию рассматривается более подробно.

Центральное место в учении Э. Маха занимает разработанный им принцип экономии мышления и идеал «чисто описательной» науки. По Э. Маху, основой всякого исследования и науки является экономическая природа познания или принцип экономии. «Представление об экономии нашего мышления развилось у меня с опытом преподавателя, в практике преподавания, – писал Э. Мах – оно было у меня уже, когда я приступил к своим лекциям в 1861 году в качестве приват-доцента»⁸⁸.

Работая в Граце, Э. Мах познакомился с экономистом Эммануэлем Херрманом (1839–1902). Э. Херрман был профессором военной академии в Винер-Нойштадте и помимо прочего прославился тем, что изобрел почтовую открытку. В 1869 году в венской газете “Neue Freie Presse” появилась статья, в которой Херрман предложил ввести почтовую карточку и определить плату за ее пересылку в 2 крейцера. Таким образом плата за почтовую карточку приравнивалась к плате за пересылку печатных материалов. Профессор Херрман назвал такую карточку «почтовой телеграммой» и ограничил объем ее текста двадцатью словами. Одновременно он выразил надежду, что осуществление его проекта выдвинет Австро-Венгрию в ряды передовых стран Европы в этой области.

⁸⁸ Мах Э. Механика. Историко-критический очерк ее развития. — Ижевск, 2000. — С. 419.

Есть мнение, что именно под влиянием Э. Херрманна Э. Мах разработал свой принцип экономии мышления. «Э. Херрман отстаивал “экономический” взгляд на умственную работу: в ней, как и в любой другой деятельности, стремление к экономии сил естественно. Возможно, именно под его влиянием сформировался принцип экономии научного мышления, играющий столь важную роль в учении Маха»⁸⁹.

В дискуссии с Херрманом Мах приходит к заключению, что в науке необходимо минимум теоретических усилий связать с максимальной применимостью, как это происходит, например, в сведении опыта в закон. «Пока Мах пытается с помощью херрмановского центрального понятия экономической теории – понятия экономии – разрешить проблему термодинамики, т.е. решить вопрос о том, какой принцип определяет изменение, преобразование и успех гипотез и теорий, сам Херрман стремится к тому, чтобы исследовать проблемы экономики, вытекающие из принципа экономии, используя средства естественнонаучной методологии. Оба исследователя были убеждены в том, что разделение человека и природы возможно лишь искусственным путем»⁹⁰.

В своей «Общей экономической теории» Херрман пишет: «Малейшие рубежи, ведущие к заблуждениям и суевериям между людьми и всей прочей совокупностью бытия, должны рассеиваться и исчезать в свете науки, как туман на солнце; нам известна лишь та природа, в которой человеку отводится совсем небольшое и, несомненно, незначительное место как соучаствующему и соорганизуемому существу. Сама экономия природы (в самом своем древнем, подверженном тлению проявлении как бытие вне существования человека) образует наилучшую и наибольшую часть экономического учения. Что есть экономия работы человека, наши сооружения, наши машины по сравнению с

⁸⁹ Миронов Д.А., Перцев А.В. Австромарксизм, позитивизм и рабочее движение. — Свердловск, 1990. — С. 24.

⁹⁰ Mach E. Werk und Wirkung / hrsg. von Rudolf Haller u. Friedrich Stadler. – Wien, 1988. – S. 345.

экономией, с которой функционируют органы растений, ответственные за выработку соков, и органы чувств и волеизъявления у животных?»⁹¹

Экономия мышления Э. Мах объявляет основной характеристикой познания вообще, выводя ее из изначальной биологической потребности организма в самосохранении, обуславливающей, по Маху, необходимость «приспособления» организма к фактам. Как отмечают Д.А. Миронов и А.В. Перцев, «этот принцип [экономии мышления] распространяется у Маха не только на сферу мышления: он говорит об экономии энергии, экономии работы, времени, математической простоты, принципах экономии абстракции и сокращений, об онтологической и лингвистической экономии, наконец о принципе методологической экономии»⁹².

Исходя из принципа экономии мышления, Э. Мах ставит вопрос о структуре научного текста. В современной науке он считает объяснительную часть излишней, паразитической, а потому в целях экономии мышления ее следует удалить. К одному из таких паразитических элементов науки Мах относит понятие причинности, которое он предлагает отбросить и заменить понятием функциональной зависимости признаков явлений. В этой связи возникает вопрос чистоты описания в науке: как, или, каким языком, следует описывать научный процесс или научный феномен?

Методологические принципы экономии мышления и чистого описания применимы и к теории познания. Поскольку понятия субстанции и вещи Мах считает мнимыми понятиями, то, соответственно, проблема отношения субстанции и ее свойств тоже является мнимой. В связи с требованием необходимости определения понятий через наблюдаемые данные получается, что все познание опирается на основные элементы. Такими элементами являются непосредственные чувственные данные, ощущения как предел разложения эмпирического опыта. Однако в основе знания лежат не элементы мира, а описания фактов в их элементах, т.е. описания, состоящие в фиксации

⁹¹ Herrmann E. Allgemeine Wirtschaftslehre. Erster Band, 1. Graz : Lieferung, 1868. – S. 21.

⁹² Миронов Д.А., Перцев А.В. Австромарксизм, позитивизм и рабочее движение. — Свердловск, 1990. — С. 24.

функциональных и затем логических связей между элементами мира. Понятие вещи и понятие *Я* являются лишь условными наименованиями комплексов элементов. Адаптируя мысли к фактам, мы отображаем факты и получаем познание, в котором принцип экономии мышления предоставляет нам возможность выбора, а также обобщения.

Теории сами по себе, безусловно, полезны и совершенно естественны, ведь с их помощью можно избежать излишних экспериментов и наблюдений. Э. Мах пишет: «Вся наука способна заменять или экономить опытные познания благодаря формированию фактов в мыслях, мысленно предвосхищая их или мысленно продолжая их ряд, и мысленные образы более доступны и сподручны, чем само опытное познание, которое они в некотором отношении могут заменить. Эта экономная функция науки, полностью пронизывающая ее сущность, становится ясной уже в результате самых общих размышлений постижением экономического характера, исчезает и всякая мистика из науки. Передача-сообщение науки путем преподавания имеет целью сэкономить одному индивиду опытное познание путем передачи опытного познания другому индивиду. Переносятся даже опытные познания целых поколений, благодаря сохранению их в письменном виде в библиотеках последующих поколений, и тем самым оказываются сэкономленными для них»⁹³. Таким образом, разработанный Махом принцип экономии мышления выступает в качестве методологического экономического принципа и не является метафорой.

Аналогичных взглядов придерживался и Р. Авенариус, который представлял процесс познания в виде особого аспекта жизнедеятельности, органично включенного в познание. Человеческая жизнь в трактовке Авенариуса рассматривалась как процесс накопления и расходования энергии. Для выживания организмы стремятся минимизировать затраты энергии и экономно расходовать свои энергетические запасы. Отсюда Авенариус выводит свой

⁹³ Мах Э. Механика. Историко-критический очерк ее развития. — Ижевск, 2000. — С. 416.

«принцип наименьшей траты сил», получивший дальнейшее развитие в «принципе экономии мышления» Э. Маха.

«Принцип наименьшей траты сил» Р. Авенариуса соединяет в себе биологизм, поскольку познание как аспект жизни позволяет организму биологически экономно приспособиться к среде, и позитивизм, так как этот принцип распространяется на познавательные процессы как экономное чистое описание явлений. «В случае присоединения новых впечатлений душа сообщает своим представлениям возможно меньшее изменение; или, другими словами, после новой апперцепции содержание наших представлений оказывается возможно более сходным с их содержанием до этой апперцепции... на новую апперцепцию душа затрачивает лишь столько сил, сколько необходимо, а в случае множества возможных апперцепций она отдает предпочтение той, которая совершает ту же работу с меньшей затратой силы»⁹⁴.

Если популярность идей Э. Маха в немецкоговорящей среде можно считать вполне естественной, то значительное влияние Э. Маха, несмотря на многозначность его философии, на русскую социал-демократию в начале XX столетия венгерский исследователь австрийской философии Криштоф Нири считает поразительным. Наиболее известным сторонником Маха был соратник Ленина по революционной борьбе А.А. Богданов (1873–1928), который в предисловии к изданной в 1908 году на русском языке работе Э. Маха «Анализ ощущений» написал: «У Маха многому можно научиться. А в наше бурное время, в нашей залитой кровью стране особенно дорого то, чему он учит всего больше: спокойная неуклонность мысли, строгий объективизм метода, беспощадный анализ всего принятого на веру, беспощадное истребление всех идолов мысли. Все это нужно нам не только для цельности и научности мировоззрения»⁹⁵.

Рассуждая о причинах, по которым Богданов заинтересовался идеями Маха, Б.В. Емельянов отмечает: «Являясь приверженцем марксистской философии, он

⁹⁴ Авенариус Р. Философия как мышление о мире согласно принципу наименьшей меры силы. Прологомены к критике чистого опыта. — Санкт-Петербург, 1913. — С. 13.

⁹⁵ Мах Э. Анализ ощущений и отношение физического к психическому. — М., 2005. — С. 38.

понимал, что ее развитие требует обновления через обобщение достижений естественных наук. Поэтому-то Богданов и обратился к позитивизму, абсолютизирующему естественнонаучную сторону философского знания»⁹⁶.

Богданов считал, что нужно сравнивать материализм с эмпириокритицизмом. «Поскольку эволюционная точка зрения и позитивистские черты свойственны не только эмпириокритицизму, но и другим течениям, А.А. Богданов считает необходимым сопоставить взгляды эмпириокритицизма и материализма, а также эмпириокритицизма и Юма»⁹⁷. Материализм фактически был основанием марксистской философии исторического материализма, на котором, собственно, и базировалась идея пролетарской революции. Поэтому вопрос о материализме имел политическое и стратегическое значение, ведь подобного рода сопоставление материализма и эмпириокритицизма могло быть свидетельством нестойкости партийного единства, к которому призывал Ленин.

Более того, «А. Богданов отказывается от материализма, у которого такие понятия, как материя, дух, абсолютная истина – не что иное, как “идолы и фетиши познания”, поскольку они существуют независимо от опыта. Он считает, что объективный мир может быть лишь комплексом наших ощущений, порожденных опытом, “трудовыми отношениями людей”, а материя – объектом труда, сопротивляющимся человеческой активности»⁹⁸.

Богданов считал единственно возможным «философское определение материи, свободное от фетишизма и противоречий»⁹⁹. Как отмечают Д.А. Миронов и А.В. Перцев, «Богданову в махизме были интересны в первую очередь не гносеологические вопросы сами по себе, не анализ проблемы физики и физиологии, а обоснованная таким образом общая философско-мировоззренческая установка, имеющая непосредственный выход в политику. Именно так и понял смысл богдановских работ В.И. Ленин, что побудило его

⁹⁶ Емельянов Б.В. Русская философия в портретах. — Екатеринбург, 2010. — С. 77.

⁹⁷ Любутин К.Н. История западной философии: Пропедевтика : Учеб. пособие для высш. и сред. учеб. заведений. Ч. 1. — Екатеринбург ; Нижневартовск, 2000. — С. 44.

⁹⁸ Емельянов Б.В. Очерки русской философии начала XX века : Учеб. пособие. — Екатеринбург, 1992. — С. 97.

⁹⁹ Богданов А.А. Очерки философии коллективизма, сб. 1. — СПб., 1909. — С. 100.

экстренно заняться критикой философско-гносеологических и методологических основ определенного позитивистского мировоззрения, определенной позитивистской политической левизны»¹⁰⁰.

В.И. Ленин, обеспокоенный влиянием Маха, в своей работе «Материализм и эмпириокритицизм» подверг резкой критике философию Маха, его претензии на роль «философии современного естествознания» и попытку занять «надпартийную» позицию в философии по отношению к материализму и идеализму, назвав работу Маха «идеалистическим ревизионизмом»¹⁰¹. Это отразилось на восприятии имени Эрнста Маха в СССР, в итоге примерно до середины 1950 годов эту фамилию было нежелательно произносить даже при изучении основ аэродинамики, а потому понятие «число Маха» называли «число М».

С точки зрения Ленина, учение Маха есть учение идеалистическое, буржуазное и реакционное. Под видом современного естествознания оно якобы противостоит материализму, а как позитивизм вообще занимает шаткое положение между материализмом и идеализмом. Ленин пишет: «Этот чистейший вздор есть попытка под новым соусом протащить субъективный идеализм. В философской литературе такой именно характер этого основного сочинения по вопросу о пресловутой “экономии мышления”, как мы видели, общепризнан»¹⁰².

Следует отметить, что реакции Маха на критику со стороны Ленина не последовало, несмотря на то что Мах знал о ней. Политик и революционер Фридрих Адлер (1879–1960), сын известного австрийского социал-демократа Виктора Адлера, писал Маху: «В России продолжается “борьба за Маха”... Ленин (товарищ Богданова по фракции) издал книгу объемом 440 страниц под названием: ”Материализм и эмпириокритицизм. Критические замечания к одной реакционной философии”, в которой он основательно критикует вас,

¹⁰⁰ Миронов Д.А., Перцев А.В. Австромарксизм, позитивизм и рабочее движение. — Свердловск, 1990. — С. 34.

¹⁰¹ Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм: Критические заметки об одной реакционной философии. — М., 1989. — С. 68.

¹⁰² Там же. С. 183.

Авенариуса и ваших последователей, при этом все аргументы изложены даже очень красиво для тех, кто не разбирается в предмете. Ленин прежде не занимался философией, а тут он посвятил целый год на то, чтобы исследовать, “почему люди сходят с ума”. Потрудились он очень даже усердно, за короткое время всю литературу проштудировал, но, конечно, у него не нашлось времени на то, чтобы вдуматься. Элементы он принимает за мошенническую уловку!»¹⁰³ После неудавшейся революции 1905 года казалось особенно важным предотвратить раскол «большевиков» и отмежеваться от Второго Интернационала в духе социал-демократов Карла Каутского и Фридриха Адлера. А.В.Перцев пишет, что «полемика с Э. Махом была на самом деле вовсе не с ним. <...> В соперничестве за лидерство в большевистском стане Ленин вовсе и не собирался понимать Маха. Ему надо было победить позитивистов во главе с А.А. Богдановым»¹⁰⁴.

В отличие от марксизма в России, австромарксизм во многих своих установках сохранял верность философским идеям и взглядам Э. Маха. Австромарксисты были убеждены, что революционные реформы в пользу социалистического устройства, улучшения современной политики и улучшения положения рабочего класса непосредственно были связаны не только с изменением и принятием политических законов, принятием каких-то революционных мер, но и с изменением мировоззрения рабочих, которое не может измениться напрямую через определенные произведения, семинары и лекции, но также требует изменения мироощущения. «Было бы очень большой ошибкой рассматривать культурную и просветительскую деятельность австрийской социал-демократии как нечто второстепенное, как некий “довесок” к политическим акциям, разработке планов социализации и организации кооперативного движения, – пишут А.В. Перцев и Д.А. Миронов, – Условием утверждения социализма вообще австромарксисты считали культурное и

¹⁰³ Mach E. *Werk und Wirkung* / hrsg. von Rudolf Haller u. Friedrich Stadler. – Wien, 1988. – S. 287.

¹⁰⁴ Перцев А.В. Эрнст Мах: штрихи к портрету австрийского позитивиста // Известия Уральского федерального университета. – (Серия 3: Общественные науки). – 2012. – Т. 100. – № 1. – С. 139.

духовное перерождение рабочего класса, освоение им гуманистической культуры»¹⁰⁵.

Так как изменения мироощущения и мировоззрения взаимосвязаны, то, следовательно, должна измениться, расшириться и развиться способность к ощущениям. Пока не изменится мировоззрение рабочих, совершать революцию нельзя: ничего не изменится, потому что у них должны измениться ощущения. То есть их нужно научить воспринимать мир во всем его многообразии, в котором его может ощущать образованный человек. Собственно, поэтому рабочие не понимают импрессионизм, не понимают и не слышат атональную музыку, например.

В связи с просвещением рабочих в духе махизма отдельного упоминания заслуживает активная деятельность Отто Нейрата (1882–1945), которого У. Джонстон называет «одним из забытых гениев XX столетия. Он внес так много нового в самые разные области знания, что даже его почитатели часто сбивались со счета, перечисляя его заслуги»¹⁰⁶.

Нас интересует в первую очередь просветительская деятельность Отто Нейрата, изобретателя Венской наглядной статистики для обучения рабочих с учетом позитивистской концепции, согласно которой «опыт, т.е. восприятия, наблюдения, производимые человеком в жизни, обобщается в статистических закономерностях, фиксирующих “повторяющееся в наблюдениях”». Следовательно, “поделиться опытом”, просветить человека для позитивиста означает довести до него статистически обобщенные “наблюдавшиеся факты”»¹⁰⁷. Так как цифры в статистических сводках выглядят скучно и непривлекательно для восприятия, то Отто Нейрат предложил их представлять в виде ярких красочных картинок – пиктограмм или, как он сам их называл, – изотипов. Если разместить такие пиктограммы в общественных местах, то

¹⁰⁵ Миронов Д.А., Перцев А.В. Австромарксизм, позитивизм и рабочее движение. — Свердловск, 1990. — С. 120.

¹⁰⁶ Джонстон У.М. Австрийский Ренессанс. Интеллектуальная и социальная история Австро-Венгрии, 1848–1938 гг. — М., 2004. — С. 288–289.

¹⁰⁷ Миронов Д.А., Перцев А.В. Австромарксизм, позитивизм и рабочее движение. — Свердловск, 1990. — С. 129.

содержащиеся в них статистические данные непосредственно передаются людям и, разумеется, влияют на их мировоззрение независимо от их воли. То есть наглядная статистика была необходима для того, чтобы сделать наглядным образование рабочих. «Замысел О. Нейрата заключался в том, чтобы такая “венская наглядная статистика” была, во-первых, понятна даже ребенку, восприятие ее не требовало бы никакой подготовки и образования, а во-вторых, увлекательна, сама “бросалась в глаза” независимо от воли воспринимающего и оседала в его сознании»¹⁰⁸.

В 1924 году Отто Нейрат основал и возглавил социально-экономический музей, который разместился в венской ратуше. Музей был создан как образовательное учреждение, предназначенное для знакомства публики с политикой социалистов с помощью разработанных им вместе с его сотрудниками изотипов. Как отмечает У. Джонстон, «прежде всего Нейрат хотел использовать их для общения между народами и для обучения неграмотных. К 1940 году изотипы уже широко использовались, а к 1950 году были так популярны, что мало кто помнил, что они пришли из социалистической Вены»¹⁰⁹. Следует также отметить, что и музеи, подобные созданному Нейратом в Вене, впоследствии получили самое широкое распространение по всему миру.

Изобретенная Нейратом наглядная статистика, представленная в виде истории в картинках, стала воплощением позитивистского мышления, опирающегося на факты без интерпретации, и одновременно является ярким примером прямого влияния философии на жизнь, столь редко осознаваемого людьми. Рудольф Халлер пишет: «Забавные человечки, бензовозы, машинки и тому подобное, что мы сегодня воспринимаем как само собой разумеющееся, без чего мы не в состоянии представить себе экономическую статистику. А ведь над этим Нейрат систематически работал долгие годы: чтобы венская наглядная

¹⁰⁸ Миронов Д.А., Перцев А.В. Австромарксизм, позитивизм и рабочее движение. — Свердловск, 1990. — С. 129.

¹⁰⁹ Джонстон У.М. Австрийский Ренессанс. Интеллектуальная и социальная история Австро-Венгрии, 1848–1938 гг. — М., 2004. — С. 291.

статистика получила широкое распространение через экономику. Два чемодана и стрелка, сегодня каждый знает, что по этому указателю можно найти камеру хранения багажа. Но тот, кто видит эти значки, едва ли знает, что они появились на кухне Нейрата. Он создал целый “алфавит без букв”, восходящих к представлению Лейбница о существовании рационального шрифта иероглифов, передающего с иероглифами мысли. Идея Нейрата заключалась в том, чтобы с помощью таких значков просветить пролетариат. Отсюда и такое название – “Статистика и пролетариат”. Он хотел, чтобы сделать прозрачным и понятным также и для неграмотной публики с точки зрения философии то, что они раньше называли “заумное”, а именно структурное содержание учения Венского кружка»¹¹⁰.

В современной философской литературе, ориентированной на изменения, которые в том числе происходят в культуре и в человеке, существует понятие «иконический поворот», связанный с визуализацией сознания и мышления. Поскольку процесс осознания, осмысления достаточно продолжителен, то визуализация решает главный вопрос, позволяя преодолеть языковое многообразие. Визуализация всегда существовала, классическим примером тому служит роспись на стенах в церкви – визуализация пути грешников, например, библейских сюжетов, это было своего рода религиозным обучением. Путем визуализации можно напрямую видеть, минуя комментарии, а следовательно, языки; визуализация базируется на чистом ощущении при условии единства смыслового и культурного контекстов. То, что рабочий не мог прочитать, он мог быстро ухватить в виде картинок. В этой ситуации Нейрат решает очень важный вопрос наглядности политически значимой информации.

Таким образом, идея образования рабочих появилась как условие социально-политического реформирования, которое реализовывалась в рамках австромарксизма, причем, по замечанию Д.А. Миронова и А.В. Перцева, весьма успешно: «Приобщением рабочих к различным видам искусства занимался театральный отдел... Совместно с профсоюзными органами он занимался

¹¹⁰ Grenzen der Sprache – Grenzen der Welt. Wittgenstein, der Wiener Kreis und die Folgen. – Wien, 1982. – S. 11.

закупкой билетов на вечерние представления Народного театра, Камерного театра и других ведущих театров Австрии. Помимо этого, специально для рабочих проводились симфонические концерты, лекции и кинопросмотры, экскурсии на различные выставки, близкие и дальние путешествия»¹¹¹. То есть австромарксисты действительно устраивали концерты Шёнберга на заводах для рабочих, действительно открывали вечерние школы и проводили лекции. Рабочим надо рассказывать про современную науку, их надо развивать, чтобы у них появлялись новые ощущения и чтобы их ощущения обогащались. Раз первичный опыт – ощущения, то эти ощущения нужно развивать, поскольку именно ощущения в конечном итоге станут основанием трансформации в новое мировоззрение.

Еще одним базовым концептом философии Маха является невозможность, или нереальность, *Я*. Как известно, проблема самосознания, или *Я*, – это ключевая тема для немецкого идеализма, что особенно ярко проявляется в философии И. Канта и Г.В. Фихте. В произведениях этих авторов понятию *Я* отводится центральное место. Сущностью самосознания выступает мышление, т.е. рациональная рефлексия, поэтому менее всего *Я* может быть сведено к комплексу ощущений. В немецкой философской традиции *Я* не может состоять из сиюминутных ощущений, подверженных непрерывным изменениям под влиянием обстоятельств. Чистое *Я* в немецком идеализме восходит к рационалистической традиции в соответствии со знаменитым изречением Декарта “*cogito ergo sum*” (я мыслю, следовательно, существую). И в этом смысле понятие *Я*, сущностью которого является мышление, и составляет основу рационализма.

Будучи эмпириком, Э. Мах не мог оставить без внимания критику этого торжества *Я*. Совершенно в духе Э. Маха к такой же критике *Я* как стремления германской философской традиции субстантивировать любой процесс обращается Ф. Маутнер. Он указывает, что для немецкого философского языка характерно создавать тотальное существительное, которое господствует в

¹¹¹ Миронов Д.А., Перцев А.В. Австромарксизм, позитивизм и рабочее движение. — Свердловск, 1990. —С. 141.

теории как главное понятие и лишает философию жизни, близости к реальности. Поэтому критика *Я* направлена фактически против Канта и против оснований немецкого идеализма, в том виде, в котором он был воспринят австрийской духовной элитой, австрийской культурой.

В «Анализе ощущений» Э. Мах обозначает *Я* как «относительно постоянный комплекс воспоминаний, настроений, чувств, связанный с особым телом (живым телом)»¹¹². Грань, отделяющая *Я* от внешнего мира, является, по Маху, переменной, пределы *Я* могут быть настолько расширены, что включают в себя всю вселенную. Однако, не имея четких ограничений и оставаясь неопределенными, эти пределы подвержены постоянным внешним изменениям. Э. Мах пишет: «Кто не может отвлечься от своего *Я*, как некоторой реальности, лежащей в основе всего прочего, тот не может не видеть фундаментальной разницы между моими и твоими ощущениями. Таким образом, для того, кто верит в абсолютное постоянство тела, все свойства принадлежат одному этому носителю их»¹¹³.

Стремясь выйти за пределы *Я*, Мах вводит понятие элементов, которые являются первичными по отношению к *Я*. «Первичны не *Я*, - пишет Мах, - а элементы (ощущения)... *Я* образуется из элементов». Эту взаимосвязь Мах демонстрирует на примере ощущения зеленого: «Что значит “я ощущаю зеленое”? Это значит, что элемент “зеленое” является в известном комплексе с другими элементами (ощущениями, воспоминаниями). Когда я перестаю ощущать зеленое, когда я умираю, то элементы перестают являться в прежней обычной для них связи. Этим все сказано»¹¹⁴. По мнению Маха, введение понятия элементов позволяет устранить «противоречие между *Я* и миром, ощущением или явлением или предметом»¹¹⁵, поскольку мы имеем дело лишь с взаимосвязью элементов.

¹¹² Мах Э. Анализ ощущений и отношение физического к психическому. – М., 2005. — С. 293

¹¹³ Там же. С. 294.

¹¹⁴ Там же. С. 58

¹¹⁵ Там же. С. 65.

Поскольку *Я* в трактовке Маха является частью мира и определяется просто как «абстрактная идея», как «эмпирическая конструкция» или «предположение», состоящее из специфически упорядоченных групп элементов, таких как ощущения, представления, воспоминания и мысли, уходящих корнями в организм, то понимаемое таким образом *Я* оказывается в опасности замкнуться в самом себе. Возникает сложность в признании ощущений, переживаний и представлений других людей на основе ощущений и переживаний собственного *Я*. Мах видит решение этой проблемы в приравнивании физического и психического, тогда проблема чужого *Я* больше не возникает, ведь собственное *Я* и чужое *Я* представляют собой всего лишь меняющиеся комплексы, взаимно воздействующие друг на друга: «Так как мне ощущения ближнего непосредственно не передаются, равно как и ему мои, то я вправе те же самые элементы, в которых я растворил физическое, рассматривать как элементы психического. Физические и психические, следовательно, содержат общие элементы»¹¹⁶.

В «Познании и заблуждении» Э. Маха проблема *Я* получает дальнейшее развитие. Он считает, что *Я* – это относительное единство связанных между собой элементов, формирующееся в результате индивидуального опыта. Э. Мах предлагает рассматривать *Я* как «совокупность связанных между собой представлений, т. е. то, что непосредственно существует только для нас самих. Тогда наше *Я* состоит из воспоминаний наших переживаний вместе с обусловленными ими самими ассоциациями»¹¹⁷.

Мах рассматривал психическое как ощущение, поэтому, когда он приравнивает психическое и физическое, он исходит из того, что психическое можно описать как физическое. Физическое явление представляет собой волну, но человек не воспринимает ее как волну, а слышит как звук. Цвет есть преломление света, но человек видит его как цвет, а не как свет. Получается, что нет никаких оснований отличать физическое, понимаемое как волны, от

¹¹⁶ Мах Э. Познание и заблуждение. Очерки по психологии исследования. – М., 2003. – С. 42.

¹¹⁷ Там же. С. 92.

психического, потому что и то и другое можно описать в виде волн. Таким образом, для Маха все, что находится за пределами ощущений, не обладает статусом реальности в полной мере, а любое, даже такое общее представление или понятие, как *Я*, по сути есть результат интеллектуальной деятельности, в которой используется опыт восприятия. Восприятие – это комплексы ощущений, которые состоят из отдельных ощущений-элементов.

Р. Авернариус также пишет об интегральном единстве субъективного и объективного в опыте, физического и психического, которое он характеризует как «принципиальную координацию *Я* и окружающего мира», что соответствует концепции нейтральности элементов мира Э. Маха. Согласно этой концепции, опыт есть действительная реальность без деления на субъект и объект.

Разделение на субъект и объект происходит, по мнению Р. Авенариуса, вследствие некритического восприятия индивидами чужого опыта. Опыт любого человека включает в себя не только личный чувственный опыт, но может также увеличиваться в процессе познания и восприятия опыта других людей. Однако в этом случае чужой опыт, который также расценивается Р. Авенариусом как единство внешнего и внутреннего, воспринимается уже как нечто внешнее, порождая тем самым представление об объективном внешнем и субъективном внутреннем, которые впоследствии ведут к противопоставлению субъекта и объекта, души и тела. Чувственный опыт начинают рассматривать в качестве психического процесса и состояния души. Приписывание человеком другим людям восприятий окружающих вещей, представлений и чувственных ощущений, своеобразное вкладывание или вбрасывание опыта другим людям Р. Авенариус называет интроекцией. «И эта интроекция есть то, что вообще из “находящегося передо мной” делает “находящееся во мне”... из “составной части (реальной) среды” “составную часть (идеального) мышления”, из “дерева”

с его механической энергией – “явление” из той материи, из которой сотканы сны»¹¹⁸.

Высказанные Э. Махом идеи неоднозначно воспринимались его современниками, порой вызывая мощную волну протеста и критики. Наиболее острую и довольно парадоксальную реакцию на разработанный Э. Махом концепт нереальности *Я* можно обнаружить у О. Вейнингера (1880–1903).

В главе «Логика этика и Я» книги «Пол и характер» Вейнингер подвергает резкой критике понятие *Я*, данное Э. Махом в традиции Дэвида Юма (1711–1776) и Георга Кристофа Лихтенберга (1742–1799). В основе учения Д. Юма была идея о том, что познание начинается с опыта, состоящего из восприятий, которые в свою очередь делятся на впечатления (ощущения и эмоции) и идеи (воспоминания и образы воображения). «В соответствии с английской традицией Юм анализирует познание как внешний и внутренний опыт. Опыт соответственно производит в нас идеи, которые делятся на простые идеи-впечатления и идеи-рефлексии по поводу эмоциональных состояний (удовольствия и неудовольствия). Д. Юм ставит вопрос о том, что влияет на деятельность воображения, отчего в результате разные языки и разные предметы изучаются и описываются схожим образом»¹¹⁹.

Д. Юм определяет свою философскую концепцию *Я* следующим образом: «...когда я самым интимным образом вникаю в нечто, именуемое мной своим *Я*, я всегда наталкиваюсь на то или иное единичное восприятие тепла или холода, света или тени, любви или ненависти, страдания или наслаждения. Я никак не могу уловить свое *Я* как нечто существующее помимо восприятий и никак не могу подметить ничего, кроме какого-либо восприятия. Если же мои восприятия временно прекращаются, как бывает при глубоком сне, то в течение всего этого времени я не осознаю своего *Я* и поистине могу считаться несуществующим»¹²⁰.

¹¹⁸ Авенариус Р. О предмете психологии. — М., 2003. — С. 22.

¹¹⁹ Черепанова Е.С. Влияние идей Д. Юма на философию в Австрии: специфика философской эволюции или особенность австрийской традиции // Известия Уральского федерального университета. Серия 3 : Общественные науки. — 2012. — № 1 (100). — С. 148.

¹²⁰ Юм Д. Трактат о человеческой природе. Кн. 1, О познании. — М., 1995. — С. 298.

Эрнст Мах признавал, что Юм был его предшественником в критике *Я*: «...еще задолго до меня Дэвид Юм в своем «Трактате о человеческой природе» ввел анализ *Я*, разрушение иллюзии об остающемся *Я*»¹²¹. В этом отношении Э. Мах придерживается австрийской философской традиции, в рамках которой «практически все философские произведения австрийских мыслителей содержат анализ проблемы ощущений как источника познания, субстанциональности *Я*, возможности вещи-в-себе. В свете этого философия Д. Юма представлялась более плодотворной и перспективной для наследования и развития идей»¹²².

По Вейнингеру, результаты критики *Я* Дэвидом Юмом сводятся к тому, что понятие *Я* является «пучком» различных «перцепций», пребывающих в непрерывном движении и течении. Вейнингер подчеркивает, что понятие *Я*, благодаря Юму, «сильно скомпрометировано»¹²³, потому что Юм, уверенный в отсутствии у самого себя какого бы то ни было *Я*, предложил не обращать внимания на метафизиков, считающих, будто у них имеется какое-то другое *Я*, и даже предположил, что и все прочие люди тоже не имеют собственного *Я*.

Подход к критике *Я* немецкого мастера афоризмов XVIII века Г.К.Лихтенберга Вейнингер находит еще более необоснованным. Лихтенберг – выдающийся немецкий ученый и публицист – пользовался большой популярностью среди многих австрийских мыслителей благодаря философским высказываниям, изложенным в виде афоризмов, которые были опубликованы посмертно. В своей работе Вейнингер называет Лихтенберга философом безличности, который вместо выражения «я думаю» (*ich denke*) ставит «думается» (*es denkt*), считая последнее более соответствующим текущему моменту. Вейнингер пишет: «Для него *Я* является открытием, честь которого по справедливости принадлежит грамматике»¹²⁴.

¹²¹ Mach E. *Werk und Wirkung* / hrsg. von Rudolf Haller u. Friedrich Stadler. – Wien, 1988. – S. 243.

¹²² Черепанова Е.С. Влияние идей Д. Юма на философию в Австрии: специфика философской эволюции или особенность австрийской традиции // Известия Уральского федерального университета. Серия 3 : Общественные науки. – 2012. – № 1 (100). – С. 143.

¹²³ Вейнингер О. Пол и характер. — Ростов-на-Дону, 1998. — С. 71.

¹²⁴ Там же.

Свой протест он выразил на страницах «Пола и характера». Вейнингер опровергает теорию Маха, которая, как считает Вейнингер, представляет вселенную в виде компактной массы, а отдельные *Я* - как пункты сосредоточения наибольшей плотности этой массы. Он критически указывает, что Мах отрицает наличие какой бы то ни было реальности помимо ощущений, относительно устойчивое сочетание которых и есть по Маху индивид. Следовательно, заключает Вейнингер, «*Я* есть единство не реальное, а всего лишь практическое, которому «нет спасения, а потому можно (охотно) отказаться от идеи индивидуального бессмертия»¹²⁵. Вот почему О. Вейнингер насмешливо характеризует махистское понятие *Я* как «зал ожидания ощущений».

Вейнингер также не разделяет точку зрения Маха, согласно которой *Я* как комплекс элементов находится в постоянном изменении. «Если бы *Я* непрерывно изменялся и таким образом терял свое тождество с самим собою, то есть если бы мое *Я* превратилось в определенную функцию изменений, то я никогда не в состоянии был бы противопоставить себя этому изменению и познать его, – пишет Вейнингер. – Для этого мне не хватало бы абсолютной системы координат, относительно которых только и можем мы определить тождество и фиксировать его как таковое»¹²⁶.

В главе, посвященной *Я* и гениальности, Отто Вейнингер противопоставляет хаосу чувственных ощущений «такое духовное единство *Я* с мировым целым, при котором *Я* не исчезает, а, вбирая в себя весь мир, утверждает свое абсолютное, трансэмпирическое значение»¹²⁷. Под гениальностью Вейнингер понимает состояние абсолютной свободы от законов действительности. По Вейнингеру, ясное осознание собственного *Я* доступно лишь гениальному человеку, потому что гениальные люди способны распознавать все самые тонкие и едва уловимые различия между собой и остальными людьми. Именно

¹²⁵ Вейнингер О. Пол и характер. — Ростов-на-Дону, 1998. — С. 71.

¹²⁶ Там же С. 72.

¹²⁷ Жеребин А.И. Вертикальная линия. Философская проза Австрии в русской перспективе. — СПб., 2004. — С. 278.

поэтому гениальный человек, по Вейнингеру, способен четко определить наличие собственного *Я* у другого человека, даже если оно остается неясным и слабо выраженным для этого человека.

Гений, по Вейнингеру, является носителем кантианского этического сознания. Он пишет: «Человек, который, как в себе, так и в другом человеке видит монаду, *Я*, особый мировой центр, особую форму чувствования и мышления, особое прошлое, только он будет особенно далек от мысли воспользоваться другим человеком как средством для осуществления какой-либо цели, он, оставаясь верным заветом кантовской этики, видит, чувствует, а потому уважает в своем ближнем личность (как часть умопостигаемого мира). Основным психологическим условием практического альтруизма есть поэтому теоретический индивидуализм»¹²⁸.

Рассуждая о монаде-*Я*, Вейнингер имеет в виду учение немецкого философа Г.В.Лейбница (1646–1716), идеи которого «надолго утвердились в австрийской культуре, в отличие от Германии, где авторитет последователей Лейбница был поколеблен «Критикой чистого разума И. Канта»¹²⁹.

В соответствии с учением Лейбница мир представляет собой единое здание, целостность которого обеспечивается принципом предустановленной гармонии. Центральным понятием его учения, изложенного Лейбницем в написанной им в Вене «Монадологии», выступает монада – простая духовная субстанция. Монада замкнута, у нее «нет окон»¹³⁰, и даже Бог, создав ее, не может изменить заданную ей цель. При этом каждая монада является зеркалом всего огромного мира, и все законы, будь то физические или химические, этого мира отражаются в ней.

Бог представляет собой самую сложную и большую монаду, которая гармонизирует мир. Лейбниц пишет: «Таким образом, один только Бог есть первичное Единство, или изначальная простая субстанция. Все монады,

¹²⁸ Вейнингер О. Пол и характер. — Ростов-на-Дону, 1998. — С. 86.

¹²⁹ Черепанова Е.С. Австрийская философия как самосознание культурного региона. — Екатеринбург, 2000. — С. 173.

¹³⁰ Там же. С. 174.

сотворенные или производные, составляют Его создания и рождаются, так сказать, из непрерывных, от момента до момента, излучений Божества, ограниченных воспринимающей способностью твари, ибо для последней существенно быть ограниченной»¹³¹.

Монада присуща каждому элементу мироздания, упорядоченного в виде иерархии монад. И животные, и люди наделены монадами, однако если у животных есть способность к перцепции-восприятию, то человек способен не только к перцепции, но и апперцепции, то есть рефлексии. Познать Бога невозможно, но человек может познать самого себя. «Но познание необходимых и вечных истин отличает нас от простых животных и доставляет нам обладание разумом и науками, возвышая нас до познания нас самих в Боге. И вот это называется в нас разумной душой или духом»¹³².

Одной из монад как раз является человеческое *Я*, имеющее особое значение в германской культуре, основанной на протестантизме, в котором берет свое начало немецкий индивидуализм. Отсюда становится ясным, что, выбирая между австрийской католической идеей и германской протестантской идеей, Вейнингер отдает предпочтение последней, что он собственно и подтверждает своим сознательным переходом в протестантизм более чем за год до добровольного ухода из жизни.

Вейнингер приходит к выводу, что отрицание субъекта (или *Я*) не приводит к изменению этической позиции в лучшую сторону. По мнению Вейнингера, человек должен видеть и психологически осознавать собственную уникальность, он имеет право на эту уникальность, и он имеет право на собственное *Я*. «Тяжело заблуждается отрицатель субъекта, Эрнст Мах, полагая, что отречением от собственного *Я* мы приходим к этическому принципу, который “совершенно исключает пренебрежение к чужому *Я* переоценку собственного”... *Я* – основной принцип всякой социальной этики. К какому-нибудь узловому пункту, в котором перекрещиваются разнообразные

¹³¹ Лейбниц Г.В. Сочинения : В 4 т. Т. 1. — М., 1982. — С. 418.

¹³² Там же С. 423.

«элементы», Я психологически не в состоянии применить какой-нибудь этический принцип. Это, пожалуй, является идеалом, но для практического поведения оно лишено всякого значения, так как исключает психологическое условие осуществления всякой нравственной идеи. Нравственное требование уже заключено в самом психологическом строе нашем»¹³³.

Критика Вейнингера в значительной мере отражает особенность австрийской философской традиции, относительно типичной для германской культуры первенства индивидуальности, концепции истории и направленности развития вообще. Эта традиция основывается на религиозном противоборстве протестантизма и католицизма, проявляющемся уже не на уровне религиозных убеждений, а на уровне мировоззрений, философских дискуссий и как определенная религиозная культура, определяющая мироощущения и представления. Сознательно приняв крещение по лютеранскому обряду, будучи австрийцем еврейского происхождения, Вейнингер тем самым символично отказывается от австрийской идеи и становится космополитом. Поскольку протестантизм предполагает принадлежность к германскому духу, германской философии, то он объединяет таким образом Вейнингера с идеями Канта, который утвердил этический принцип предельной свободы разума.

В данном случае противопоставляется также в какой-то мере и определенная социально-политическая ситуация, воплощенная в том, что социальная структура и политические отношения в Австрии, и в Вене в особенности, не были простыми. Будучи выходцем из еврейской среды, Вейнингер как представитель венской интеллектуальной элиты не чувствовал свободы, и в первую очередь интеллектуальной, потому что существовала бюрократическая цензура и определенные ограничения. Выбор евангелического вероисповедания носил не столько религиозный характер, сколько философский, потому что Вейнингер тем самым выбрал более свободную философию.

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть следующее:

¹³³ Вейнингер О. Пол и характер. — Ростов-на-Дону, 1998. — С. 85.

во-первых, причина значительного влияния Маха на философию исследуемого периода кроется, прежде всего, в том, что его идеи как нельзя лучше соответствовали умонастроениям эпохи и отражали тот кризис идентичности, который переживали австрийская культура и австрийское национальное самосознание;

во-вторых, становление Э. Маха как философа происходило не в результате некоего методологического кризиса как естествоиспытателя, а одновременно с его исследованиями в области физики. Наиболее значимые философские произведения мыслителя были подготовлены и завершены в сложный для Австро-Венгрии период, в значительной мере как опосредованная реакция на происходящие события;

в-третьих, на формирование философской позиции Э. Маха оказали идеи Лихтенберга, Беркли, Юма, Канта. Восприятие его философской теории представителями Венского кружка, Богдановым, Маутнером, а также критика Лениным, Вейнингером указывают на преемственность его идей относительно английского эмпиризма и принципиальное неприятие немецкого идеализма;

в-четвертых, такое отношение к философии Канта, к немецкому идеализму отражает типичную особенность австрийской философии, которая сформировалась в результате оппозиции католической и протестантской религиозных культур, политической и культурной конкуренции между Австрийской империей и Пруссией на протяжении XVIII–XIX веков. Критика немецкой метафизики стала в конечном итоге критикой метафизики в целом, и закономерно завершилась философией позитивизма Э. Маха, Л. Витгенштейна, представителей Венского кружка;

в-пятых, ключевые философские концепты Э. Маха – реальность как комплекс ощущений, принцип экономии мышления, нереальность и невозможность *Я* – оказали влияние на дальнейшее развитие философии в Австрии и нашли отражение в теоретических поисках представителей Венского кружка, австромарксизма, в философской критике языка Ф. Маутнера.

Глава 2. Э. Мах и австрийская критика языка

Особенностью австрийской философской традиции и австрийского мировосприятия является критика языка. Как уже отмечалось в первой главе, полиэтничная культура, многоязычие Габсбургской империи, сами социально-исторические условия предопределили проблему критики языка. М.А. Хевеши подчеркивает особенную остроту этого вопроса в Австро-Венгрии: «В такой многонациональной и многоязычной стране, какой явилась Австро-Венгрия, проблема языка, представляющая собой и политическую проблему, не могла не привлекать к себе пристального внимания»¹³⁴.

Методологией критики языка служили ключевые концепты Э. Маха, рассмотренные ранее и воспринятые целым рядом философов. Так как речь идет не о лингвистическом позитивизме, то применительно к критике языка, при обсуждении вопроса о реальности как о комплексе ощущений стал использоваться термин «философский импрессионизм», в частности при характеристике такого крупного специалиста в области критики языка, как Фритц Маутнер. В этой части нашего исследования мы попытаемся ответить на вопрос: в чем состоит суть критики языка, почему точнее или более определенно она описывается как следствие философского импрессионизма?

Традиционно в гуманитарных науках со словом «импрессионизм» ассоциируется, прежде всего, художественное направление, возникшее во Франции в последней трети XIX–начале XX века в живописи, представители которого стремились наиболее естественно и непредвзято запечатлеть реальный мир в его подвижности и изменчивости, передать свои мимолетные впечатления.

Также известно, что импрессионизм в живописи оказал влияние и на другие жанры искусства. Помимо живописцев интерес импрессионизма к мгновенной текучей форме восприняли скульпторы. В свою очередь, под влиянием данного

¹³⁴ Хевеши М.А. Кризис Австро-Венгрии и его воздействие на развитие западноевропейской философии // Философские науки. – 1981. – № 4. – С. 119.

направления в живописи возник импрессионизм в музыке, которому свойственны передача тонких настроений, психологических нюансов, интерес к тембровой и гармонической красочности.

Австрийская культура также оказалась под влиянием импрессионизма, который нашел специфическое выражение даже в ряде философских теорий. Этот термин применительно к философии впервые использовал влиятельный литературный критик Герман Бар. В одном из своих эссе под названием «Обреченное на гибель Я» Г. Бар впервые употребил этот термин – «философия импрессионизма» – к работе Э. Маха «Анализ ощущений», которая была издана в конце XIX века и сразу завоевала большую популярность среди читателей. По признанию всех историков философии, фигура Э. Маха входит в историю австрийской философии в момент ее наивысшего расцвета.

Несмотря на то что данный метафорический термин «философский импрессионизм» не утвердился в исследовательской практике, такое применение искусствоведческого понятия позволяет представить философские новации в контексте с тенденциями развития культуры того времени, а также понять, в конечном итоге, особенности художественного и философского мировосприятия как проявления некоего целостного феномена.

Следует отметить, что термин «философский импрессионизм» используют не только искусствоведы и литературные критики, но также и такие историки австрийской философии, как Р. Халлер, П. Кампиц, Ф. Штадлер и другие авторы. Венгерский исследователь австрийской философии, Криштоф Нири, применил его для характеристики теории познания Э. Маха, а также восходящей к ней лингвокритической концепции Ф. Маутнера.

2.1 Влияние Э. Маха на лингвокритическую теорию Ф. Маутнера

Вопрос о происхождении и сущности языка всегда оставался одной из значимых тем философии. Однако именно в Австрии на рубеже веков

исследование вопроса о языке занимало практически господствующее положение, причем не только в философии, но и в произведениях многих австрийских поэтов и писателей, таких как Гофмансталь, Рильке, Музиль, Кафка.

Один из наименее известных австрийских критиков языка, Адольф Штёр (1855–1921) был преемником Маха и Больцмана на кафедре индуктивных наук в Венском университете, где Штёр читал лекции по психологии чувств, эмпириокритицизму Авенариуса, психофизике, теории познания и монистической философии. Результаты исследований, опиравшиеся на идеи монистического учения Э. Маха относительно логики имен и восприятия глубины, А. Штёр изложил в двух своих главных трудах: «Учебник логики в психологическом изложении» и «Психология», посвященных анализу проблем мышления и языка на основе синтеза философии и психологии.

А. Штёр критиковал метафизику и выступал за психологическое толкование логики, утверждая, что причины важных для логики различий следует искать в психологических основаниях речи. Он сыграл заметную роль в популяризации учения Э. Маха, став одним из зачинателей общеобразовательного курса в рамках «Общества Э. Маха».

Близкий А. Штёру по духу Рихард Вале (1857–1935) был учеником Э. Маха. В истории австрийской философии он имеет репутацию эксцентричного аутсайдера за резкие язвительные и порой пренебрежительные высказывания в адрес философов самых разных направлений. Так, например, в работе «Трагикомедия мудрости: достижения и история философствующих» он пишет: «Надо сказать, что Кант оставил теорию познания в весьма запущенном состоянии общей растерянности»¹³⁵. В этой же книге Р. Вале отзывается о Гербарте следующим образом: «Тщательно изучив доктрины Гербарта, мы

¹³⁵ Wahle R. Die Tragikomödie der Weisheit: Die Ergebnisse und die Geschichte des Philosophierens, Braumüller Verlag; Wien, Leipzig, 1915 – S. 364.

обнаружили букет довольно интересных заблуждений, и все-таки он был одним из лучших»¹³⁶.

Увлечение идеями И.Ф. Гербарта сменилось разочарованием Р. Вале в гербартарианстве, которое он винил в склонности к дидактике и созданию пустых концепций и фраз: «Наполненное смыслом слово невозможно отличить от пустого, а под маской абстрактного можно спрятать любую неточность, ошибку и ложь, а также любую притворную фразу»¹³⁷.

Вале полемизировал со Шницлером по поводу политики, придерживался редукционизма в философии и психологии, который сводился к физиологии, и предсказывал «конец философии» как целостной систематической специальной дисциплины. Он критиковал традиционную метафизику с точки зрения позитивистского сенсуализма, но в итоге, в отличие от Маха, пришел к позиции скептического агностицизма.

Выдающегося сатирика, писателя, литературного и художественного критика Карла Крауса (1874–1936) исследователи австрийской философии также причисляют к группе критиков языка благодаря его виртуозным экспериментам с языком, хотя он не был профессиональным философом. К.Краус известен прежде всего как издатель одного из влиятельнейших журналов эпохи, в котором публиковались такие крупнейшие писатели и художники, как О. Кокошка, Г. Тракль, Ф. Верфель, П. Альтенберг, О. Уайльд и другие. Краус издавал журнал «Факел» (Fackel) с 1899 года вплоть до самой смерти, причем с 1911 года он стал единственным автором «Факела» и превратил журнал в своего рода площадку для критики культуры и литературы и, разумеется, критики языка.

Немецкий философ, литературный критик, эссеист и теоретик культуры Вальтер Беньямин (1892–1940) напишет о К. Краусе: «Нет никого безутешнее его адептов; нет никого безбожнее его противников. Нет имени, которое уместнее было бы почтить молчанием. В древних доспехах, яростно

¹³⁶ Wahle R Die Tragikomödie der Weisheit: Die Ergebnisse und die Geschichte des Philosophierens. Wien, Leipzig. 1915. – S. 373.

¹³⁷ Ibid. S. 414.

оскалившись, словно китайский идол с обнаженными мечами в обеих руках, он отплясывает боевой танец перед гробницей немецкого языка»¹³⁸.

По мнению Крауса, язык отражает не просто особую реальность, но также и мораль: «В соответствии с трактовкой языка, предполагающей некую предустановленную гармонию языка и мира, я считаю искусство не чем иным, как языком, который соответствует реальности, превышающей разум»¹³⁹.

Краус высмеивал фельетонистов и всех представителей прессы за вольный синтаксис и чрезмерное увлечение неологизмами. «Краус считал, что фельетоны разрушают объективность ситуации и творческую фантазию писателя, поскольку при выстраивании новостей в виде фактов утрачивается глубина личности писателя из-за необходимости подстроиться под готовую ситуацию»¹⁴⁰.

Подобно А. Лоосу, который резко критиковал орнаментальность в архитектуре, Краус яростно боролся с фигурами речи в языке, искажающими, по его мнению, истинное положение дел в политике и культуре. Его стремление очистить язык от лжи совпадало с позицией Витгенштейна в отношении критики языка.

Краус считал, что «мораль и политику нужно судить не по их собственным меркам, а только по тому, каким языком они пользуются. Преклонение перед языком у Крауса лежало в русле типичного для Вены эстетизма; для него слова были не просто реальностью, а неким высшим образцом. За ними не скрывался Бог почитателей Маутнера, и в их основе, вопреки утверждению Вале, не лежал никакой психический процесс»¹⁴¹.

Если говорить непосредственно о философии языка, то среди многочисленных работ, посвященных исследованию этой глобальной темы, особое место занимает обширное наследие австрийского мыслителя Фритца Маутнера, имя которого малоизвестно в современной российской философской

¹³⁸ Бенъямин В. Улица с односторонним движением. – М., 2012. – С. 69.

¹³⁹ Kraus K. Ein neuer Mann// Die Fackel. -Nr. 546-550 Juli. - 1920. – S. 50.

¹⁴⁰ Janik A., Toulmin S. Wittgenstein's Vienna / Allan Janik, Stephen Edelston Toulmin // A Touchstone Book. – Simon and Schuster, 1973. –P. 79.

¹⁴¹ Джонстон У.М. Австрийский Ренессанс. Интеллектуальная и социальная история Австро-Венгрии, 1848–1938 гг. — М., 2004. — С. 309.

литературе. Как правило, Фритц Маутнер упоминается скорее как этап развития применительно к самому признанному австрийскому философу Людвигу Витгенштейну, прежде всего потому, что он лишь вскользь упоминает Маутнера, впрочем, чтобы сразу же отмежеваться от него. В знаменитом высказывании 4.0031 «Логико-философского трактата» Л. Витгенштейн утверждает, что «вся философия есть по сути “критика языка” (хотя и не в том смысле, какой вкладывал в это выражение Маутнер)»¹⁴². Таким образом, Ф. Маутнер предстает в первую очередь как объект полемики Л. Витгенштейна.

Е.С. Черепанова связывает сложившуюся ситуацию игнорирования или «замалчивания» особой роли Ф. Маутнера в философии языка с тем, что «австрийская традиция критики языка, свидетельствующая об особой региональной философской культуре и отмеченная как таковая большинством исследователей, никак не принимается во внимание в той литературе, которую может прочесть российский читатель о Л. Витгенштейне. И хотя австрийские лингвокритики упоминаются, делаются вполне определенные оговорки, что на самом-то деле идеи Витгенштейна в значительной мере сформировались под влиянием английской философии, а степень австрийского влияния сводится к минимуму»¹⁴³. Главная причина такой несправедливости заключается в том, что английские исследования творчества Витгенштейна получили наибольшее распространение в современной философии языка, вследствие чего возникла некоторая односторонность в интерпретации наследия прославленного австрийского философа.

Следует отметить, что Э. Маха и Л. Витгенштейна, как и всех австрийских философов, в первую очередь объединяет антиметафизическая установка. По мнению Ф. Штадлера, Витгенштейн соглашался с Махом в том, что о мире как о целом ничего нельзя выразить: «В трактате появляется попытка отделить с помощью чистой структурной теории отражения языка выражаемую словами область (природы) науки от области метафизики, этики, мистики и религии,

¹⁴² Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. — Москва, 2010. — С. 50.

¹⁴³ Черепанова Е.С. Австрийская философия как самосознание культурного региона. — Екатеринбург, 2000. — С. 227.

которую невозможно выразить словами, и тем самым осуществить разделение между научным высказыванием и метафизическим “явлением”. В этом контексте часто цитируемые утверждения и постулаты Витгенштейна стоят в конце трактата, отражая невысказанность этики и эстетики, но вместе с тем предполагая и их примат над наукой и трактуя методы философии как естественнонаучную антиметафизику. Мах согласился бы со всем этим»¹⁴⁴.

Связь Маха и Витгенштейна представлена в деятельности Венского кружка, который популяризируя учение Эрнста Маха, в то же время изучал работы Людвиг Витгенштейна, изложенные в «Логико-философском трактате». С точки зрения истории и культуры Венский кружок, Мах и Витгенштейн стали своего рода символами философской жизни Австрии в начале XX века.

Витгенштейн признавал господство языка и считал познание возможным, но только при условии правильного обращения с языком. «В отличие от Маутнера, который сам себя приговорил к молчанию и тем самым отверг возможность методологии, Витгенштейн утверждал, что язык может определить границы того, что выразимо словами. Вовсе не отказываясь от философии, Витгенштейн отрицал идею Крауса о согласованности языка с реальностью и моралью. Первая часть положения, считал Витгенштейн, касается лишь положений математики и физики. В других областях язык искажает реальность. На последних страницах Витгенштейн тем не менее соглашался с Краусом в том, что «этика и эстетика – это одно и то же». Точно так же, как Краус, любивший составлять компиляции из отрывков, наследующий ему Витгенштейн выстраивал в последовательный ряд отрывки из своих записных книжек путем использования сложной нумерации параграфов и обозначая таким образом роль каждого из них»¹⁴⁵.

С помощью логики и методологии логических исследований Витгенштейн предлагает сделать суждение действительно истинным и доказуемым, то есть

¹⁴⁴ Stadler F. Vom Positivismus zur “Wissenschaftlichen Weltauffassung”: Am Beispiel der Wirkungsgeschichte v. Ernst Mach in Österreich von 1895 bis 1934 / Friedrich Stadler. – Wien ; München : Löcker, 1982. – S. 48.

¹⁴⁵ Джонстон У.М. Австрийский Ренессанс. Интеллектуальная и социальная история Австро-Венгрии, 1848–1938 гг. — М., 2004. — С. 316.

использовать логические средства, позволяющие рассчитывать истинное описание данной в нашем представлении действительности, что важно в первую очередь для науки, которая без этого не может. Установка Витгенштейна на сопровождение научного знания во многом соответствует желанию Маха, чтобы философия предприняла как бы попытку такого лингвистического поворота, т.е. действительного анализа языка, с целью выявления возможности описания истины или описания наших представлений усилиями языка.

Несмотря на стремление Витгенштейна избежать свойственного Маутнеру скептицизма и противоречий, в последних параграфах «Логико-философского трактата» все же обнаруживается некоторая мистическая тенденция, аналогичная философскому стилю Маутнера: «6.52. Мы чувствуем, что даже когда найдутся ответы на все возможные философские вопросы, основы жизни останутся полностью непостижимыми... 6.522. Есть в самом деле нечто, чего не передать словами. Оно проявляет себя. Вот что мистично»¹⁴⁶.

Фритц Маутнер гораздо раньше, чем Витгенштейн, обозначил кризис языка и указал на необходимость его критики. Критика языка Маутнера охватывает почти все проблемы философии языка, начиная с теории речевых актов и заканчивая герменевтикой и логикой. Поэтому Ф. Маутнер представляет интерес не только в свете его влияния на идеи Л. Витгенштейна, но и как самостоятельный философ, продолживший в критике языка развитие австрийского философского импрессионизма.

Фритц Маутнер родился 22 ноября 1849 года в Горжице в состоятельной еврейской семье. Благодаря усилиям своей матери Амалии, Фритц уже в раннем детстве выучил алфавит, научился читать, освоил основы грамматики. Все биографы отмечают тот факт, что Маутнер рос в многоязычной среде и с детства привык к противопоставлению немецкого, чешского и иврита и обращать внимание на их особенности. Это, разумеется, во многом предопределило лингвокритическую направленность его философских работ.

¹⁴⁶ Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. — Москва, 2010. — С. 148.

«Уже в юные годы в Чехии Маутнеру стала очевидна искусственность языка – он должен был изучать не один, а три языка одновременно как родные...»¹⁴⁷ Сам Маутнер по своему собственному признанию ни один из этих языков не считал для себя родным. Криштоф Нири в своей книге «Философская мысль Австро-Венгрии» отмечает: «У Маутнера по сути дела нет чувства родного языка – привязанности к языку, безусловного доверия к определенному языку и к выразительности этого языка»¹⁴⁸. В детстве Маутнер мечтал стать поэтом, однако он осознал, что в стихах он не способен выразить все чувства в полной мере. «В словесном искусстве у меня отсутствовало живое слово родного диалекта», – писал он впоследствии¹⁴⁹.

В 1855 году семья перебирается в Прагу, где отец философа Эммануэль Маутнер открывает текстильный завод и преуспевает в делах. Финансовое благополучие семьи позволило устроить домашнее обучение для шестерых детей. Учителя, занимавшиеся с детьми, уделяли большое внимание знаниям постулатов католической церкви, что не нравилось будущему философу. По достижении юношеского возраста Маутнер получил от отца разрешение продолжить обучение в одной из пражских гимназий.

Еще во время обучения в гимназии юный Маутнер обнаружил, что общество разделено на разные группы, и расслоение было связано, прежде всего, с этническими и культурно-духовными основаниями. Население Праги также делилось на немецко-чешскую и чешско-еврейскую части. Евреи с презрением относились к любого рода подделкам родного литературного языка и запрещали употреблять диалекты в смешанном образовании. Они не одобряли развитие идиша, так как считали, что новые слова искажают их родной язык. Отношение немцев к своим этническим соседям было пренебрежительным. В результате между обеими группами создавались искусственные барьеры, и нарастало политическое напряжение.

¹⁴⁷ Джонстон У.М. Австрийский Ренессанс. Интеллектуальная и социальная история Австро-Венгрии, 1848–1938 гг. — М., 2004. — С. 296.

¹⁴⁸ Нири К. Философская мысль в Австро-Венгрии. — М., 1987. — С. 89.

¹⁴⁹ Mauthner F. Sprache und Leben. – Salzburg; Wien, 1986. – S. 35.

Будущий философ с отличием сдает экзамен на аттестат зрелости и принимает решение поступить на юридический факультет Пражского университета. В университетские годы Ф. Маутнер с успехом осваивал знания в области юриспруденции и стал думать о политической карьере. Он посещал разные литературные кружки, секции, стал публиковать сатирические заметки в газетах и журналах, которые издавались при университете.

Беззаботная молодость Ф. Маутнера закончилась в связи со скоропостижной смертью отца. Юноше пришлось оставить учебу в университете. Его принимают на работу сразу в нескольких издательствах, для которых Маутнер пишет фельетоны, небольшие сатирические статьи, посвященные светской жизни города. Журналистский талант Маутнера вскоре заметили и предложили публиковаться на первых полосах престижных берлинских газет. Карьера Маутнера стала быстро набирать обороты.

В 1876 году молодой австриец переехал в Берлин. В это время Маутнер с интересом изучает труды Отто фон Бисмарка, который с 1862 года занимал пост первого министра Пруссии. Ф. Маутнер был увлечен личностью выдающегося политического деятеля, восхищался его волей, физической выносливостью, презрением к человеческой слабости, особым политическим чутьем. Он высоко оценивал проводимую Бисмарком реформу, направленную на освобождение политики и права от словесного суеверия.

В Берлине со свойственной этому городу бушующей жизненной энергией Маутнер работает на постоянной основе в крупном издательстве, которое принадлежало либерально настроенному Рудольфу Мозсе. Молодой Маутнер смело высказывается в адрес отдельных известных театральных деятелей, режиссеров, сценаристов и выступает с критикой поставленных ими в берлинских театрах. За относительно небольшой промежуток времени Маутнер стал профессионалом в своем деле, которого опасались многие деятели культуры. В 1878 году Маутнер издает сборник своих пародий большим тиражом.

В этот же период Маутнер предпринимает первые шаги в создании собственной критики языка. Он начинает задумываться об огромной власти языка над человеком. Однако он сжигает свои первые наброски, поскольку считает себя недостаточно подготовленным с философской точки зрения.

С 1882-го по 1897 год Ф. Маутнер опубликовал 12 романов, в том числе и знаменитую «Ипатию», а также множество небольших лирических и драматических рассказов. Читатели привыкли видеть Маутнера в роли критика, поэтому после выхода в свет его лирических произведений они не смогли по достоинству оценить его творчество. Получив ряд критических замечаний, Ф. Маутнер стал сомневаться в своих литературных способностях.

Еще в юности Ф. Маутнер серьезно увлекался философией и с интересом читал труды Платона, Аристотеля, Г.В. Лейбница, Дж. Локка, И. Канта, Ф. Ницше, А. Шопенгауэра, Э. Маха. Учения Сократа и Платона, которые полагали, что имя установлено не произвольно, а по природе, подтолкнуло Ф. Маутнера к изучению языка как формы символического бытия человека.

Как уже упоминалось, благодаря своей теории познания и своим размышлениям о понятиях, предложениях и правилах Э. Мах завладел вниманием целого ряда выдающихся философов языка и литераторов. Подобно многим австрийским интеллектуалам, он и сам не в последнюю очередь был заинтересован вопросом языка с литературно-эстетической точки зрения и восхищался немецким мастером афоризмов Г.К. Лихтенбергом, считая его примером для подражания. Несмотря на особую роль критики языка в австрийской духовной истории, в особенности в философии и литературе, по мнению Ф. Штадлера «конкретно философско-научные основания критики языка и языкового скепсиса применительно к Эрнсту Маху никогда соответствующим и исчерпывающим образом не принимались во внимание»¹⁵⁰.

Вместе с тем многие исследователи отмечают существенное влияние Э. Маха на Ф. Маутнера, который познакомился с Э. Махом в 1872 году, когда прослушал в Праге популярную лекцию Э. Маха «Принцип сохранения работы.

¹⁵⁰ Mach E. Werk und Wirkung / hrsg. von Rudolf Haller u. Friedrich Stadler. – Wien, 1988. – S. 45.

Истоки и корень ее». Несмотря на то что эта лекция была посвящена физике, она произвела на далекого от физики филолога Маутнера глубокое впечатление и оказала большое влияние на дальнейшие философские труды. «Как ни мало разбирался я в то время в математической механике, – признавался Ф. Маутнер, – лекция эта дала толчок, помимо сознания действовавший на меня десятилетиями. Потому что, когда тридцать лет спустя я прочел эту лекцию вновь, притом что совершенно забыл прочитанное в первый раз, я поразился содержащимся в ней лингвокритическим догадкам, и во мне родилась внезапная решительная убежденность, что все эти мощные формулировки однажды я уже в себя впитал»¹⁵¹.

Впоследствии Э. Мах и Ф. Маутнер в течение многих лет вели активную переписку. В одном из писем Э. Маху Ф. Маутнер признается: «концепцию своей работы (Критики языка) я подсознательно задумал еще в 1872 и 1873 гг. Тогда я слушал ваш доклад о сохранении работы с очень хорошими экспериментами. Тогда мне стало ясно, что моя критика должна быть теоретико-познавательной...»¹⁵²

Важным этапом в формировании собственного философского мировоззрения Ф. Маутнер считал освобождение от суеверной магии слов. От словесной мистификации ему помогли избавиться, по его признанию, Отто Бисмарк, Фридрих Ницше, Отто Людвиг и Эрнст Мах. Во-первых, Бисмарк освободил его от парализующего политику и право суеверного отношения к словам; во-вторых, знакомство с работой Ф. Ницше «О пользе и вреде истории для жизни» развенчало веру в слова применительно к истории; в-третьих, резкая критика Отто Людвиг в адрес Шиллера помогла избавиться от магического влияния риторики; и наконец, монизм Маха научил Маутнера не доверять безоговорочно какой-либо естественнонаучной теории. «Можно сказать, что Бисмарк определил политическую, внешнюю цель “Критики языка”, Отто

¹⁵¹ Нири К. Философская мысль в Австро-Венгрии. — М., 1987. — С. 91.

¹⁵² Mach E. Werk und Wirkung / hrsg. von Rudolf Haller u. Friedrich Stadler. – Wien, 1988. – S. 45.

Людвиг – методический критицизм, а фигуры Ницше и Маха стали своего рода границами критики языка»¹⁵³.

Традиционная философия Нового времени и вообще философия теории познания предполагает, что описывать реальность такой, какая она есть, т.е. объективную реальность, существующую независимо от нас, можно только одним способом. Если представить себе какую-то константу, позволяющую отобразить реальность, то приходится включать разум, конструирующий реальность в некоторых наиболее общих абстрактных понятиях, как то: протяженность, пространство, время, а также математические и логические понятия. Все эти понятия есть результат рациональной рефлексии, человеческого размышления по поводу увиденного и воспринятого. И в этом случае возникает проблема представления реальности, не данной человеку в ощущениях, но познаваемой. Следует отметить, что вопрос описания научной реальности все время ставился, и к XVIII веку Лейбниц предложил язык дифференциального исчисления.

Однако здесь возникает закономерный вопрос, что имеет ли место вообще та часть реальности, которая существует независимо от ощущений и которая может быть описана языком дифференциального исчисления. Существует ли интеграл, материя или протяженность, независимо от нашего познавательного опыта? На этот вопрос Э. Мах отвечает однозначно: мы не можем говорить об этом таким образом. Потому что, во-первых, то, что мы видим, есть комплекс наших ощущений, который можно также описать с позиций физики с помощью абстрактных понятий. В дневнике, охватывающем период с 1871-го по 1872 год, Э. Мах пишет: «Все можно объяснить с точки зрения физики»¹⁵⁴. Он считает, что при рассмотрении ощущения в качестве общего свойства материи можно избежать сложности в определении нового, появляющегося в комплексе ощущений: «Ощущения чужой души просто надуманные исходя из наших ощущений. Если мы таким образом ищем место в пространстве, в зрительном и

¹⁵³ Черепанова Е.С. Австрийская философия как самосознание культурного региона. – Екатеринбург, 2000, С. 233.

¹⁵⁴ Mach E. Werk und Wirkung / hrsg. von Rudolf Haller u. Friedrich Stadler. – Wien, 1988. – S. 173.

тактильном поле, то это бессмысленно... Нам хочется надеяться, что мы так сможем прийти к большему пониманию. И в этом желании мы старательно соизмеряем нас с масштабом внешнего мира, а внешний мир с нашим масштабом. Рассматриваем нас как физические явления, которым прилагаются ощущения внешнего мира. Физиология физики»¹⁵⁵.

Тогда вновь возникает вопрос: каким языком можно описать ощущения? Наиболее ярким примером проблемы описания ощущений может служить медицинский язык, которым пользуются врачи при описании боли. Боль бывает тупая, острая, колющая, режущая и так далее. Все эти градации, по сути, напрямую касаются ощущений, поскольку они описывают конкретно то, что ощущает человек. Проанализировав опыт жалоб от пациентов, врачи договорились между собой, что подразумевает под собой тот или иной вид боли. Таким образом, границы медицинского языка прорабатываются на основе опыта.

В трехтомнике «Вопросы критики языка» Ф. Маутнер утверждает, что язык не способен передавать содержание мысли, поскольку уникальность мысли разрушается при попытке оформить ее в слова: «Мой кратковременный опыт уникален, поэтому в каждый момент у него нет названия; в тот момент, когда я его называю, я помещаю его в свою память и уникальность утрачивается. Поэтому опыт всегда на шаг впереди языка»¹⁵⁶. По Ф. Маутнеру реальность можно только переживать, ее невозможно обозначить словами, поскольку попытка перевести опыт в слова приводит к возникновению пустых фраз. В качестве выхода из этой ситуации Ф. Маутнер призывал мыслителей к молчанию.

Э. Мах со своей теорией познания возрождает в Ф. Маутнере философскую перспективу тем, что он ставит вопрос о необходимости описания ощущений. Э. Мах показал, что ощущения реальны, они и есть действительная реальность, которая представляет собой то, о чем как раз можно говорить с уверенностью:

¹⁵⁵ Mach E. *Werk und Wirkung* / hrsg. von Rudolf Haller u. Friedrich Stadler. – Wien, 1988. – S. 174.

¹⁵⁶ Джонстон У.М. Австрийский Ренессанс. Интеллектуальная и социальная история Австро-Венгрии, 1848-1938 гг. — М., 2004. — С. 297.

«Что мы ощущаем и чувствуем – вот это и есть, само собой разумеется, объективная истина. То, что мы еще додумываем, может быть истинным или ложным»¹⁵⁷.

Более того, Э. Мах считает, что ощущения необходимо описывать, но он вовсе не настаивает на примитивном анализе ощущений. В своих записных книжках Э. Мах пишет: «Ощущения разнообразны в зависимости от места и потому неоднородны. *Неоднородное не суммируется*. ...Если ощущение переходит от серого к белому, это означает, что мы ощущаем не сильнее, а *вообще по-другому*. Более сильное ощущение составляют не однородные элементы, а вообще разнородные. Но они и не суммируются»¹⁵⁸. Выходит, что, предлагая физические основания ощущений, Э. Мах не находит физику наукой, способной и достаточной для измерения любых ощущений: «...разложить более интенсивное ощущение на такие *исчисляемые* ощущения, не получается. ...Измерение и исчисление есть также точное описание, которое не распространяется на психическое. Здесь следует описывать совсем по-другому. И потому мне кажется измерение ощущения достаточно иллюзорным»¹⁵⁹.

Вероятно, что в поиске адекватного способа исчисления, распространяющегося также и на психическое ощущение, Э. Мах упоминает в своем дневнике учение о монадах Иоганна Фридриха Гербарта (1776–1841): «... однако я могу сказать, что математическая психология Гербарта все еще относится к увлекательнейшей и воодушевляющей лекции»¹⁶⁰. И.Ф. Гербарт – немецкий философ, психолог и педагог, был последователем Лейбница, он одним из первых предложил использовать математические методы в психологии. Можно предположить, что Мах имел в виду доклад под названием «О возможности и необходимости применять в психологии математику», который Гербарт прочитал 18 апреля 1822 года в Королевском немецком научном обществе. Основная идея доклада заключалась в том, что если

¹⁵⁷ Mach E. Werk und Wirkung / hrsg. von Rudolf Haller u. Friedrich Stadler. – Wien, 1988. – S. 173.

¹⁵⁸ Ibid. S. 175.

¹⁵⁹ Ibid.

¹⁶⁰ Ibid.

психология хочет быть наукой, подобно физике, то в ней нужно и можно применять математику.

Спустя два года после этого доклада И.Ф. Герbart издал книгу под названием «Психология как наука, по-новому основанная на опыте, метафизике и математике». Книга явилась первой попыткой создания психологической теории, опирающейся на тот круг явлений, которые непосредственно доступны каждому субъекту, а именно на поток представлений, сменяющих друг друга в сознании.

Эмпирических данных о характеристиках потока, полученных экспериментальным путем как в физике, тогда не существовало. Поэтому Герbart в отсутствие этих данных предложил гипотетические модели борьбы всплывающих и исчезающих в сознании представлений в виде аналитических формул, с помощью которых Герbart, манипулируя числовыми значениями параметров, пытался описать возможные характеристики смены представлений.

Э. Мах упоминает в «Анализе ощущений» имя И.Ф. Герbart наряду с Д. Юмом и Р. Авенариусом. Личные записи Э. Маха также позволяют судить об определенном влиянии Герbart на него. И.Ф. Герbart первым употребил выражение «математическая психология», и Э. Мах разделял его мысль о том, что свойства потока сознания – это величины, и, следовательно, они подлежат измерению с помощью математических методов.

Однако предложенная Э. Махом возможность описывать ощущения на основе физики и математики, для Ф. Маутнера не снимает проблему передачи ощущений, так как она позволяет их описывать только количественно, а не качественно, чтобы было точь-в-точь, попадание один-в-один, то, что называется «я чувствую тоже самое, что и ты». Можно описать ощущения, но они не будут воспроизведены, поскольку это будет математическая модель описания ощущений, а Ф. Маутнер пытался найти способ передачи ощущений с помощью языка во всей их полноте. Язык бессилен, но это не есть собственно проблема человека, это уже скорее философская проблема. Никакой язык не способен в полной мере, точно и в мельчайших подробностях передать те

ощущения, которые испытывает человек, причем любой человек и на любом языке. Ощущения уникальны, они сиюминутны. И все-таки какие-то возможности остаются. Поэтому то, о чем мы не можем говорить, мы вынуждены умолчать. Иначе говоря, можно создать какое-то языковое поле, в котором мистически человек уже в своем воображении сможет увидеть, пережить или попробует воспроизвести, как это бывает в поэзии, те чувства и переживания, которые он испытывает. Однако напрямую передать ощущение невозможно. Реальность ускользает от языка независимо от того, насколько хорошо человек им владеет. Причина кроется в самом языке, просто он так устроен.

Получается, что мышление, непосредственно связанное с языком, тоже не всегда может схватить эту реальность, именно на этом и базируется критика языка. Раз это невозможно, то нужно понять степень приближения к этой реальности, принимая во внимание полную невозможность точного описания. Поэтому нужно сделать язык максимально гибким и подвижным, для того чтобы описывать реальность, а не использовать какие-то произвольные смысловые конструкции. Ведь язык, описывая ощущения, попутно описывает то, что он производит сам, то, что происходит в процессе языкового творчества.

Критическая позиция Ф. Маутнера по отношению к языку формируется в связи с тем, что мир воспринимается как комплекс ощущений, возникает проблема описания ощущений, которую проблематизирует Ф. Маутнер. По Ф. Маутнеру, получается так, что никаким языком ощущения напрямую описать невозможно, потому что «мир как комплекс ощущений, будучи сказанным, в момент называния утрачивает первозданность»¹⁶¹. Тождественно воспроизвести свежесть восприятия другого человека средствами языка практически невозможно.

Влияние Э. Маха на Ф. Маутнера выражается главным образом в следующем. Во-первых, Э. Мах предлагает подойти с открытыми глазами, без

¹⁶¹ Черепанова Е.С. Австрийская философия как самосознание культурного региона. — Екатеринбург, 2000. — С. 240.

метафизики, к тому, что действительно ощущает человек с позиций реальной науки, а не с исходя из домыслов о том, что ощущение нереально или столь сиюминутно, что не заслуживает внимания, и поговорить об этом с позиций здравого смысла научного исследователя. Во-вторых, Э. Мах считает, что нужно использовать аналогичный подход к языку, который пытается эти ощущения описать и передать. Если язык естествознания, равно как и язык поэта, способен описать ощущения, то вопрос о том, сможет ли язык философа описать ощущение уже как предмет философского анализа, остается для Э. Маха открытым.

«Сила языка для Маутнера состоит в том, чего никто не в состоянии лишить. Она предписывает нам, что и как думать, тогда как, по Ф. Маутнеру, мышление и говорение находятся в близкой, почти идентичной связи друг с другом. Хотя позже Ф. Маутнер был вынужден, по крайней мере частично, пересмотреть эту точку зрения, всемогущество языка над нами, по его мнению, все же остается непоколебимым. Помимо языка нет никакого мышления – поэтому мышление тоже не может нам дать ключ к реальности. Мышление становится как бы «инструментом иллюзий человека»¹⁶². В вышеприведенном комментарии П. Кампица содержится ссылка на немецкую классическую философию, в которой познание, самосознание, или, грубо говоря, мышление – это центр философствования, это то, чем занята немецкая классическая философия. Ф. Маутнер исходит из того, что мышление всегда отражается в языке, и, анализируя язык, мы действительно анализируем мышление. Поэтому не нужно делать мышление предметом философствования, предметом философствования должен стать язык. Таким образом, меняется сам предмет философского анализа, потому что, конечно, помимо языка нет мышления. Само собственно мышление и процессы мышления нет смысла анализировать, анализировать надо то, как язык описывает ту реальность, которая нам дана в ощущениях или которую человек получает в представлениях, восприятиях, ощущениях.

¹⁶² Kampits P. Zwischen Schein und Wirklichkeit. Eine kleine Geschichte der österreichischen Philosophie. – Wien, 1984. – S. 109.

Особенности языка, законы языка, законы говорения, представленные в языке, – вот это и есть предмет философии. Несмотря на то, что Ф. Маутнер в своей критике языка использовал многие примеры из сочинений Э. Маха, он обнаруживает при всем личном уважении к нему определенные содержательные отличия – к примеру, в вопросе о соотношении языка и мышления. Если Э. Мах в соответствии с традиционными представлениями считает язык средством передачи мыслей, то, по Ф. Маутнеру, «нет мышления без речи, т.е. без слов. Или точнее: мышления, собственно, и нет, есть только речь. Мышление есть не что иное, как речь, с точки зрения его меновой стоимости». И «так как наше мышление лишь речь, во всякой науке мы крутимся вокруг описаний, не доходя до объяснений». Речь, или язык, по сути дела не средство понимания мира, ценность не истинная, а «только мнимая, подобно правилу игры, которое тем принудительнее, чем большее количество игроков ему следует, но которое не способствует ни изменению, ни пониманию мира»¹⁶³.

Ф. Маутнер придает большое значение связи между языком и памятью: язык удерживает чувственные впечатления и сохраняет их в памяти, т.е. по сути дела, язык не что иное, как память. Для более точного объяснения памяти как хранителя чувственных впечатлений Маутнер пользуется понятием «случайных ощущений», к которым также призывает теория ощущений Э. Маха. «Наше познание мира представляет собой не что иное, как упорядоченную сумму того, что попало в наше мышление и речь посредством наших случайных органов чувств»¹⁶⁴. В действительности мир и наши ощущения не соответствуют друг другу ни при каких обстоятельствах; генетически последние образовались из необходимости выживания, без того, чтобы они способны передать нам какое-нибудь познание о «собственно» реальности.

Э. Мах повлиял на Ф. Маутнера актуализацией ощущений как истины, как реальности и отказом абстрактным понятиям в факте реальности. Учитывая, что в эпоху Э. Маха и Ф. Маутнера философия Канта была доминирующей, Э. Мах

¹⁶³ Нири К. Философская мысль в Австро-Венгрии. — М., 1987. — С. 91.

¹⁶⁴ Mauthner F. Beiträge zu einer Kritik der Sprache. Bd. 2: Zur Sprachwissenschaft. - Frankfurt a. M., Berlin; Wien, 1982. — S. 396.

в соответствии с австрийской традицией убеждает Маутнера, что кантовское видение мира неверно. Философия И. Канта выступает объектом критики Э. Маха, причем весьма продуктивной критики: физик Э. Мах опровергает И. Канта лучше, чем любой другой философ, ведь физик имеет дело с реальностью, с действительным экспериментом, он не допускает никаких пространственных рассуждений. Поэтому в австрийском мироощущении Э. Мах выступает победителем И. Канта благодаря своему позитивному настрою и отказу в необходимости «вещи-в-себе».

Так как «философия И. Канта (как символ высоты германского духа) всегда в рамках австрийской традиции являлась объектом неперемennого улучшения и усовершенствования или, по меньшей мере, объектом явной критики, то кантовская схема познания становится исходной точкой для критического рассуждения Ф.Маутнера»¹⁶⁵. Ф. Маутнер подвергает сомнению принцип разделения мира на мир вещей-в-себе и мир вещей-для-нас. По-настоящему верный способ познания он видит в опыте, который выражается в языке. «С помощью языка мы всегда можем исследовать только то, что так называемые вещи есть для человека. Мы не обладаем совершенным языковым средством, чтобы описать то, чем могут быть эти вещи сами по себе»¹⁶⁶.

Вслед за Махом (и Ницше) Маутнер подвергает резкой критике традиционное понятие *Я* как субстантивированное слово, ставшее фетишем в немецкой классической философии. Э. Мах категоричен в отношении *Я*, считая его безнадежным, поскольку «в *Я* не выражается и не воплощается узел представлений и волений живого человека, *Я* не фиксирует его “мир как представление”»¹⁶⁷. Ф. Маутнер, аналогично Э. Маху, определяет *Я* в качестве заблуждения языка, он приходит к другому, куда более радикальному выводу: если мир понятий не может воспроизвести или отобразить реальность, тогда он

¹⁶⁵ Черепанова Е.С. Австрийская философия как самосознание культурного региона. — Екатеринбург, 2000. — С. 239.

¹⁶⁶ Там же. С. 239.

¹⁶⁷ Там же. С. 241.

вообще не пригоден в принципе для познания. Тогда все знания, которые хранятся в языке, есть лишь кажущееся распознавание действительности.

Если для Э. Маха освобождение от *Я* означает полное уничтожение и распад в движении между психическим и физическим, содержащими общие элементы, то Маутнер находит для *Я* как философской категории место в особом «субстантивном мире». Он пишет: «*Я*, которое принадлежит субстантивному миру, оказывается в адъективном и вербальном мире... как представитель высоко субстантивной личности, как носитель адъективных ощущений и вербальных деятельностей»¹⁶⁸.

По Ф. Маутнеру, языковые знаки обозначают не конкретные вещи, а их свойства, процессы, состояния и взаимоотношения. Придерживаясь номиналистической точки зрения, Ф. Маутнер считает, что язык отражает не действительную структуру мира, а систему представлений о нем, в основе которой три когнитивные категории – существительное, прилагательное и глагол, соответствующие трем образам мира – «субстантивному», «адъективному» и «вербальному», которые Ф. Маутнер позже назовет «картинами мира»¹⁶⁹.

Необходимо подчеркнуть, что разделение мира на три образа по аналогии с тремя грамматическими категориями определенных языков является лишь символическим, «следует остерегаться связывать их напрямую с грамматическими категориями прилагательного, глагола и существительного»¹⁷⁰. Разделив мир на три категории, или картины, Маутнер вовсе не заявляет тем самым, что «существует некая универсальная грамматика», он имеет в виду, что «в каждом языке восприятие чувств и ощущения, становление, изменение и целенаправленное действие, причины-следствия и 'вещи' и 'субстанции' могут отображаться метафорически как основные опыты человека и что это отображение может, но не должно принять

¹⁶⁸ Цит. По: Черепанова Е.С. Австрийская философия как самосознание культурного региона. — Екатеринбург, 2000. — С. 241.

¹⁶⁹ Соболева М.Е. Философия как «критика языка» в Германии = Philosophie als „Sprachkritik“ in Deutschland. — СПб., 2005. — С. 85.

¹⁷⁰ Leinfellner E. Die böse Sprache: Fritz Mauthner und das Problem der Sprachkritik und ihrer Rechtfertigung // Fritz Mauthner : das Werk eines kritischen Denkers. – Wien, 1995. – S. 71.

категориальные грамматические формы прилагательных, глаголов и существительных»¹⁷¹. Три когнитивные категории адъективного, вербального и субстантивного выступают не в качестве априорных категорий языка, а как своего рода когнитивные предпосылки любого языка, даже если они в различных языках проявляют себя по-разному.

Каждой картине мира соответствует также свой образ философствования. Субстантивному миру соответствует немецкая классическая философия, адъективному миру – классический английский эмпиризм (сенсуализм). Вербальный мир отражает философия действия, которая нашла наиболее яркое воплощение в философии Ницше. Это три языковые картины мира, это тот язык, на котором говорит эта философская система, философское видение. Если философствовать в традициях немецкой метафизики, то повседневные действия людей то, что они любят, во что верят, будут представлены в виде трансцендентальных существительных – любовь, вера. Философствовать по-английски означает описывать реальность такой, какая она есть, как можно ближе к этой реальности. А вот философия с позиции глагола предлагает действовать.

Итак, первый мир – «адъективный мир». Он отражает мир качеств, описываемых прилагательными ощущений, эмоций, это мир «непосредственного чувственного восприятия, мир отрывочных впечатлений, который генетически первичен по отношению к субстантивному и вербальному мирам»¹⁷². По Маутнеру, это единственно реальный мир, поскольку именно этот мир «человек яснее всего осознает как реальность, результат его опыта»¹⁷³. В нем господствуют прилагательные, ведь только с их помощью можно описать ощущения, данные человеку в опыте. Ф. Маутнер пишет: «Адъективный мир можно сравнить с художественными средствами, используемыми в

¹⁷¹ Leinfellner E. Die böse Sprache: Fritz Mauthner und das Problem der Sprachkritik und ihrer Rechtfertigung // Fritz Mauthner : das Werk eines kritischen Denkers. – Wien, 1995. – S. 72.

¹⁷² Соболева М.Е. Философия как «критика языка» в Германии = Philosophie als „Sprachkritik“ in Deutschland. — СПб., 2005. — С. 85.

¹⁷³ Черепанова Е.С. Австрийская философия как самосознание культурного региона. — Екатеринбург, 2000. — С. 242.

импрессионистической живописи, с пуантилизмом: сами по себе точки ничто, только разного цвета, однако эти же точки в рисунке обретают совсем другой смысл»¹⁷⁴.

«Адъективная» картина мира находит свое отражение в разговорной речи и описании материальных предметов, чувственных выражений и действий. Этот мир очень хрупок и подвижен в связи с тем, что «ощущения и впечатления, отраженные в словах, при условии повторения опыта и при стремлении человека к абстрагированию постепенно перетекают в существительные или трансформируются в глаголы»¹⁷⁵. Однако Ф. Маутнер видит в этом главное достоинство адъективного мира, потому что он в наибольшей мере опирается на чувственный опыт и, как никакой другой мир, сталкивается с невозможностью точного описания ощущений средствами языка.

«Субстантивный мир» соответствует метафизическим потребностям человека, он образуется посредством «удвоения» языком адъективного мира за счет субстантивирования прилагательных, описывающих чувственные ощущения. Это статичный мир пространства и бытия, все явления в котором суть символы принципиально непознаваемого. Субстантивный мир описывает мифологический мир, мир метафизики, богов и духов, и, в конечном итоге, он и есть «субстантивный иллюзорный мир мистики»¹⁷⁶, в котором исчезают ощущение времени и восприятия.

По мнению Е.С. Черепановой, Ф. Маутнер связывает немецкий идеализм с особенностями немецкого языка, «который навязывает говорящему “удобные” суффиксы для превращения прилагательных в существительные, отчего элементарные чувства и ощущения обретают высоту категории, отчего так и просятся стать системой. Эта особенность приводит к тому, что философу волей-неволей приходится следовать логике родного языка, и в этом

¹⁷⁴ Mauthner F. Sprache und Leben. - Salzburg; Wien, 1986. - S. 193.

¹⁷⁵ Черепанова Е.С. Австрийская философия как самосознание культурного региона. — Екатеринбург, 2000. — С. 242.

¹⁷⁶ Leinfellner E. Die böse Sprache: Fritz Mauthner und das Problem der Sprachkritik und ihrer Rechtfertigung // Fritz Mauthner : das Werk eines kritischen Denkers. – Wien, 1995. – S. 72.

проявляется тайная власть слов»¹⁷⁷. Опасность заключается в том, что власть языка, обусловленная субстантивным миром, начинает определять «великие цели» целого народа, приводит к идее всемирного движения ко всемирной цели, обесценивая таким образом мир ощущений или состояний, в результате чего обесценивается сама жизнь.

В третьем, «вербальном», мире царят движение, становление и изменение, язык вербального мира – это язык объяснения. «Вербальный мир» представляет собой мир причинности, целей, намерений, желаний и действий. Он упорядочивает адъективный мир, связывая между собой отдельные чувственные ощущения. В отличие от свойственного адъективному миру пассивному восприятию действительности, вербальный мир руководствуется волей, всем рассуждениям он предпочитает действие.

Все три языковые картины мира тесно взаимосвязаны. Адъективному миру соответствует мир опыта, субстантивному – мир бытия, а вербальному – мир становления. Все три мира представляют собой различные картины одной и той же действительности, которые образуются в зависимости от того, на что направлено внимание познающего субъекта. Однако «ни один из этих представленных языковых миров не может претендовать на истину, так как каждый описывает действительность однообразно и не обладает полнотой выражения»¹⁷⁸. Цель их взаимодействия заключается в наиболее полной передаче «представления о целом и единстве мира»¹⁷⁹.

Ф. Маутнер придает сфере ощущений еще большее значение, чем Э. Мах. Он считает, что человек, являясь живым существом, в любом случае обладает неким набором эволюционных достижений или ощущений, которые в нем присутствуют наряду со словами. Опыт ощущений позволяет живому существу существовать совершенно спокойно независимо от того, есть язык или нет. Тем самым Ф. Маутнер как бы повышает статус ощущений именно за счет того, что

¹⁷⁷ Черепанова Е.С. Австрийская философия как самосознание культурного региона. — Екатеринбург, 2000. — С. 244.

¹⁷⁸ Там же. С. 246.

¹⁷⁹ Там же.

он логично предполагает, что ощущения отвечают за очень большую сферу человеческой жизнедеятельности, т.е. выживания как организмов. В результате статус ощущений и их деятельность повышается, обретая некую рассудочность, но не воплощенную в словесном языке, а представленную как реактивное отношение к действительности, за счет чего возникают образы страха, свободы, ощущения безопасности, тревоги и прочего, то, что не вербализировано, т.е. не выражено в словах. Ценность ощущений трудно переоценить, ведь это эволюционные достижения, позволяющие человеку выживать, и без этого человек не сможет жить. Но затем сразу происходит какой-то рывок, и становится непонятно, как эти образы описывать. А каким образом происходит вербализация? Как эти образы получают свои имена? В результате некоего договора, люди договариваются, как назвать этот комплекс ощущений. Вот это имеет в виду Ф. Маутнер, когда говорит об игре слов и ее правилах.

Ф. Маутнер различает две формы мышления: разум и рассудок, которые существенно отличаются друг от друга. Рассудок связан с инстинктивной деятельностью организма, такой как, например, дыхание, определяемое как «огромная сумма всех рефлексивных движений, которые наблюдаются у низших животных»¹⁸⁰. Рассудок помогает организму приспособиться к окружающей среде благодаря деятельности органов чувств и служит для интерпретации предоставляемого ими материала. «Простейшее зрение, слышание и т.п. являются, как нам теперь известно, работой рассудка, истолкованием раздражений, которые только благодаря рассудку становятся ощущениями»¹⁸¹.

При этом мыслительную деятельность рассудка отличает то, что она может протекать без языка и нуждается в нем только с целью выражения результатов. «Доязыковое мышление есть наблюдение, постепенный сбор подобных черт, внимание, тренировка памяти, которая продолжается до тех пор, пока новое

¹⁸⁰ Соболева М.Е. Философия как «критика языка» в Германии = Philosophie als „Sprachkritik“ in Deutschland. — СПб., 2005. — С. 81.

¹⁸¹ Mauthner F. Beiträge zu einer Kritik der Sprache. Bd. 1: Zur Sprache und zur Psychologie. - Frankfurt a. M., Berlin; Wien, 1982. – S. 181.

знакомство не сделает необходимым закрепить его в знаке»¹⁸². При выполнении своих функций рассудок способен обходиться без языка, поскольку «эти виды деятельности рассудка бесконечно тренировались с момента существования организмов на земле и благодаря этому стали автоматическими»¹⁸³.

Разум, по Маутнеру, представляет собой «так называемое утверждение или заключение посредством понятий, игру слов, так называемое мышление»¹⁸⁴. Разумное познание всегда оказывается обусловлено языком, так как развивается на основе запечатленных в нем воспоминаний. Предложив обусловленный языком разум, Ф. Маутнер вступает в прямую полемику с теорией «чистого разума» И. Канта. В отличие от «чистого разума» И. Канта, разум по Ф. Маутнеру не является универсальным, он всегда связан с чувственным опытом – конкретным и особенным.

«Язык как разум никогда не соответствует действительности, как в отдельных речевых и мыслительных актах. Язык и разум среди людей есть социальные явления, являются одним и тем же социальным явлением, что и обычай. Ну разве что: что-то типа правила игры. Мы так мало знаем о сверхчеловеческом философском языке, так мало знаем – если мы оставим попытки мистики – о чистом разуме. Критика разума должна стать критикой языка. Всякая критическая философия есть критика языка»¹⁸⁵.

Главное отличие разума от рассудка заключается в том, что рассудок, по Ф. Маутнеру, не выражает суждение. По сути, Ф. Маутнер пересматривает сложившуюся философскую традицию. В классической философской традиции на протяжении практически всего Нового времени выделяются три познавательных способности: во-первых, ощущения или чувства, под которыми подразумеваются способности видеть, слышать, воспринимать органами чувств; во-вторых, рассудок, с деятельностью которого, как правило, в классической

¹⁸² Mauthner F. Beiträge zu einer Kritik der Sprache. Bd. 1: Zur Sprache und zur Psychologie. - Frankfurt a. M., Berlin; Wien, 1982. – S. 217.

¹⁸³ Ibid. S. 181.

¹⁸⁴ Ibid. S. 649.

¹⁸⁵ Цит. по: Mach E. Werk und Wirkung / hrsg. von Rudolf Haller u. Friedrich Stadler. – Wien, 1988. – S. 47.

европейской традиции связывалась со способностью к суждениям; и, в-третьих, разум.

Когда Декарт или Локк писали о рассудке, то речь шла именно о способности нашего мышления анализировать поступившую от органов чувств информацию, суммировать ее принципом ассоциаций, сложения, соединения, как-то классифицировать полученные образы и высказывать по этому поводу суждения, причем суждения однозначные. Если говорить о разуме, то в традициях рационализма истины уже даны нашему разуму, они явлены в виде каких-то определенных врожденных идей. Либо это такая способность разума, которая позволяет ему, например, в случае эмпирической традиции, на основании ощущений, ассоциаций, абстракций производить уже какие-то более сложные идеи, которые не даны непосредственно. Примером могут служить идеи формы, движения, субстанции, об атрибутах, модусах и прочие, которые напрямую с непосредственным чувственным опытом ощущений не связаны. Деятельность рефлексии отчасти осуществляется в сфере рассудка, но в основном в сфере разума. Кант заявляет еще категоричнее: именно разум отвечает за рассуждения о возможном опыте, не только о том опыте, который человек имеет реально, но и о том, который может быть теоретическим. Таким образом, разум может поставить вопрос о бесконечности мира, о бессмертии души и так далее, поэтому разум чаще всего имеет дело с антиномиями.

В своей критике языка Ф. Маутнер совершенно неожиданно существенно снижает статус рассудка. Он полагает, что это та интеллектуальная способность, которая присуща еще и животным, позволяющая им на основании ощущений делать какие-то ассоциации, вырабатывать какие-то нерефлексивные образы или дорефлексивные образы, такие как, например, образ безопасности. Согласно Ф. Маутнеру, разум связан с суждением, с той способностью к суждению, которую европейская традиция чаще всего связывает как раз с деятельностью рассудка, обеспечивающей однозначные простые суждения. Здесь обнаруживается очевидное отличие философской системы Ф. Маутнера от классической философской традиции. Ф. Маутнер уже изначально

полемизирует с классической традицией теории познания. Он категорически связывает язык и мышление, а рассудок понижает в статусе, который, по сути, является не первичным ощущением, а набором неких ощущений, сложившихся в образы, которые принято назвать впечатлениями, восприятием, на основании этих впечатлений и восприятий формируются некие представления, нерелексивные, неопиcуемые, не данные рационально.

Связь языка с опытом наделает его чувственностью и антропоморфностью, поэтому язык не в состоянии точно описать внешний мир, который, по Ф. Маутнеру, становится принципиально непознаваемым. «Наш образ мира субъективен, начиная с самой нижней своей ступени, на которой ощущения, вплоть до тончайших абстракций мышления, можно передать с помощью языка лишь метафорически»¹⁸⁶.

Возможность познания мира ограничивается, прежде всего, чувственностью человека, информация о котором поступает ему через органы чувств, искажающие действительность при ее отображении в языке. Ф. Маутнер приходит к выводу о том, что «бесконечно изменчивая действительность может дойти до нас через узкие ворота наших случайных органов чувств, а все, что не может пройти через эти ворота, должно оставаться снаружи. Мы вынуждены ориентироваться в нашем окружении, используя наши пять или шесть случайных органов чувств»¹⁸⁷. Таким образом, человек способен к восприятию лишь ограниченного его органами чувств фрагмента действительности.

В языке чувственные ощущения преобразуются в артикулированные звуки, наделенные значением. «Язык, по сути, осуществляет перевод из одной группы органов чувств в другую, – пишет Ф. Маутнер, – и уже, поэтому ясно, что человек с помощью языка не способен выразить или описать непосредственное

¹⁸⁶ Mauthner F. Beiträge zu einer Kritik der Sprache. Bd. 1: Zur Sprache und zur Psychologie. - Frankfurt a. M., Berlin; Wien, 1982. –S. 416.

¹⁸⁷ Ibid. S. 35.

ощущение»¹⁸⁸. Следовательно, Ф. Маутнер приходит к заключению, что мир явлений можно сконструировать лишь с помощью метафор.

Таким образом, лингвокритическая теория Маутнера возникла и развивалась с позиций естественнонаучной и исторической критики языка, и в этом она обнаруживает сходство с маховской методологией естествознания. В конечном итоге Ф. Маутнер приходит к теоретико-познавательному скептицизму и агностической мистике, которая завершается идеей о том, что, для того чтобы рассуждать о трансцендентальном, философия должна быть представлена в форме художественного текста.

Э. Мах потряс Ф. Маутнера тем, что обосновал возможность рассматривать ощущения не только как субъективное мнение или нечто сиюминутное, но и как то, что измеряется и физически описывается. Э. Мах проблематизирует именно вопрос, связанный с реальностью, и это вопрос реальности наших ощущений, что они реальны, они есть и они значимы для познания. По Э. Маху, ощущения можно и нужно принимать во внимание, поскольку они являются частью нашего познания, и философии придется описывать ощущения, при этом прекрасно понимая, что язык даже и эту реальность описывает очень плохо.

Э. Мах повлиял на Ф. Маутнера самой постановкой проблемы, тем, что физик ставит вопрос о той сфере, которая в философии считается несущественной, неважной. Будь влияние Э. Маха тотальным, не было бы мистики Ф. Маутнера, ведь с точки зрения позитивной науки все просто: реально то, что мы ощущаем, вот мы и будем описывать ощущения. Э. Мах своеобразно устраняет тот философский разлад, который существует в представлении Ф. Маутнера.

Критика языка Ф. Маутнера стала попыткой по-новому осмыслить отношение языка и действительности. Ф. Маутнер не оставляет никакой возможности достичь осознанного отношения к действительности посредством языка. Действительность можно только переживать, в полной мере постичь

¹⁸⁸ Mauthner F. Beiträge zu einer Kritik der Sprache. Bd. 2: Zur Sprachwissenschaft. - Frankfurt a. M., Berlin; Wien, 1982. – S. 659.

опытным путем, но это невозможно осуществить в языке. Мы остаемся узниками языка, без какого-либо шанса его преодолеть. В соответствии с австрийской традицией философствования язык снова и снова остается вечной неразрешимой проблемой философии.

2.2 Диалог философского и художественного импрессионизма

Конец XIX – начало XX веков был сложным этапом развития австро-венгерской истории. Страна переживала кризисное состояние в предчувствии распада империи. В культуре осваивалось понимание необходимости формирования в регионе собственной идентичности. Неудивительно, что именно в этот период литература и философия были неразрывно связаны, прежде всего потому, что в литературе ставились и задавались вопросы, а философия воспринималась как методология в вопросах художественности.

Настоящее исследование было бы неполным без анализа того влияния, которое Э. Мах оказывал на литературные произведения и на философско-литературные произведения в этот период истории Австрии. По замечанию К.Э. Шорске, в отличие от таких крупных европейских духовных центров, как например, Париж, Берлин или Лондон, в которых ученые, писатели и журналисты почти не пересекались и далеко не всегда были друг с другом знакомы, венская культурная элита отличалась высокой сплоченностью и социальной замкнутостью. Он пишет: «Салон или кафе сохраняли свое жизненное назначение как заведение, где разного рода интеллигенты делились друг с другом представлениями о ценностях и идеями, продолжая смешиваться также с деловой и профессиональной элитой, гордящейся своей широкой образованностью и художественной культурой»¹⁸⁹.

Как отмечает А.И. Жеребин, «австрийская культура конца XIX века создавалась довольно узким кругом людей, связанных не только интеллектуальными, но нередко и личными отношениями»¹⁹⁰. Вена сравнительно небольшой город, поэтому представители интеллектуальной элиты неизбежно пересекались друг с другом на различных мероприятиях, многие учились у Э. Маха, посещали его невероятно популярные лекции по физике и естествознанию в Венском университете и если не читали, то, по

¹⁸⁹ Шорске К.Э. Вена на рубеже веков: политика и культура. – СПб., 2001. — С. 20.

¹⁹⁰ Жеребин А.И. Вертикальная линия. Философская проза Австрии в русской перспективе. — СПб., 2004. — С. 133.

меньшей мере слышали о нашумевшем в то время «Анализе ощущений» Э. Маха.

Произведения Э. Маха читали и интерпретировали, сам Э. Мах в свою очередь читал и знакомился с современным ему литературным творчеством, все происходило в одно время и в одном месте. Ф. Штадлер пишет: «Эрнст Мах повлиял не только на эмпирическую, по большей части антиметафизически ориентированную науку, но и на всю духовно-культурную жизнь либеральной буржуазии кайзеровской и королевской монархии особым образом... В его лице ярко проявляется повышенная интенсивность внутреннего общения Венской культуры, благодаря которому частично обретает самостоятельность и выделяется из социального контекста триада наука–литература–искусство»¹⁹¹. Эту же мысль подтверждают С. Тулмин и А. Яник: «Немногие из ученых столь же значительно повлияли на культуру своего времени, как это сделал Эрнст Мах. От литературы до философии права, от философии до социальной теории его влияние распространилось повсеместно как в Австрии, так и за ее пределами»¹⁹².

В настоящем параграфе хотелось бы обратить внимание на прямые эксперименты в сфере литературы с принципами и философскими концептами, которые позиционирует Мах, поскольку в литературе они получили дальнейшее продолжение, а в философии повлияли, к примеру, на З. Фрейда. Чтобы продемонстрировать влияние Э. Маха и всего масштаба его влияния наиболее оптимальным образом, мы построим данный параграф по принципу диалога философского и художественного импрессионизма. В самом начале настоящей главы мы определили, что понимается под философским импрессионизмом, в этом параграфе хотелось бы показать, как философский импрессионизм включался в те художественные процессы, которые совершенно изменили

¹⁹¹ Stadler F. Vom Positivismus zur "Wissenschaftlichen Weltauffassung": Am Beispiel der Wirkungsgeschichte v. Ernst Mach in Österreich von 1895 bis 1934. – Wien ; München, 1982. – S. 47.

¹⁹² Janik A., Toulmin S. Wittgenstein's Vienna // A Touchstone Book. – Simon and Schuster, 1973. – P. 133.

содержание и направленность литературных и художественных поисков, происходивших в Австро-Венгрии в этот период времени.

Специфика австрийской культуры выражалась, прежде всего, в том, что импрессионизм получил в Австрии не только художественную поддержку, но и философское обоснование. Хотя это направление было широко представлено в разных жанрах искусства, но наиболее яркое воплощение австрийский вариант импрессионизма получил главным образом в литературе, причем популяризатором идей импрессионизма выступил критик, писатель и драматург Герман Бар. Он познакомился с импрессионистической живописью и поэтами символизма и декаданса во время своего пребывания в Париже в конце восьмидесятых годов XIX века. Считая себя тем, «кто постоянно создает все новые модные духовные течения, разумеется, пока они еще неизвестны моде»¹⁹³, Г. Бар раскрывает свое понимание термина «импрессионизм» в 1903 году на примере изобразительного искусства и пытается обосновать его философски с помощью Э. Маха в связи с его книгой «Анализ ощущений».

Вернувшись из Франции, Г. Бар под влиянием своих парижских впечатлений был увлечен идеей создать в Вене «новую литературу». На волне духовной и творческой эйфории конца XIX века австрийские литераторы объединились вокруг него в группу, которую понимали как представление нового искусства и новой культуры. Новое объединение получило название «Молодая Вена», а местом встречи литераторов стало венское кафе «Гринштайдль». В 1897 году кафе «Гринштайдль» закрыли на ремонт, и представители «Молодой Вены» обосновались в расположенном неподалеку кафе «Централь», знаменитом еще и тем, что в нем любили бывать З. Фрейд и Л. Троцкий.

Находясь в постоянном поиске нового, Г. Бар, своего рода посредник между Веной и миром искусства на международном уровне, был центральной фигурой так называемой «парящей элиты». Данный термин не является универсальным и

¹⁹³ Die Wiener Moderne: Ergebnisse eines Forschungsgespräches der Arbeitsgemeinschaft Wien um 1900 zum Thema "Aktualität und Moderne". – Wien; München, 1990. – S. 98.

общепринятым и требует пояснения. Дело в том, что писатели и поэты «Молодой Венны» были выходцами из богатых семей, получившими прекрасное образование, говорившими на многих иностранных языках, но, с точки зрения обывателей, не имевших определенного рода занятий. Они собирались в кафе и могли провести в нем целый день, что-нибудь писать или ничего не писать, читать газеты, часами спорить и вести разговоры об искусстве и литературе. Поэтому в термине «парящая элита» можно уловить намек на легкомысленность литераторов – завсегдатаев кафе, этой «опытной станции, готовящей конец света»¹⁹⁴, по выражению Карла Крауса.

По признанию Г. Бара, он «зачитывался» «Анализом ощущений» и его поразило, что эта книга настолько точно отражает жизнеощущение и миропонимание всего современного ему поколения. Он писал: «В ней (книге) исчезают все перегородки, физическое и психологическое сливаются, элемент и ощущение предстают единым целым, Я растворяется и все оказывается лишь вечным потоком... Наконец-то стало очевидностью все то, что мы давно уже туманно предчувствовали»¹⁹⁵. В связи с тем, что Мах проблематизировал тему ощущений и поставил вопрос, каким языком их описывать, Г. Бар и заговорил о «философии импрессионизма» Э. Маха.

А.И. Жеребин, будучи филологом, полагает, что сам текст «Анализа ощущений» тяготеет к художественной прозе. Он пишет: «Физика хочет стать беллетристикой, философия естествознания наклоняется в сторону художественной прозы»¹⁹⁶. По мнению А. И. Жеребина, влияние Э. Маха определялось прежде всего тем, что он написал практически художественное произведение, и поэтому он был воспринят литераторами.

Как литературовед, Жеребин, конечно, в первую очередь, видит влияние текста, следовательно, стилистики языка. Однако стоит подчеркнуть, что Э. Мах вовсе не стремился к совершенству языка и задача его как раз заключалась в

¹⁹⁴ Вааль Э. де. Заяц с янтарными глазами. Скрытое наследие. – М., 2013. – С. 353.

¹⁹⁵ Bahr H. Kritische Schriften in Einzelausgaben // Hermann Bahr Essays. – Herausgegeben von Claus Pias. VDG Weimar, 2011. – S. 45.

¹⁹⁶ Жеребин А.И. Вертикальная линия. Философская проза Австрии в русской перспективе. — СПб., 2004. — С. 131.

том, чтобы сделать язык предельно «позитивным», даже «позитивистским», чтобы предотвратить все возможные метафоры, преувеличения и все возможности непродуктивного использования каких-либо терминов, которые могли бы выглядеть в качестве эпитета или какого-то другого элемента художественного стиля. На наш взгляд не представляется возможным связывать популярность «Анализа ощущений» только с тем, что книга была написана доступным языком художественной прозы. В целом, хотелось бы также добавить, что большинство австрийских философов, как правило, за редким исключением, например, Ф. Brentano, старались писать достаточно популярным языком и работали как раз над тем, чтобы язык философского текста по возможности не выглядел философским и не мог быть отнесен к немецкому идеализму, представители которого создавали трудные для чтения тексты. Уже по этому признаку философов можно было отнести к немецкому идеализму.

Но не подлежит сомнению тот факт, что литераторы должны были воспринять философские работы Маха, написанные образным языком. По мнению Э. Маха, научному языку терминов, математических формул и логических умозаключений придается чрезмерно высокое значение, тогда как главная задача естествознания сводится к максимально полному и выразительному описанию чувственно воспринимаемых фактов. Он пишет: «По отношению к физике, например, можно было придерживаться того взгляда, что она сводится не столько к изображению фактов чувственного мира, сколько к атомам, силам и законам, составляющим до известной степени ядро этих фактов. Но беспристрастное и непринужденное размышление учит нас, что всякая практическая и интеллектуальная потребность удовлетворена, раз наши идеи вполне воспроизводят факты чувственного мира. Это воспроизведение и есть задача и цель физики, а атомы, силы и законы суть лишь средства, облегчающие нам это воспроизведение»¹⁹⁷.

¹⁹⁷ Мах Э. Анализ ощущений и отношение физического к психическому. – М., 2005. – С. 263.

Напомним, что Э. Мах был физиком, и задача его труда заключалась в оказании влияния на мировоззренческие основания физики и решении философских вопросов. Простоты языка было бы явно недостаточно, чтобы оказать такое существенное мировоззренческое влияние, настолько сильное, что позволяет К. Нири видеть в философии Э. Маха философский импрессионизм, определивший импрессионизм художественный.

Причина популярности философского произведения в литературных кругах Вены представляется несколько сложнее исходя из оснований культуры, специфики и особенностей австрийской философской традиции на рубеже веков. Парадокс влияния практически позитивистской и естественнонаучной работы Э. Маха заключается не в стиле этого произведения, а в его содержании. «Анализ ощущений» был созвучен антикантианскому настрою и соответствовал духу австрийской культуры, которые тонко чувствовали и остро переживали как особенность своей культуры все писатели. Так, антикантианскую критику можно проиллюстрировать на примере цитаты из известного очерка С. Цвейга, посвященного Ф. Гельдерлину: «Кант, по моему глубокому убеждению, связал по рукам и ногам чистое творчество классической эпохи, подавил его конструктивным мастерством своего мышления и, толкнув художников на путь эстетического критицизма», нанес неизмеримый ущерб радостно-чувственному восприятию мира, свободному полету воображения»¹⁹⁸.

Диалог философского и литературного импрессионизма имеет смысл рассмотреть на примере влияния философии Э. Маха на такие яркие фигуры в истории австрийской литературы как литературный критик и драматург Герман Бар, поэт Гуго фон Гофмансталь, писатели Роберт Музиль, Артур Шницлер и Петер Альтенберг.

Семьи Э. Маха и А. Шницлера поддерживали дружеские отношения в течение всей жизни. Р. Музиль много лет занимался изучением трудов Э. Маха и защитил в Берлине докторскую диссертацию по его философии. Р. Музиль бросил многообещающую карьеру в философии и отказался от академических

¹⁹⁸ Цвейг С. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 6. — М., 1963. — С. 138.

должностей в Мюнхене и Берлине. Имея научную степень по философии, Музиль решил, что фундаментальные проблемы, поднятые в философии, психологии и современной логике, являются попросту неразрешимыми. Поэтому он перестал ими заниматься ради литературы.

Молодой Г. Гофмансталь, как и О. Вейнингер, посещал лекции Э. Маха. Как и многие венские эстеты, Г. Гофмансталь нашел в теории познания Э. Маха полное подтверждение своего поэтического опыта. Мах утверждал, что «мир состоит только из наших ощущений, поэтому мы можем знать только о наших ощущениях». Мах критиковал физику за неудовлетворительный метод изучения этих ощущений с помощью математики. «Гофмансталь, как и его современник Герман Брох, настолько признавал влияние Маха, что посещал его лекции в университете. Гофмансталь, Бару и прочим казалось, что если Мах был прав, то поэт способен куда точнее выразить «реальность», нежели чем ученый. Ученый стоит как бы в отдалении от ощущений, поскольку он описывает их невербальным способом, с помощью математики. Поэт же берет на себя смелость выразить свои ощущения напрямую, максимально тщательно и точно»¹⁹⁹.

Таким образом, мы предлагаем рассмотреть три ключевых концепта философии Э. Маха во взаимодействии и взаимовлиянии на художественные тексты этих австрийских писателей. Идеи Э. Маха были неразрывно связаны с их художественным воплощением. Поэтому К. Нири, а вслед за ним Р. Халлер, Ф. Штадлер и ряд других исследователей применяют термин «импрессионизм» и к философии, к философской критике ощущений, подразумевая тем самым, что первичными являются ощущения, и не пользуясь традиционным, устоявшимся в философии понятием «сенсуализм». «Философский импрессионизм» подчеркивает онтологическое содержание, т.е. это характеристика не только того, как познает человек, а того, что вообще есть *реальность*. Сенсуализм утверждает, что первичным является ощущение, при этом критерием истины выступает опыт наших ощущений. Если же

¹⁹⁹ Janik A., Toulmin S. Wittgenstein's Vienna // A Touchstone Book. – Simon and Schuster, 1973. – P. 113.

философская теория описывается как философский импрессионизм, то таким образом на первый план выходит не гносеологическая, а, скорее, онтологическая составляющая, так как речь идет о том, что такое реальность.

Так как реальность составляют ощущения, то Э. Мах подробно не описывает ощущения, он описывает их как элементы на примере того, что есть красное или зеленое, постоянно указывая на сложность их описания и предлагая измерить их количественно. Литература как раз и задалась вопросом о том, каким образом можно передать ощущения силами языка. Если средствами живописи можно передать ощущения, то можно ли передать ощущение цвета, света или звука как комплексное ощущение средствами языка? И это вопрос, который одинаково актуален как для науки – естествознания, так и для литературы, для которой концепт Э. Маха – реальность как комплекс ощущений – становится художественным принципом. Так в австрийской литературе начинаются эксперименты.

Г. Бар утверждал, что «вся история живописи есть история видения. Техника меняется лишь тогда, когда меняется видение... Видение, однако, меняется вместе с отношением человека к миру. Как человек относится к миру, так он его и видит. Поэтому вся история живописи одновременно является и историей философии»²⁰⁰. В изданном в 1904 году сборнике эссе «Диалог о трагическом» Г. Бар впервые дает определение философии Э. Маха как «философии импрессионизма», в которой отражается мироощущение модерна в Вене на рубеже XIX–XX веков. Так, с легкой руки Г. Бара символом культурно-исторической интерпретации «Венского модерна» стал синтез позитивизма и импрессионизма, на первый взгляд кажущийся столь специфическим и странным, в котором соединились позитивистские базовые установки с импрессионистическим мироощущением. По мнению П. Кампица, «Эрнст Мах, выразивший философские основания импрессионизма в искусстве и литературе на рубеже веков, не был уличен в почти что субъективном идеализме, равно как

²⁰⁰ Bahr H. Expressionismus. – München, 1916. - S. 56.

и в одержимом фактами позитивизме»²⁰¹, поскольку он исходил из того, что чувства никогда не обманывают, но и никогда не показывают верно. Ощущение становится самым ценным, оно истинное, следовательно, и является предметом живописи и искусства.

Другой австрийский критик, эссеист и драматург, участник «Молодой Вены», Рудольф Лотар (1865–1943) попытался дать определение понятия импрессионизма, этого «нервического явления нашего времени», которое было признано «главным течением современности»²⁰². На вопрос о том, как определить понятие импрессионизма, он ответил следующим образом: «Это такая способность, которая позволяет сразу же переводить полученное через органы чувств в эмоции, чувства и ощущения и получать уже из этих чувств мысли. Поскольку, однако, различные детали, из которых состоит, к примеру, картина, не сразу воздействуют на наши органы чувств, то это почти закономерное следствие импрессионистического зрительного восприятия, что деталь, особенно воспринимаемая нашими органами чувств, растворяет наиболее сильное ощущение и подобно линзе пропускает через себя все мысли... Само собой разумеется, что мысли, ответственные за зрительное восприятие в нас, при прохождении через органы чувств получают своеобразное отклонение»²⁰³.

Г. Бар в эссе «Импрессионизм» писал: «Теоретически нет противоречия в том, если художник говорит: я хочу выразить некое чувство, скажем отрешенность или грусть, для этого всегда бралось какое-нибудь печальное событие из реальности, что-нибудь типа расставания или осени, это несколько литературно, а я же, как художник, хочу благодарить не литераторов, а себя за все, я не хочу повествования, не хочу изображения, мне не потребуется для этого ни расставание, ни осень, я хочу нарисовать мое внутреннее состояние, грусть или отрешенность, которые я ощущаю, а не причину, которая их

²⁰¹ Kampits P. Zwischen Schein und Wirklichkeit. Eine kleine Geschichte der österreichischen Philosophie. – Wien, 1984. – S. 123.

²⁰² Die Wiener Moderne: Literatur, Kunst und Musik zwischen 1890 und 1910. – Stuttgart, 2000. – S. 220.

²⁰³ Lothar R. Zur Geschichte der Kritik in Frankreich // Die Gesellschaft. – Jg.7. – Leipzig, 1891. – S. 666.

вызывает, как мог бы сказать поэт, что он огорчен, не называя напрямую, отчего ему так плохо; для этого у поэта есть звуки, он выбирает звуки, которые огорчают – а у меня есть цвета, я хочу выбрать цвета отрешенности и грусти. В конце концов, это не так уж и ново – задуматься лишь об орнаменте. Никто не спрашивает, что «означает» орнамент, никто не будет связывать его с реальностью. Никто не спрашивает, что делают на стене эти кружочки или треугольники. Ведь и так понятно, что они не имеют отношения к реальности, они лишь изображают настроение и передают его»²⁰⁴. Таким образом, в этой цитате мы видим, что Г. Бар отказывается от рациональной и даже от иррациональной рефлексии, ему важно запечатлеть первичный срез ощущений, первичные представления.

Будучи теоретиком «Молодой Вены», Г. Бар выступал против эстетики натурализма с его пафосом научного объяснения человеческой личности как продукта социальной среды и биологической наследственности. По его мнению, натурализм был не способен передать все богатство жизни и ограничивает ее, тогда как можно воспринимать жизнь внешнюю и внутреннюю во всем ее многообразии и даже отобразить, например, в виде потока сиюминутных субъективных впечатлений и ощущений. Благодаря Бару литературный кружок «Молодая Вена» воспринял парижские современные течения и создал в Вене новое литературное направление, в работах которого импрессионистическое мировоззрение венского модерна на рубеже XIX–XX веков получило литературное воплощение. Этим произведениям свойственны «фоновое настроение мимолетности всех явлений, слияния иллюзии и реальности, постоянного присутствия смерти, в котором отражалось индивидуальное и коллективное состояние неуверенности во времени и пессимистических предчувствий»²⁰⁵. Стало быть, главной целью нового искусства и является запечатление впечатлений и их анализ в языке. В силу нестабильности и тревожных настроений, доминировавших на рубеже веков, некоей

²⁰⁴ Bahr H. Kritische Schriften in Einzelausgaben // Dialog vom Tragischen Dialog vom Marsyas Josef Kainz. – Herausgegeben von Claus Pias. VDG Weimar, 2010. – S. 145.

²⁰⁵ Wien 1900. Kunst und Kultur. Fokus der europäischen Moderne. – Wien, 2005. – S. 321.

художественной или бытийственной константой в мировоззрении оказывается только то, что ясно дано нам с очевидностью, и таковым являются наши ощущения, впечатления, сегодняшнее состояние и переживания, поэтому вместо прогнозов, предсказаний и пророчеств литература должна заняться схватыванием буквально вот этих сиюминутных, но подлинных ощущений, впечатлений и представлений. Таким образом, это и оказалось импрессионизмом, потому что задача языка – ухватить и описать нечто подлинное, т.е. воспоминания, ощущения, представления, сиюминутные переживания, что по аналогии с живописью называется импрессионизмом, но уже в литературе.

Применительно к литературе это означало словами описать ощущения. Основные вопросы, волновавшие литературный и научный авангард того периода времени, а именно этические границы языка и дуализм языка и действительности, были проблематизированы в критике языка Ф. Маутнера, скептическая философия которого была направлена на поиск нового языка, способного зафиксировать действительность на данный текущий момент.

Самым известным примером, символизирующим невозможность выразить ощущения словами, который вообще и воплощает агностическую мистику Ф. Маутнера, служит письмо-мистификация, якобы написанное Ф. Бэкону его сподвижником лордом Чэндосом. Автором этого эссе, впоследствии многократно разобранного на эпиграфы и цитаты, был Гуго фон Гофмансталь, который благодаря своим лирическим произведениям и драмам считается одним из важнейших представителей импрессионизма.

Сцена появления на литературной арене юного Г. Гофмансталя была настолько подробно и многократно описана критиками и литераторами своего времени, что заслуживает отдельного упоминания. Это произошло в апреле 1891 года, уже с год, как в венской газете «Die Presse» стали печататься необычные стихи и критические рецензии, подписанные экзотическим именем Лорис Меликов. Завсегдатаи кафе Гринштайдль во главе с Г. Баром с нетерпением поджидали таинственного незнакомца, которому заочно была

назначена встреча и которым как раз и оказался шестнадцатилетний гимназист Гуго фон Гофмансталь.

Стефан Цвейг с восторгом отзывается о Гофманстале: «Явление юного Гофмансталя было и будет одним из великих чудес раннего совершенства. Я не знаю в мировой литературе ни одного примера, чтобы в столь юном возрасте кто-либо, кроме Китса и Рембо, с таким безупречным мастерством владел языком, достигал такой высоты возвышенной трепетности, так насыщал поэтической субстанцией самую случайную строку, как этот блистательный гений, который уже на шестнадцатом или семнадцатом году жизни своими неповторимыми стихами и до сих пор еще не превзойденной прозой навечно вписал свое имя в анналы немецкого языка»²⁰⁶.

В Письме лорда Чэндоса Г. Гофмансталь поднимает столь актуальный для австрийской философии и культуры вопрос критики языка. «Я полностью утратил способность связно думать или говорить о чем-либо... отвлеченные слова... распадаются у меня в устах, словно гнилые грибы... Все для меня распалось на части, части же – тоже на части, и все уже ускользало от охвата понятием. Разобщенные слова плавали вокруг меня, сворачивались в глазки, которые пялились на меня, принуждая пялиться на них и на меня самого ... язык, на котором мне назначено не только писать, но верно и думать... язык, ни единое слово которого мне не известно, на котором ко мне обращаются вещи немые»²⁰⁷.

В вышеприведенной цитате Г. Гофмансталь, как и Ф. Маутнер, говорит об утрате веры в язык, в способность адекватно отражать и выражать словами действительность. В письме передается ощущение глубокого кризиса усомнившегося в самом себе сознания как следствие еще более глубинного кризиса, коснувшегося целого уклада жизни в Австрии, пошатнувшегося после многих веков кажущейся устойчивости.

²⁰⁶ Цвейг С. Вчерашний мир. Воспоминания европейца. – М., 2004. – С. 45.

²⁰⁷ Гофмансталь Г. фон. Избранное. Драммы, проза, Стихотворения. — М., 1995. — С. 521.

Известно, что Ф. Маутнер предпринимал попытки создания философской прозы. Несмотря на то что исторический роман Ф. Маутнера «Ипатия» «отличает историческая небрежность и явный отказ от какого-либо реализма, необходимого для произведения исторического жанра»²⁰⁸, по художественным особенностям его вряд ли можно отнести к шедеврам австрийской литературы, тем не менее автор сумел выразить в нем свои основные философские взгляды. Более успешным оказался замысел написания философского романа легендарного австрийского писателя Роберта Музиля, без глобальной фигуры которого анализ Венского литературного импрессионизма был бы неполным.

Р. Музиль разделял свойственное большинству австрийских писателей беспокойство по поводу неспособности языка объяснить внутренний мир человека другим людям и показал это в своем автобиографическом романе о жизни в высшем военном училище «Душевные смуты юного Тёрлеса» (1906). В то время роман вызвал шоковую реакцию, поскольку Р. Музиль открыто заговорил о гомосексуальных связях, распространенных в таких заведениях. Но это не было главной идеей романа. Развязка наступает, когда Тёрлес должен объяснить свои сильные чувства перед руководством и приходит к пониманию того, что это невозможно. «И снова язык оказывается неспособным выразить то, что является самым что ни на есть реальным; это то, что навсегда остается сугубо личным в глубинах человеческой субъективности. Эта проблема навсегда останется для Р. Музиля неразрешимой, как в его жизни, так и в его произведениях»²⁰⁹.

Р. Музиль в своем исследовании взаимоотношений между метафизической философией и современным естествознанием писал: «Сегодня решающим является слово естествоиспытателя, которое несет на себе груз, независимо от того, какие вопросы – эпистемологические или метафизические – попадают в поле зрения точной философии. Прошли те времена, когда картины мира целиком создавались философами. Пользуясь всеми методами и результатами

²⁰⁸ Черепанова Е.С. Австрийская философия как самосознание культурного региона. — Екатеринбург, 2000. — С. 263.

²⁰⁹ Janik A., Toulmin S. Wittgenstein's Vienna // A Touchstone Book. – Simon and Schuster, 1973. – P. 118.

точного исследования, сегодняшняя философия пытается реорганизовать свое отношение к распространенным закономерностям природы, переформулировать свое отношение в давнем поиске правильной интерпретации концепций материи и причинности и свою позицию к соотношению физического и психического»²¹⁰.

Р. Музиль продолжил заниматься философией в своем романе «Человек без свойств», который является в высшей степени философским романом и заслуживает особого внимания, потому что его можно, без преувеличения, назвать проектом всей жизни писателя. Автор произведения попытался описать конец эпохи, неминуемый распад которой он с научной точностью – подобно Герману Броху – постарался охватить, нарисовав с иронией и мнимым равнодушием картину уходящей Габсбургской монархии (Какания), которая не выдержит запуска процесса нового миропорядка. «”Так уж получилось”», – говорили там, когда другие люди в других местах полагали, что произошло бог знает что; это было самобытное выражение, в атмосфере которого факты и удары судьбы делались легкими как пушинки и мысли. Да, несмотря на многое, что говорит об обратном, Какания, может быть, все-таки была страной для гениев; и, наверное, потому она и погибла»²¹¹.

В соответствии с учением Э. Маха Р.Музиль предпринимает попытку классифицировать чувства. «И все же нет чувства, которые было бы безусловно тем, чем оно кажется; и ни наблюдение за собой, ни действия, которые данное чувство вызывает, не дают никакой уверенности насчет него. <...> Иначе говоря ...в области чувства преобладает не чистое наличие или однозначное осуществление, а прогрессирующее приближение или приблизительное осуществление. И нечто подобное можно сказать обо всем, что постигается чувством»²¹². То есть Музиль считает, что чувства ухватить невозможно, даже на уровне внутренней рефлексии, а уж тем более описать. На страницах романа

²¹⁰ Stadler F. The Vienna Circle. Studies in the Origins, Development, and Influence of Logical Empirism. – Vienna-New York, 2001. – P. 127.

²¹¹ Музиль Р. Человек без свойств. – М., 2008. – С. 30.

²¹² Там же. С. 1074-1075.

в беседах и размышлениях главных героев, по сути, происходит анализ ощущений. Они пытаются разложить чувство на атомы, как это предложил сделать Э. Мах. Только теперь они принимаются анализировать свои переживания, и чувства и состояния, и ничего из этого не получается, потому что они не ухватываются, они не артикулируемы. Они понимают их эмоционально, они их пережили, но описать словами не могут и в этом и драматизм.

Название первой книги П. Альтенберга «Как я это вижу» заслуживает особого внимания, так как оно созвучно выведенному братьями Гонкурами принципу импрессионизма – «видеть, чувствовать, выражать». В его новеллах, часто размером со страницу, нет ни обобщения, ни размышления, он опирается непосредственно на личное впечатление и передает его так, как видит.

В своих набросках П. Альтенберг рисует сцены из венской жизни, «на которых изображались сидящие в кафе и лишенные каких-либо корней люди, – именно в подобных образах проявлялся импрессионизм в условиях большого города. Любая встреча мимолетна; жизнь состоит из мелькающих образов и услышанных фраз; опыт накапливается в загадочной среде, в которой ничто ни к чему не обязывает и ничто не завершается. Эти зарисовки Альтенберга иллюстрировали его жизнь клошара – представителя богемы, который проводит свои дни, переходя из одного кафе в другое»²¹³.

Прозу П. Альтенберга Л.Г. Андреев назвал «каплями импрессионистической прозы», которые можно как угодно сочетать: написав большое количество миниатюр, писатель издавал их циклами во всевозможных комбинациях, так как они не составляли смыслового единства. В своих миниатюрах П. Альтенберг часто пользуется приемом повторений. Так, в миниатюре «Двенадцать» девочка снимает рыбу с удочки, бросает ее на пол, рыба умирает, и так повторяется много раз. Эти повторы снабжают фрагмент ритмом, порой делят его на четко

²¹³ Джонстон У.М. Австрийский Ренессанс. Интеллектуальная и социальная история Австро-Венгрии, 1848–1938 гг. — М., 2004. — С. 175.

отмеренные отрезки, через которые скорее нагнетается настроение, чем развертывается какое-либо действие.

Все, что происходит в миниатюрах П. Альтенберга, – это то, что «я вижу», о чем автор честно предупредил с самого начала. «Я вторгается непринужденно, не заботясь о сюжетной обоснованности таких вторжений... Мир грезится этому Я, и этот пригрезившийся мир рисуется легкими беглыми штрихами; в нем выделяются линии, формы, краски»²¹⁴, а потому его миниатюры очень близки этюдам в живописи: в них содержатся наброски зрительных впечатлений, например в описании того, как были одеты его герои.

Черда летучих настроений, бликов и мигнов бытия, ускользающих от пристального взора оттенков, то есть все, что составляет эстетическую природу импрессионизма, принадлежало и к особенностям литературного импрессионизма. Исходным мотивом лирики становилось переживание момента, будь то вид, картина, мелодия или сиюминутное впечатление. Так, характерным примером использования Альтенбергом импрессионистической техники «рисования картин словами» может служить вот этот отрывок из его миниатюры «Тюльпаны»: «Тюльпаны! Они стояли на коротких твердых стеблях, тесня друг друга и выпрямившись, как палки, — целые полчища цветов – необычайно пунцовые, необычайно белые, залитые утренним солнечным светом, и пылали словно факелы, превратившиеся в цветы. От них исходило благоухание красок, окрашенной ванили, окрашенного жасмина – почти вызывая мигрень своим ярким цветом. Это был аромат, превращенный в краски!»²¹⁵ В нем, в полном соответствии с особенностями импрессионизма как художественного стиля, очень пристально рассматриваются переливы света, игра красок, фиксируются малейшие нюансы.

В понимании реальности как комплекса ощущений также проявляется и принцип экономии мышления Э. Маха, в соответствии с которым, мы не можем и не должны говорить ни о чем, что не дано нам непосредственно в ощущениях.

²¹⁴ Андреев Л.Г. Импрессионизм. — М., 1980. — С. 130.

²¹⁵ Altenberg P. Das Buch der Bücher von Peter Altenberg. / Göttingen, 2009. – 3.Bd. - S. 747.

Говорить о том, что не дано в ощущениях, не имеет никакого смысла, потому что это будут домыслы и приписывание нашей реальности и естественнонаучным процессам каких-то направленных законов необходимости. В результате применения принципа экономии мышления как художественного принципа большую популярность приобрела новелла, а роман отошел на второй план.

Интересно, что с импрессионистическими зарисовками П. Альтенберга связан один из самых громких скандалов, которые когда-либо случались в венской музыкальной жизни. В 1912 году австрийский композитор Альбан Берг (1885–1935) переложил на музыку для членов оркестра тексты П. Альтенберга, написанные языком, близким к краткому языку почтовой открытки, это сочинение он назвал «Пять песен на тексты к почтовым открыткам Петера Альтенберга». Премьера этого цикла 31 марта 1913 года вызвала шоковую реакцию у венской публики и сопровождалась общественными беспорядками (даже с привлечением полиции), поэтому вошла в историю (наряду с премьерой «Весны священной» И.Ф. Стравинского) как один из самых громких музыкальных скандалов XX века.

«Миниатюры Альтенберга обнаруживают одну из важнейших проблем литературы того периода – поиск “идеального”, “чистого” языка, необходимого для передачи ощущений. Поэтому постоянно совершенствуется “прозрачный стиль” венской школы и формируется особый “ясный”, и в то же время театральный, условный язык. В силу этого новелла, повесть, миниатюра также имеют массу преимуществ. Тема языка, возникшая в австрийской философии несколько позже, осознавалась как проблема в условиях уже говорящей об этом литературы»²¹⁶.

Литература предполагала средствами языка воссоздавать картины, как в импрессионизме, запечатлевать ощущения, представления, мгновенные

²¹⁶ Черепанова Е.С. Австрийская философия как самосознание культурного региона. — Екатеринбург, 2000. — С. 121.

впечатления, но напрямую этого не делалось, предпринимались какие-то декларативные попытки. Сам выбор новеллы, собственно выбор между новеллой и романом тоже был сделан в пользу малых форм, новеллы. Потому что новелла должна иметь некую зону иносказательности, некую зону завершенности, с одной стороны, а с другой стороны – отличаться открытостью, чтобы читатель мог целостно воспринять литературный кусок. Когда читатель следит за сюжетом романа, он не сосредоточивается (или, безусловно, не в той мере, как при чтении новеллы) на красотах языка и том впечатлении, которое производит этот литературный фрагмент. Читателя больше интересует, чем все закончится. Роман предполагает именно коллизию, которая происходит с героями, отношения, взаимодействия людей.

В некотором смысле австрийская литература относится к роману в определенном смысле как к порождению германской культуры, потому что жанр романа был позиционирован в европейском сознании, конечно, немецкими романтиками. Образцом был роман «Страдания юного Вертера» Гете. Поэтому даже легендарный австрийский писатель Музиль, по сути, не пишет роман в классическом смысле этого смысла. Действия как такового нет, оно показано фрагментарно, все существует как будто в параллельных мирах и непонятно к чему автор все это ведет.

Возвращаясь к новелле, отметим что, она как бы концептуально отражала импрессионизм, потому что писатели не писали батальных сцен, а изображали утро в саду. Да там были люди и какой-то пейзаж, но люди не были в центре этого пейзажа. Человек оказывался частью некой представленной картины, которую можно видеть и у каждого она складывается по-своему из тех ощущений, которые она вызывала. Их можно было сохранить, предаться ощущениям, а потом можно и потерять вовсе, и все это допускает жанр новеллы. Она ни на что не претендовала, ни на цитирование ее, ни на чтение вслух, ни на то, чтобы по ее мотивам написали песни или тем более оперы.

В этот период на страницах газет в самом нижнем углу начали печатать фельетоны – небольшие статьи на самые разные темы. Фельетоны, несмотря на

резкие выпады таких критиков, как Карл Краус, мгновенно завоевали популярность среди читателей. «Каждый день изящно написанный, звучный очерк. Иногда он посвящен опере, иногда оперетте, иногда какому-нибудь зданию, которое сносят прямо сейчас. А иногда – лукавые описания персонажей старой Вены... Каждый день появляется новый фельетон, вкрадчивый и самовлюбленный, с одной филигранной фразой, нанизанной на другую, со сладостью прилагательных, напоминающей пирожные из “Демеля”»²¹⁷. Сам термин «фельетон» появился в Париже в 1800 году для обозначения нижней части первой газетной страницы. «В Вене фельетон был так же популярен, как оперетта, кофейни, уроки бриджа, порождая множество самых разных мнений, создавая нечто, подобное выраженной в словах музыке, убаюкивающей людей, не любящих дебатов на темы морали. Поскольку фельетон был воплощением феакейства, он раздражал фанатиков, подобных Карлу Краусу, и в то же время являлся источником новаторства для импрессионистов вроде Шницлера. Кофейня и фельетон совместно создавали атмосферу, способствующую новаторству в мышлении»²¹⁸.

Хотя фельетоны критиковали за поверхностность, но они все же служили образцом остроумия и мастерского владения языком и во многом способствовали развитию венского литературного импрессионизма. По мнению У.Джонстона, «фельетон обеспечил питательную среду для венской импровизации. Многие из того нового, что Артур Шницлер внес в рассказ, напоминает о приемах, характерных для фельетонов. Его внутренние монологи, ведущиеся от третьего лица в “Прощании” и от первого лица в “Лейтенанте Густле”, можно воспринять как пересказывание фельетонов, где главный герой размышляет о своем прошлом, — так же как Шницлер или Шпайдель о Вене. Погруженные в конфликт между прошлым и настоящим, персонажи Шницлера отдаются своим воспоминаниям во сне, чтобы выявить при этом некую

²¹⁷ Вааль Э. де. Заяц с янтарными глазами. Скрытое наследие. – М., 2013. – С. 239.

²¹⁸ Джонстон У.М. Австрийский Ренессанс. Интеллектуальная и социальная история Австро-Венгрии, 1848–1938 гг. — М., 2004. — С. 179

дилемму. Как внутренние монологи, так и фельетоны были построены в виде наплывов воспоминаний в череде свободных ассоциаций»²¹⁹.

Безусловно, отторжение романной формы, критика, отход от романного повествования в конечном итоге отражает неприятие немецкого идеализма в качестве ключевого философского принципа и мировоззренческой возможности интерпретировать таким образом реальность. В эссе «Австрия в зеркале своей литературе» Гуго фон Гофмансталь рассуждает на тему различия между немецким и австрийским: «Всякий австрийский писатель творит на фоне своего ландшафта, тогда как немец представляется мне, скорее, отрешенным от своего фона. При мысли о Канте, Гёльдерлине, Ницше уже по беспримерному парению духа, по самой высоте их взлета я могу заключить, что родиной их была Германия и что оттолкнулись они от немецкой духовной почвы, но — мне не различить цвета их оперения. Австрийская же птица никогда не взлетает настолько высоко, чтобы нельзя было узнать ее по окраске»²²⁰.

Высказывание Г. Гофмансталя в очередной раз иллюстрирует католическое мировосприятие австрийца в сравнении с немецким протестантизмом, который объединяет человека с Богом, но при этом требует от него постоянной рефлексии, морального отчета и понимания своих жизненных перспектив. Австриец интерпретирует ландшафт как часть божественного мира, а не как повод, чтобы обратиться к своему внутреннему миру и таким образом отыскать путь к праведной жизни. Это несовпадение католической и протестантской религиозных культур в равной мере находит отражение и в литературе, и в философии описываемого периода.

В число тех понятий, которые должны быть подвергнуты последовательной критике и после тщательного анализа устранены из круга философствования, наряду с понятием «вещь-в-себе» входит и понятие *Я*, которое, австрийские писатели, разумеется, не могли оставить без внимания. Так, в романе Р. Музиля «Человек без свойств» содержится махистское понятие *Я*, а также

²¹⁹ Джонстон У.М. Австрийский Ренессанс. Интеллектуальная и социальная история Австро-Венгрии, 1848–1938 гг. — М., 2004. — С. 177.

²²⁰ Гофмансталь Г. фон. Избранное. Драммы, проза, Стихотворения. — М., 1995. — С. 646.

трансформация принципа экономии мышления в модель человеческого чувства возможности, скорее, под руководством структурного принципа функциональности, чем причинности. Вплоть до 1930-х гг. идеи Р. Музиля в отношении проблем метафизики, философии и науки совпадали с представлениями Венского кружка и личными обсуждениями в Берлинском кружке вокруг Рихарда фон Мизеса, как отметил Р. Музиль в своем «Профиле программы» (Р. Музиль 1978, 1318): «Мы будем учиться не у Гёте, Хеббеля, Гёльдерлина, а у Маха, Лоренца, Эйнштейна, Минковски, Кутюра, Рассела, Пеано...»²²¹

Яркие примеры художественной реализации философского концепта Э. Маха – невозможности *Я* – можно найти в безличных монологах главных героев новелл А. Шницлера «Барышня Эльза» и «Лейтенант Густль». В них А. Шницлер впервые применяет новую технику внутреннего монолога, при которой повествование преподносится не от автора, а непосредственно передается в сыром виде, без цензуры весь хаотичный поток мыслей, воспоминаний, чувств и ассоциаций главного героя.

В этих новеллах целью повествования становится непосредственная передача эмоционального состояния своих героев, которыми нередко становятся врачи, адвокаты, офицеры, богатые молодые бездельники, жены уважаемых мужей, девушки из хороших семей, дамы полусвета. При всем разнообразии вариантов, всех их объединяет отсутствие ярко выраженной индивидуальности, они часто не удовлетворены своей социальной ролью, пребывают в плену иллюзии счастья и страдают от тоски по несбывшимся мечтам и надеждам.

В частной беседе с Г. Баром в венском салоне журналистки Берты Цукеркандль Э. Мах пояснил свое ставшее знаменитым «обреченное на гибель *Я*» следующим образом: Когда я говорю, что “*Я* обречено на гибель”, это означает лишь то, что *Я* существует лишь внутри прочувствованных человеком

²²¹ Stadler F. The Vienna Circle. Studies in the Origins, Development, and Influence of Logical Empirism. – Vienna-New York, 2001. – P. 131.

предметов, явлений, что *Я* растворяется во всем, что осязаемо, слышимо, видимо, осязаемо. Все преходяще, мимолетно; нематериальный мир, который состоит из одних только красок, контуров, звуков. Реальность находится в вечном движении и переливается подобно хамелеону. В этой игре феноменов кристаллизуется то, что мы обычно называем нашим *Я*. С момента рождения и до самой смерти оно непрерывно меняется»²²².

В концепте невозможности *Я* Э. Мах сумел показать непрерывное изменение, переход из одного в другое, отмену границ между видимостью и реальностью. В «Диалоге о трагическом» Г. Бар написал: «*Я* обречено на гибель. Разум отбросил старых богов и свергнул нашу землю. Теперь он также угрожает уничтожить нас. Тогда мы увидим, что элемент нашей жизни не есть правда, а есть иллюзия. Но мне важно не то, что есть правда, а то, что мне нужно, и поэтому солнце все так же восходит, земля существует на самом деле, и *Я* есть *Я*»²²³.

В анализе влияния идей Э. Маха на литературу своего времени с точки зрения философии интересно то, что здесь происходит нечто подобное влиянию Э. Маха на Ф. Маутнера. Э. Мах, прежде всего физик-позитивист, в своих работах пытался создать некую философскую методологическую установку, пригодную для ученых-естествоиспытателей, чтобы они теоретизировали не по поводу абстрактных философских проблем, а по поводу конкретного естествознания. Удивительно, но сформулированная таким образом задача была реализована так, что произведения Э. Маха в контексте происходящих на рубеже XIX–XX веков культурных и политических процессов оказывают парадоксальное влияние не только на физику и философию, но и на литературу, которая в свою очередь воспринимает Э. Маха методологически. Казалось бы, вторым по важности методологом для литераторов должен был стать Ф. Маутнер, который посвятил все свое творчество в основном критике языка. И все же, как ни странно, решающее методологическое значение для

²²² Die Wiener Moderne: Literatur, Kunst und Musik zwischen 1890 und 1910. – Stuttgart, 2000. – S. 171.

²²³ Bahr H. Kritische Schriften in Einzelausgaben // Hermann Bahr Essays. – Herausgegeben von Claus Pias. VDG Weimar, 2011. – S. 47.

австрийской литературы сыграли как раз глобальные философские обобщения Э. Маха.

Философский импрессионизм стал частью австрийской философской традиции, специфика которой заключается в том, чтобы видеть в философии Э. Маха не только позитивизм, но и импрессионизм. В данном случае импрессионизм в философии представляет собой попытку нарисовать картину мира элементами мира и ощущениями подобно тому, как это делали французские импрессионисты, стремившиеся с помощью красок передать ощущение.

Философия Э. Маха оказалась очень созвучной австрийскому мировосприятию, поскольку он тоже призывал не покидать почву и иметь дело с тем, что есть в наличии, то есть с чувствами и ощущениями. В этой связи представляется очень интересным посмотреть, как такой позитивистский проект реабилитации ощущений, «запущенный» Э. Махом, был реализован в литературных произведениях.

Подводя итоги этой части работы, можно отметить следующее:

- критика языка, которая является одним из признаков, позволяющих типологизировать австрийскую философскую традицию, в философии Ф. Маутнера базируется на идеях Э. Маха. Однако в случае Ф. Маутнера можно видеть, что следствием влияния Э. Маха может быть не только позитивизм, но и, как пишет о своей теории сам Ф. Маутнер, – «агностическая мистика». Вопрос о возможности описания ощущений даже не может быть поставлен, как полагает Ф. Маутнер, так как живое ощущение всегда будет ярче, чем его репрезентация в речи;

- концепция трех языковых миров Ф. Маутнера свидетельствует о его установке на философское преодоление господства немецкого, кантовского идеализма в пользу английского сенсуализма и даже философии жизни. Однако эта интенция философа не завершилась созданием стройной философской теории. Напротив, мыслитель пришел к выводу, что наиболее адекватной формой философии должно стать литературное произведение;

– принимая во внимание особенность влияния философских идей Э. Маха на литературный импрессионизм и на формирование лингвокритической концепции Ф. Маутнера, можно описывать и философию Э. Маха, и философию Ф. Маутнера вслед за австрийскими и венгерскими теоретиками, как философский импрессионизм;

– культурно-историческая атмосфера, сложившаяся в Вене в описываемый период, указывает на исключительно тесное взаимовлияние философии и литературы. Диалог философского и художественного импрессионизма свидетельствует о существенном влиянии ключевых концептов Э. Маха – реальности как комплекса ощущений, принципа экономии мышления, невозможности и нереальности *Я* – на процесс поисков художественной формы как писателями, так и философами, полагавшими, что философствовать необходимо средствами литературы.

Заключение

В завершение исследования хотелось бы еще раз повторить основные выводы.

Философское становление Э. Маха происходило на рубеже XIX–XX веков в период наивысшего расцвета философии в Австро-Венгрии, который совпал с глобальными культурно-историческими трансформациями в стране. Распад Австро-Венгерской империи, кризис в экономике и национальной идентичности неизбежно выливались в потребность в своего рода философской переработке социально-исторического опыта.

В процессе философской эволюции Э. Мах проходит путь от изучения теории И. Канта через критику кантовской и немецкой метафизики в целом к собственному видению принципов реальности, истинности и познания.

Философская позиция Э. Маха сформировалась под влиянием идей Г.К. Лихтенберга, которого он ценил за его критику несовершенства языка и скептическое отношение к тому, что в традиционном понимании составляет человеческое Я. Э. Мах считал себя преемником идей Дж. Беркли и Д. Юма в отношении интерпретации реальности и ощущений. Философию И. Канта Э. Мах рассматривает как объект критики, чтобы в процессе критики обосновать бесперспективность кантовской системы априорных форм и вещи-в-себе.

Философские взгляды Э.Маха были восприняты О. Нейратом, Р. Карнапом, М. Шликом и другими представителями Венского кружка, а также А.А. Богдановым и Ф. Маутнером. Его идеи были подвергнуты критике с самых различных позиций. Наиболее известной в изучаемый период была критика со стороны В.И. Ленина и О. Вейнингера. На этом основании можно сделать вывод о преемственности идей Э. Маха относительно английского эмпиризма и принципиальном неприятии немецкого идеализма.

Критика И. Канта и антиметафизическая направленность философии Э. Маха отражает типичную особенность австрийской философии, сформировавшейся под влиянием оппозиции католической и протестантской

религий и конкурентной борьбы за первенство в политике и культуре между Австро-Венгерской империей и Пруссией. Критика немецкой метафизики привела к критике метафизики вообще и нашла отражение в философии позитивизма Э. Маха, Л. Витгенштейна, представителей Венского кружка.

В своих философских трудах Э. Мах сформулировал три основных концепта: реальность как комплекс ощущений, принцип экономии мышления и невозможность *Я*, которые оказали принципиальное влияние на австрийскую философию и культуру. Три концепта получили дальнейшее развитие в философии в Австрии и нашли отражение в теоретических поисках представителей Венского кружка, австромарксизма, в философской критике языка Ф. Маутнера.

Подход Э. Маха к проблеме обоснования фундаментальных научных абстракций и принципов состоял в том, что элементы опыта, данные в виде чувственных ощущений, выступают единственной реальностью и основой научного познания. По Э. Маху, научные законы сводились к экономному способу описания ощущений, данных в наблюдении, которые выступают в научном исследовании в качестве элементов чистого опыта без метафизики. Целью же научного познания становится накопление данных опытов и наблюдений и поиск таких понятий и законов, которые позволяют описывать элементы опыта наиболее экономным способом. Э. Мах постулирует принцип нейтральности элементов мира, связанных с функциями ощущений и восприятий как средство биологического приспособления организма к среде. При этом Э. Мах считал, что в ощущениях и восприятиях невозможно отделить внешний мир организма от внутреннего.

Философия Э. Маха получила продолжение в работах Ф. Маутнера, посвященных критике языка. В основе лингвокритической теории Ф. Маутнера лежат идеи Э. Маха о том, что ощущения реальны, их можно и нужно принимать во внимание, так как они являются частью процесса познания, а следовательно, их необходимо описывать. При этом влияние Э. Маха на Ф. Маутнера является не позитивистским, а приводит к «агностической

мистике» по собственному выражению Ф. Маутнера, который убежден в неспособности языка напрямую передать живое ощущение. Ф. Маутнер попытался по-новому осмыслить отношение языка и действительности и пришел к неутешительному выводу о принципиальной невозможности достижения осознанного отношения к действительности через язык.

С помощью своей концепции трех языковых миров Ф. Маутнер пытается преодолеть в философии немецкий идеализм и делает свой выбор в пользу английского сенсуализма и даже философии жизни. Ф. Маутнеру не удалось создать целостную философскую теорию, он считает, что философский язык несовершенен и только поэзия и литература способны наиболее адекватной формой философии должно стать литературное произведение.

Влияние философских идей Э. Маха на литературный импрессионизм в Австрии и на формирование критики языка Ф. Маутнера вслед за австрийскими и венгерскими исследователями позволяет описывать философские концепции Э. Маха и Ф. Маутнера как философский импрессионизм.

В описываемый период времени под влиянием культурно-исторической атмосферы в Австро-Венгрии философия и литература находились в исключительно тесных взаимоотношениях. Диалог философского и художественного импрессионизма выявляет существенное влияние ключевых концептов Э. Маха – реальности как комплекса ощущений, принципа экономии мышления, невозможности и нереальности Я – на поиски художественных форм как философами, так и литераторами, убежденными в продуктивности философствования средствами литературы. Философия Э. Маха оказалась очень созвучной австрийскому мировосприятию, поскольку он тоже призывал не покидать почву и иметь дело с тем, что есть в наличии, то есть с чувствами и ощущениями. Позитивистский проект реабилитации ощущений, запущенный Э. Махом, был реализован в литературных произведениях, потому что особенность австрийской культуры заключается в том, что именно в литературе импрессионизм получил наиболее яркое воплощение.

Характерным примером реализации принципа экономии мышления в литературе может служить импрессионистическая проза П. Альтенберга. Написанные им превосходным языком абстрактно-сжатые наброски, которые он сам назвал «экстрактами жизни» и которые и по сей день ничуть не потеряли в непосредственности, можно считать воплощением литературного импрессионизма в чистом виде.

Австрийская литература рубежа XIX–XX веков вполне сознательно отказывается от немецкого мировосприятия, где предполагается какое-то будущее, развитие событий. В литературных произведениях этого периода характерным становится отказ именно от глобальной формы, по которой можно судить об эпохе, говорить о типах характеров, каких бы то ни было обобщениях, в пользу небольших зарисовок, отдельных фрагментов. Поэтому в этом смысле экономия мышления есть прямое следствие неприятия кантовской философии.

Реальность, представленная Э. Махом в виде комплекса ощущений, вполне можно было бы классифицировать как сенсуализм, для которого критерием истины является опыт ощущений. Однако зарубежным исследователям этого понятия оказывается недостаточно для характеристики философии Э. Маха, для уточнения они вводят искусствоведческий термин «импрессионизм». Если использовать термин «импрессионизм» применительно к философии Э. Маха, то речь идет не о том, что является критерием истины, а о том, что является характеристикой реальности ощущения и что ощущение как раз и представляет собой реальность. Философский импрессионизм наделяет ощущения статусом реальности и отказывает рефлексии в каких-то положительных надеждах, что в процессе какой-то рациональной рефлексии может осуществиться что-то.

Решая вопрос о том, как можно описать реальность средствами языка, философский импрессионизм развивается в направлении критики языка как следствие поисков ответа на вопрос в том, каким образом можно описать реальность средствами языка. Истоком этого процесса является последовательная и достаточно аргументированная критика И. Канта Э. Махом. Главный тезис Э. Маха о том, что реальны только ощущения, практически

завершил линию эмпириков Беркли–Юма–Локка. Если Локк, Беркли и Юм утверждали, что мы познаем посредством ощущений, то Э. Мах рассматривает ощущения не только как критерий истины, но и как элемент онтологии.

Термин «философский импрессионизм» используется не только филологами, но и историками философии для того, чтобы показать связь литературного и философского импрессионизма. Сформулированные Э. Махом три философских концепта – реальность как комплекс ощущений, принцип экономии мышления и концепт нереальности *Я* – были опробованы на практике и прошли своего рода языковую проверку. В австрийской литературе были предприняты попытки описать ощущения художественными средствами, в результате в философию вернулся вопрос о том, как с помощью языка можно описать ощущения. На исторический момент, исследуемый в диссертации, было получено два ответа. Ф. Маутнер приходит к выводу об «агностической мистике» и предлагает молчать об этом, а философии совершенствовать свой язык для того, чтобы стать философской литературой. Л. Витгенштейн предлагает перейти в логику, к логическому анализу языка и снова проверить его на возможность описания естественных процессов, наблюдаемых в природе.

Получилось, что эти философские поиски непосредственно повлияли на литературу. В художественной литературе по сути произошла апробация предложенной Э. Махом методологии. Полученный литературой результат оказался неудовлетворительным как для Ф. Маутнера, так и для Л. Витгенштейна. Все эти процессы происходили и дискутировались в культуре опосредованно.

Принимая во внимание культурно-историческую составляющую и форматы этих философских и литературных дискуссий и связанных с ними экспериментов, необходимо использовать такой термин, как философский импрессионизм. Термин «философский импрессионизм» практически не распространен в научном обиходе и не заменит такие укоренившиеся традиционные понятия, как сенсуализм или эмпириокритицизм. Однако он необходим для описания происходивших в этот период философских процессов

и культурно-исторических событий, а также может использоваться как характеристика феномена влияния Э. Маха.

Безусловно, объем и задачи данной работы не позволили всесторонне осветить ряд вопросов. В частности, интересным направлением дальнейшего исследования является проблема изучения творчества Р. Музиля с точки зрения философии. На сегодняшний день существует недостаток исследований философской прозы Р. Музиля, которого рассматривают как писателя, а между тем его тексты являются философскими.

Кроме того, объем и жанр нашего исследования не позволяют углубиться в анализ трудов О. Нейрата с точки зрения его вклада в развитие визуальной антропологии. До сих пор практически отсутствуют исследования, посвященные влиянию идей Э. Маха на развитие психоанализа З. Фрейда. И наконец, малоизученным остается вопрос о том, как философские взгляды Э. Маха были восприняты в рамках феноменологии Э. Гуссерля и в области социальной феноменологии.

Список литературы

На русском языке

1. Авенариус Р. О предмете психологии / Р. Авенариус ; пер. с нем. И. Маркова. — Изд. 2-е, стер. — М. : Едиториал УРСС, 2003. — 83 с.
2. Авенариус Р. Философия как мышление о мире согласно принципу наименьшей меры силы. Прологомены к критике чистого опыта / Р. Авенариус ; пер. с 2-го нем. изд. Г. А. Котляра. — Санкт-Петербург : Образование, 1913. — 105, VI с.
3. Австрия как культурный центр Европы [текст] : тез. докл. Междунар. научн. симп. Екатеринбург, 13-17 мая 2008 г. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2008. — 200 с.
4. Австрия как культурный центр Европы [текст] : мат. Междунар. научн. Симпозиума. Екатеринбург, 25-28 октября 2011г. — Екатеринбург : УрФУ, 2011. — 242 с.
5. Австромарксизм. История и современное толкование : Реф. сб. / АН СССР, ИНИОН ; Отв. ред. Б. С. Орлов. — М. : [ИНИОН], 1984. — 252 с.
6. Андреев Л.Г. Импрессионизм / Л. Г. Андреев. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 1980. — 245 с.
7. Антология мировой философии: Возрождение. — М. ; Минск : АСТ : Харвест, 2001. — 928 с.
8. Аршинов В.И., Климонтович Ю.Л., Сачков Ю.В. Естествознание и развитие: Диалог с прошлым, настоящим и будущим / Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой / Пер. с англ. Ю.А. Данилова / Общ. ред. и послесловие В.И. Аршинова, Ю.Л. Климонтовича и Ю.В. Сачкова. М. : Прогресс, 1986. — С.406–422.
9. Бабушкин В.У. Феноменологическая философия науки. Критический анализ / В. У. Бабушкин. — М. : Наука, 1985. — 190 с.

10. Белобратов А.В. Музиль и Витгенштейн, или Литература и философия / А.В. Белобратов // Вопросы философии. – 1998. – № 5. – С. 113–119.
11. Беньямин В. Улица с односторонним движением / Вальтер Беньямин. – М. : ООО «Ад Маргинем Пресс», 2012. – 128 с.
12. Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память. – Минск : Харвест, 1999. – 1408 с.
13. Беркли Дж. Сочинения / Дж. Беркли ; Сост., общ. ред. и вступ. ст. И. С. Нарского; Пер. А. Ф. Грязнова, Е. Ф. Дебольской, Е. С. Лагутина. — М. : Мысль, 2000. — 560 с.
14. Беркс Дж. Х. Мартин Фарбер и эволюция: от феноменологии к материализму / Дж. Х. Беркс // Вестник Московского университета. Сер.7. Философия. – 2000. – №6. – С. 60-70.
15. Богданов А.А. Очерки философии коллективизма, сб. 1. – СПб., 1909. – 403 с.
16. Браун К.-Х. Критика фрейд-марксизма: К вопросу о марксистском снятии психоанализа : Пер. с нем. / К.-Х. Браун ; Общ. ред. и вступ. ст. Н.С. Мансурова. — М. : Прогресс, 1982. — 270 с.
17. Бэкон Ф. Сочинения в двух томах. Т.2/ Ф. Бэкон ; Сост., общ. ред. и вступ. ст. А. Л. Субботина. 2-е изд., испр. и доп. М. : Мысль (Философское наследие), 1978. – 575 с.
18. Вааль Э. де. Заяц с янтарными глазами. Скрытое наследие / Э. де Вааль ; Пер. Т. Азаркович. – М. : Издательство АСТ, Corpus, 2013. – 432 с.
19. Вейнингер О. Пол и характер / О. Вейнингер ; Пер. с нем. В. Лихтенштадта. — Ростов-на-Дону : Феникс, 1998. — 607 с.
20. Визгин В.П. Русские позитивисты о теории относительности и ее философском истолковании (1910-1920-е гг.) /В.П. Визгин // Вопросы философии. – 2011. –№ 11. – С. 93–105.
21. Виндельбанд В. От Канта до Ницше : История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками: Пер. с нем. / В. Виндельбанд. — М. : КАНОН-пресс : Кучково поле, 1998. — 495 с.

22. Виндельбанд В. Философия в немецкой духовной жизни XIX столетия / В. Виндельбанд. — М. : Наука, 1993. — 105 с.
23. Викторов Д. Психологические и философские воззрения Рихарда Авенариуса / Д. Викторов // Новые идеи в философии. Спб. 3: Теория познания I. — СПб. : Издательство «Образование». — 1913 — С. 40–73.
24. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / Людвиг Витгенштейн ; [предисл. К. Королева; пер. с англ. Л. Добросельского]. — Москва : АСТ : Астрель, 2010. — 177 с.
25. Владимиров Ю.С. Предисловие редактора // Мах Э. Познание и заблуждение. Очерки по психологии исследования. — М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2003. — С. 6–29.
26. Владимиров Ю.С. Реляционная теория пространства-времени и взаимодействий : в 2 ч. Ч. 2. Теория физических взаимодействий / Ю.С. Владимиров. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998. — 448 с.
27. Воронков В.В. Слово как ничто и бытие (опыт феноменологического анализа и внутренней структуры слова) / В.В. Воронков // Филос. науки. — 2002. — № 3. — С. 44–60.
28. Вэлленс А. де. Феноменология Гуссерля и феноменология Гегеля / А. де Вэлленс // Феномен человека : Антология. — М. : Высшая школа, 1993. — С. 329–341.
29. Гайда А.В., Любутин К.Н. Карл Корш: философия и политика (критический анализ) / А.В. Гайда, К.Н. Любутин // Научн. докл. высш. школы. — Философские науки. — 1980. — № 1. — С. 108–116.
30. Гайденок П.П. К проблеме становления новоевропейской науки / П.П. Гайденок // Вопросы философии. — 2009. — № 5. — С. 80–92.
31. Гайденок П.П. Проблема времени у Канта: время как априорная форма чувственности и вневременность вещей в себе / П.П. Гайденок // Вопросы философии. — 2003. — № 9. — С. 134–150.
32. Гест Г. Махизм в современной английской философии / Г. Гест // Под знаменем марксизма. — 1934. — № 5. — С. 31–46.

33. Геффдинг Г. Современные философы : Лекции, прочитанные в Копенгагенском ун-те осенью 1902 г. / Г. Геффдинг ; Пер. А. Смиранов; Ред. А.Л. Погодин. — СПб. : Изд-во О. Н. Поповой, 1907. — 211 с.
34. Гоббс Т. Сочинения: в 2 т. Т.2 / Т. Гоббс ; Сост., ред., примеч. В. В. Соколов; Пер. Н. Федорова, А. Гутермана. — М. : Мысль, 1991. — 732 с.
35. Горнштейн Т. О современном махизме / Т. Горнштейн // Под знаменем марксизма. – 1934. – № 4. – С. 164–179.
36. Гофмансталь Г. фон. Избранное. Драмы, проза, Стихотворения: Пер. с нем. / Г. фон Гофмансталь ; Ред. и коммент. Э. Венгеровой; Сост. и предисл. Ю. Архипова. — М. : Искусство, 1995. — 846 с.
37. Грязнов А.Ф. Эволюция философских взглядов Л. Витгенштейна : Критический анализ / А. Ф. Грязнов. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 1985. – 172 с.
38. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Т. 1: Общее введение в чистую феноменологию / Э. Гуссерль ; Пер. с нем. А. В. Михайлова. — М. : Дом интеллектуальной книги, 1999. — 336 с.
39. Гуссерль Э. История и этика в феноменологии позднего Гуссерля // Соловьев Э.Ю. Прошлое толкует нас. – М. 1991. – С.389–403.
40. Гуссерль Э. Логические исследования : в 2 т. Т. 1: Прологомены к чистой логике / Пер. с нем. Э.А. Бернштейн под ред. С.Л. Франка. Новая редакция Р.А. Громова. – М. : Академический Проект, 2011. – 253 с.
41. Гуссерль Э. Собрание сочинений. Т.1. Феноменология внутреннего сознания времени: Перевод с нем., предисловие В. И. Молчанова. – М.: Логос, Гнозис, 1994. – 162 с.
42. Декарт Р. Разыскание истины / Р. Декарт ; Пер. А. Гутермана, М. Позднева, Н. Сретенского, Г. Тынянского. — СПб. : Азбука, 2000. — 288 с.
43. Декарт Р. Сочинения : В 2 т. Т. 1 / Р. Декарт ; Сост., ред., вступ. ст. В.В. Соколова; Примеч. М. А. Гарнцева В. В. Соколова. — М. : Мысль, 1989. — 656 с.
44. Делез Ж. Эмпиризм и субъективность: опыт о человеческой природе; Критическая философия Канта: учение о способностях; Бергсонизм; Спиноза /

- Ж. Делез ; [науч. ред. В.И. Аршинова ; пер. с фр. и послесл. Я.И. Свирского]. — М. : Per Se, 2001. — 479 с.
45. Джонстон У.М. Австрийский Ренессанс. Интеллектуальная и социальная история Австро-Венгрии, 1848–1938 гг. : [пер. с англ.] / Уильям М. Джонстон. — М. : Моск. шк. полит. исследований, 2004. — 640 с.
46. Евдокимцев Д.В. Проблема другого «Я» в диалогической философии М.Бубера : автореф. дис. ... канд. филос. наук / Д.В. Евдокимов ; Рос. гос. гуманитар. ун-т. — Волгоград : [б.и.], 1999. — 23 с.
47. Емельянов Б.В. Очерки русской философии начала XX века : Учеб. пособие / Б. В. Емельянов. — Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 1992. — 100 с.
48. Емельянов Б.В. Русская философия в портретах / Б. В. Емельянов. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2010. — 509 с.
49. Жеребин А.И. Вертикальная линия. Философская проза Австрии в русской перспективе / А. Жеребин. — СПб. : Мирь : Изд. Дом С.-Петербур. гос. ун-та, 2004. — 304 с.
50. Жеребин А.И. Эрнст Мах и проблема разрушения личности / А.И. Жеребин // Вопросы философии. — 2013. — № 1. — С. 21–32.
51. Зотов А.Ф. Вместо предисловия или чем интересна эта книга для современного читателя // Мах Э. Анализ ощущений и отношение физического к психическому. М. : Издательский дом «Территория будущего», 2005. — С. 7–30.
52. Избранные переводы из Ницше профессора А.В. Перцева. — СПб.: «Владимир Даль», 2014. — 240 с.
53. Ингарден Р. Введение в феноменологию Эдмунда Гуссерля : [лекции 1967 года в Осло] / Роман Ингарден ; пер. А. Денежкина и В. Куренного. — М. : Дом интеллектуальной книги, 1999. — 224 с.
54. Исследования по истории физики и механики. 1993–1994. — М. : Наука, 1997. — 235 с.
55. История австрийской литературы XX века : в 2 т. Т. 1: Конец XIX-середина XX века. — М. : ИМЛИ им А.М. Горького РАН, 2009. — 632 с.

56. Кант И. Сочинения : В 6 т. / И. Кант ; Под общ. ред. В. Ф. Асмуса, А.В. Гулыги, Т. И. Ойзермана; Пер. Б. А. Фохта. — М. : Мысль, 1964–1966.
57. Карнап Р. Философские основания физики. Введение в философию науки / Рудольф Карнап ; пер. с англ. и коммент. Г. И. Рузавина ; общ. ред. И. Б. Новика ; вступ. ст. И. Б. Новика и Г. И. Рузавина. — М. : Прогресс, 1971. — 390 с.
58. Крафт В. Венский кружок. Возникновение неопозитивизма / В. Крафт. — М. : Идея-Пресс, 2003. — 224 с.
59. Козлова М.С. Философия и язык : Критический анализ некоторых тенденций эволюции позитивизма XX в. / М. С. Козлова. — М. : Мысль, 1972. — 254 с.
60. Конт О. Дух позитивной философии / О. Конт — СПб. : Изд-во СПб. Филос. об-ва, 2001. — 162с.
61. Крейг Г. Немцы = The Germans / Г. Крейг ; Пер. с англ. С. Л. Никольского. — М. : Ладомир, 1999. — 378 с.
62. Критика феноменологического направления современной буржуазной философии: [Сб. статей] / АН ЛатвССР, Ин-т философии и права [Отв.ред. Н.В. Мотрошилова; авт. предисловия Я.Вейш]. — Рига: Зинатне, 1981. — 230 с.
63. Лакан Ж. Инстанция буквы в бессознательном, или Судьба разума после Фрейда / Ж. Лакан. — М. : Русское феноменологическое общество, 1997. — 183 с.
64. Ланц Г. Философия Рихарда Авенариуса / Г. Ланц // Логос. — 1911. — № 12. Кн. 2 и 3. — С. 206–242.
65. Ле Ридер Ж. Венский модерн и кризис идентичности / Ж. Ле Ридер ; Пер. с фр. Т. Басковой. — СПб.: Изд-во им. Н.И. Новикова; Галина скрипт, 2009. — 720 с.
66. Лейбин В.М. Психоанализ и философия неопрейдизма / В. М. Лейбин. — М. : Политиздат, 1977. — 246 с.
67. Лейбниц Г.В. Сочинения : В 4 т.: Пер. с лат., фр. и нем. Т. 1 / Г. В. Лейбниц ; Ред. и сост. тома, авт. вступ. ст. и примеч. В. В. Соколов. — М. : Мысль, 1982. — 636 с.

68. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм: Критические заметки об одной реакционной философии / В. И. Ленин. — М. : Политиздат, 1989. — 509 с.
69. Локк Дж. Сочинения : В 3 т. Т. 1 / Д. Локк ; Ред. тома и авт. вступ. ст. И.С. Нарский. — М. : Мысль, 1985. — 622 с.
70. Локк Дж. Сочинения : В 3 т. Т. 2 / Д. Локк ; АН СССР, Ин-т философии. — М. : Мысль, 1985. — 560 с.
71. Любутин К.Н. Александр Богданов: от философии к тектологии / К.Н. Любутин, В.Д. Толмачев ; РАН [и др.]. — Екатеринбург : Банк культурной информации, 2005. — 244 с.
72. Любутин К.Н. История западной философии: Пропедевтика : Учеб. пособие для высш. и сред. учеб. заведений. Ч. 1 / К.Н. Любутин. — Екатеринбург ; Нижневартовск : Изд-во Урал. ун-та : Изд-во Нижневарт. пед. ин-та, 2000. — 158 с.
73. Мамчур Е.А., Овчинников Н.Ф., Огурцов А.П. Отечественная философия науки: предварительные итоги / Е.А. Мамчур, Н.Ф. Овчинников, А.П. Огурцов. М. : Сер. Научная философия. РОССПЭН, 1997. — 360 с.
74. Мамчур Е.А. Философия и наука / Е.А. Мамчур // Вопросы философии. — 2008. — №7. — С. 159–164.
75. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии / К. Маркс, Ф. Энгельс. — М. : Политиздат, 1981. — 63 с.
76. Мах Э. Анализ ощущений и отношение физического к психическому / Э. Мах. — М. : Издательский дом «Территория будущего», 2005. — 303 с.
77. Мах Э. Механика. Историко-критический очерк ее развития / Э. Мах ; Пер. с нем. Г.А. Котляра; Ред. Н.А. Гезехус. — Ижевск : Регулярная и хаотическая динамика, 2000. — 456 с.
78. Мах Э. Познание и заблуждение. Очерки по психологии исследования / Э. Мах; Под ред. Ю.С. Владимирова. — М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2003. — 456 с.

79. Мах Э. Популярно-научные очерки / Э. Мах ; пер. с третьего нем. изд. Г.А. Котляра. — М. : URSS : [КомКнига, 2012]. — 344 с.
80. Мах Э. Принцип сохранения работы: История и корень его : С предисл. автора к рус. изд. / Э. Мах ; Под ред. Н. А. Гезехуса; Пер. с нем. Г.А. Котляра. — СПб. : Тип. т-ва "Общественная польза", 1909. — 68 с.
81. Методы научного познания и физика / отв. ред.: Ю.В. Сачков. — М. : Наука, 1985. — 352 с.
82. Миронов Д.А., Перцев А.В. Австромарксизм, позитивизм и рабочее движение / Д.А. Миронов, А.В. Перцев. — Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1990. — 215 с.
83. Миронов Д.А., Перцев А.В. Позитивистский социализм: иллюзия или реальность? / Д.А. Миронов, А.В. Перцев. — М.: Знание, 1990. — 64 с.
84. Молчанов В.И. Априорное познание в феноменологии Гуссерля / В.И. Молчанов // Вопросы философии. — 1978. — № 10. — С. 146–152.
85. Молчанов В.И. Время и сознание. Критика феноменологической философии / В.И. Молчанов. — М. : Высшая школа, 1988. — 143 с.
86. Мотрошилова Н.В. Критика интерпретации истории философии и феноменологии Э.Гуссерля / Н.В. Мотрошилова // Научн. докл. высш. школы. — Философские науки. — 1978. — № 2. — С. 149–151.
87. Музиль Р. Человек без свойств : Роман / Роберт Музиль; [пер. С. Апта]. — М. : Эксмо, 2008. — 1088 с.
88. Нарский И.С. Западноевропейская философия XIX века : Учеб.пособие для студентов и аспирантов филос.фак. — М. : Высш.шк., 1976. — 584 с.
89. Нарский И.С. Очерки по истории позитивизма / И.С. Нарский. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 1960. — 199 с.
90. Никитин Е.П. Радикальный феноменализм Э. Маха / Е.П. Никитин // Позитивизм и наука: критический очерк: [Сборник статей]. — М.: «Наука», 1975. — 246 с.
91. Никифоров А.Л. Философия науки: В.И. Ленин и Э. Мах / А.Л. Никифоров // Вопросы философии. — 2010. — №1. — С. 76–83.

92. Нири К. Философская мысль в Австро-Венгрии : [пер.] / К. Нири ; вступ. ст. В.А. Карпушина. — М. : Мысль, 1987. — 190 с.
93. Осипов В.И. Теория познания Э. Маха / В.И. Осипов. — Архангельск : Издательство Поморского Государственного университета им. М.В. Ломоносова, 1999. — 175 с.
94. Панова Е. Витгенштейн и позитивистское упразднение философии: [Статья из Софии] /Е. Панова // Научн. докл. высш. школы. — Философские науки. — 1978. — № 5. — С. 140–147.
95. Перцев А.В. Незнакомый Ницше: психолог, остроумец и знаток женщин / А.В. Перцев. — СПб. : Владимир Даль, 2014. — 543 с.
96. Перцев А.В. Почему Европа не Россия. Как был придуман капитализм / А.В. Перцев. — М. : Академический Проект, 2005. — 384 с.
97. Перцев А.В. Проблема взаимосвязи культуры и личности в современной буржуазной философии и ее значение в современной идеологической борьбе / А.В. Перцев // Культура и всестороннее развитие социалистической личности. — Свердловск, 1980. — С. 138–150.
98. Перцев А.В. Пролетарский позитивизм: политическое инобытие философии : Дис. ... д-ра филос. наук / А. В. Перцев ; Урал. гос. ун-т. — Екатеринбург : [Б. и.], 1992. — 34 с.
99. Перцев А.В. Философия как веселая наука / А.В. Перцев // Вестник Московского университета. Сер.7. Философия. — 2000. — № 3. — С. 3–41.
100. Перцев А.В. Эрнст Мах: штрихи к портрету австрийского позитивиста / А.В. Перцев // Известия Уральского федерального университета. — (Серия 3: Общественные науки). — 2012. — Т. 100. — № 1. — С. 137–142.
101. Планк М. Теория физического познания Эрнста Маха. / Э. Мах // Новые идеи в философии. СПб. 2: Борьба за физическое мировоззрение. — СПб. : Издательство «Образование», 1912. — С. 147–157.
102. Позитивизм и наука: критический очерк: [Сборник статей] / АН СССР, Ин-т истории естествознания и техники: [Отв. ред. Д.П. Горский, Б.С. Грязнов]. — М. : «Наука», 1975. — 246 с.

103. «Послание о веротерпимости» Джона Локка: точки зрения / Под ред. М.Б. Хомякова. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2002. — 277 с.
104. Пуанкаре А. О науке / Пер. с франц. — М. : Наука, 1990. — 736 с.
105. Райнах А. Собрание сочинений / Адольф Райнах ; пер. с нем., [послесл. и коммент.] В. Куренного. — М. : Дом интеллектуальной книги, 2001. — 482 с.
106. Рассел Б. История западной философии и ее связи с политическими и социальными условиями от античности до наших дней: В 3-х кн. / Б. Рассел. — 2-е изд., испр. — Новосибирск : Изд-во Новосибирск. ун-та, 1997. — 814 с.
107. Рассел Б. Проблемы философии / Б. Рассел ; Пер. с англ. В.В. Целищева. — Новосибирск : Наука, 2001. — 111 с.
108. Ревалд Дж. История импрессионизма : Пер. с англ. П.В. Мелковой / Д. Ревалд ; Вступ. ст. и общ. ред. М.А. Бессоновой; Худож. В.А. Тогобицкой. — М. : Республика, 1994. — 415 с.
109. Руднев В.П. Божественный Людвиг. Витгенштейн: Формы жизни / В.П. Руднев. — М. : Фонд науч. исслед. "Прагматика культуры", 2002. — 256 с.
110. Руткевич А.М. От Фрейда к Хайдеггеру: Критический очерк экзистенциального психоанализа / А.М. Руткевич. — М. : Политиздат, 1985. — 175 с.
111. Соболева М.Е. Философия как «критика языкаа» в Германии = Philosophie als „Sprachkritik“ in Deutschland / М.Е. Соболева ; С.-Петер. гос. ун-т, Филос. фак. — СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. — 412 с.
112. Современные философские проблемы естественных, технических и социально-гуманитарных наук: учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук / под общ. ред. д-ра филос. наук, проф. В.В. Миронова. — М. : Гардарики, 2006. — 639 с.
113. Сокулер З.А. Э. Гуссерль о геометрической традиции: к смене парадигм в теории познания / З.А. Сокулер // Философия науки. Вып. 5: Философия науки в поисках новых путей. — М. : ИФРАН, 1999. — 280 с.
114. Степин В.С. Теоретическое знание : Структура, историческая эволюция / В.С. Степин. — М. : Прогресс-Традиция, 2000. — 744 с.

115. Тульчинский Г.П. Самозванство. Феноменология зла и метафизика свободы / Г.Л. Тульчинский. – СПб. : Изд-во Рус. Христиан. гуманитар. ин-та, 1996. — 413 с.
116. Уайтхед А. Н. Избранные работы по философии: Пер. с англ. / Общ. ред. и вступит. статья М.А. Кисселя. – М. : Прогресс, 1990. – 716 с.
117. Фалев Е.В. Роль феноменологии Гуссерля в становлении герменевтики Хайдеггера / Е.В. Фалев // Вестник Московского университета. Сер.7. Философия. – 2000. – №5. – С. 48-62.
118. Философия в систематическом изложении В. Дильтея, А. Рилья, В. Оствальда, В. Вундта, Г. Эббингауза, Р. Эйкена, Ф. Паульсена, В. Мюнха, Т. Липпса. — М. : Территория будущего, 2006. — 440 с.
119. Франк Ф. Философия науки. Связь между наукой и философией / Ф. Франк ; Общ. ред. и вступ. ст. Г.А. Курсанова; Пер. с англ. Н.В. Воробьева. — М. : Иностранная литература, 1960. — 543 с.
120. Хевеши М.А. Кризис Австро-Венгрии и его воздействие на развитие западноевропейской философии / М.А. Хевеши // Философские науки. – 1981. – № 4. – С. 115–121.
121. Хевеши М.А. Марксистская философия в современной Венгрии (некоторые проблемы) / М.А. Хевеши. Выпуск 3. – М. : Институт философии АН СССР, сектор современной марксистской философии за рубежом, 1975. – 143 с.
122. Художественные центры Австро-Венгрии. 1867-1918 / Ред. Кол. Н.М. Вагапова, В.Н. Егорова, Л.И. Тананаева — СПб. : Алетейя, 2009. — 544 с.
123. Цвейг С. Вчерашний мир. Воспоминания европейца / С. Цвейг. – М. : Вагриус. 2004. – 352 с.
124. Цвейг С. Собрание сочинений : в 7 т. : [пер. с нем.] / Стефан Цвейг ; [под общ. ред. Б.Л. Сучкова ; оформ. и ил. худож. С.Г. Бродского]. — М. : Правда, 1963. Т. 6 / [примеч. А. Ибрагимова и Ю. Шейнина]. — 1963. — 478 с.

125. Черепанова Е.С. Австрийская критика языка: агностическая мистика Ф. Маутнера / Е.С. Черепанова // Вестник Московского университета. Сер. 7, Философия. – 2001. – № 2. – С. 26–49.
126. Черепанова Е.С. Австрийская философия как самосознание культурного региона / Е.С. Черепанова ; Отв. ред. А. В. Перцев; РАН, УрО, Ин-т философии и права; Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. — Екатеринбург : УрО РАН, 2000. — 271 с.
127. Черепанова Е.С. Влияние идей Д. Юма на философию в Австрии: специфика философской эволюции или особенность австрийской традиции / Е.С. Черепанова // Известия Уральского федерального университета. Серия 3 : Общественные науки. – 2012. – №1 (100). – С. 143–151.
128. Чичнева Е.А. Проблема интерсубъективности в философии позднего Э. Гуссерля и Л. Витгенштейна: Автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.01 / Е.А. Чичнева ; Моск. гос. ун-т. — М. : [б. и.], 1995. – 16 с.
129. Шорске К.Э. Вена на рубеже веков: политика и культура / Пер. с англ. под ред. М.В. Рейзина. – СПб. : Изд-во им. Н.И. Новикова, 2001. — 512 с.
130. Эдмондс Д., Айдиноу Д. Кочерга Витгенштейна. История десятиминутного спора между двумя великими философами / Д. Эдмондс, Д. Айдиноу ; [пер. с англ. Е. Канищевой]. — М. : Новое литературное обозрение, 2004. — 346 с.
131. Юм Д. Трактат о человеческой природе. Кн. 1, О познании / Д. Юм ; Пер. с англ. С.И. Церетели; Вступ. ст. М.А. Абрамова; Примеч. И.С. Нарского. — М. : Канон, 1995. — 400 с.
132. Юм Д. Трактат о человеческой природе. Кн. 2: Об аффектах; Кн. 3: О морали / Д. Юм ; Пер. с англ. С.И. Церетели; Примеч. И.С. Нарского. — М. : Канон, 1995. — 416 с.

На немецком языке

1. Adler F. Ernst Machs Überwindung des mechanischen Materialismus / Friedrich Adler. – Wien : Brand, 1918. – 187 S.
2. Adler J. Wittgenstein und die Sprachpolizei / Joachim Adler // Ethik-Gesellschaft-Politik. Beiträge des 35. Internationalen Wittgensteins Symposiums, 5-15 August 2012. Band XX. Herausgeber Martin G.Weiss, Hajo Greif. Kirchberg am Wechsel, 2012. Österreichische Ludwig Wittgenstein Gesellschaft. – Wien: Hölder-Pichler-Tempsky, 2012. – S. 13–16.
3. Adolf Stör, Philosophie Konstruktionen und Reflexionen / Austeda F. (Ed.). – Wien : Deuticke, 1974. – 192 S.
4. Alt P.-A. Der Schlaf der Vernunft: Literatur und Traum in der Kulturgeschichte der Neuzeit / Peter-Andre Alt. – München: Beck, 2002. – S.464.
5. Altenberg P. Das Buch der Bücher von Peter Altenberg. / Peter Altenberg. Zsgest von Karl Kraus. Hrsg. von Rainer Gerlach. Mit e. Essay von Wilhelm Genazino. – Wallstein Verlag: Göttingen, 2009. – 3 Bde. zus. 1006 S.
6. Arvon H. Robert Musil und der Positivismus / K.Dinklage, E.Albertsen und K.Corino (Ed.) // Robert Musil: Studien zu seinem Werk. – Reinbek : Rowohlt Verlag. – S. 200–213.
7. Bahr H. Expressionismus / Hermann Bahr. - München: Delphin-Verl., 1916 – 170 S.
8. Bahr H. Kritische Schriften in Einzelausgaben / Hermann Bahr // Hermann Bahr Essays. – Herausgegeben von Claus Pias. VDG Weimar, 2011. – 231 S.
9. Bahr H. Kritische Schriften in Einzelausgaben / Hermann Bahr // Dialog vom Tragischen Dialog vom Marsyas Josef Kainz. – Herausgegeben von Claus Pias. VDG Weimar, 2010. – 176 S.
10. Bahr H. Kritische Schriften in Einzelausgaben / Hermann Bahr // Labyrinth der Gegenwart. – Herausgegeben von Claus Pias. VDG Weimar, 2011. – 221 S.
11. Bauer O. Das Weltbild des Kapitalismus / Otto Bauer. – Frankfurt am Main : Makol-Verlag, 1971. – 61 S.
12. Bauer O. Rationalisierung – Fehlrationalisierung / Otto Bauer Werkausgabe, Bd.3. – Wien : Europaverlag, 1976. – S. 719–914.

13. Bauer R. Der Idealismus und seine Gegner in Österreich / Roger Bauer. – Heidelberg : Winter. 1966. – 127 S.
14. Bauer R. Die Welt als Reich Gottes. Grundlagen und Wandlungen einer österreichischen Lebensform / Roger Bauer. – Wien : Europaverlag AG, 1974. – 185 S.
15. Blackmore J.T. Boltzmann's Contingent Concessions to Mach's Philosophy of Science / R.U. Sexl und J.T. Blackmore (Ed.), Ludwig Boltzmann. – Braunschweig-Wiesbaden : Ausgewählte Abhandlungen, 1983. – S. 150–190.
16. Carnap R. Die physikalische Sprache als universal Sprache der Wissenschaft / Rudolf Carnap // Erkenntnis 2. – Wien : Wiener Kreis, 1932. – S. 432–465.
17. Carnap R. Überwindung der Metaphysik durch logische Analyse der Sprache / Rudolf Carnap // Erkenntnis, Vol.2(1). – Wien : Wiener Kreis, 1931. – S. 219–241.
18. Cornforth M. Marxistische Wissenschaft und antimarxistisches Dogma. – Frankfurt am Main : Verlag Marxistische Blätter, 1973. – 315 S.
19. Dahms H.-J. Die Bedeutung der Emigration des Wiener Kreises für die Entwicklung der Wissenschaftstheorie / Hans-Joachim Dahms ; Stadler (Ed.) // Vertriebene Vernunft II. Emigration und Exil österreichischer Wissenschaft 1930-1940. Bd.1. – Wien : Verlag Jugend u. Volk, 1988. – S. 155–168.
20. Dahms H.-J. Die Emigration des Wiener Kreises / Hans-Joachim Dahms ; Stadler (Ed.) // Vertriebene Vernunft II. Emigration und Exil österreichischer Wissenschaft 1930-1940. Bd.1. – Wien : Verlag Jugend u. Volk, 1987. – S. 66–122.
21. Dahms H.-J. Positivismusstreit. Die Auseinandersetzungen der Frankfurter Schule mit dem logischen Positivismus, dem amerikanischen Pragmatismus und dem kritischen Rationalismus / Hans-Joachim Dahms. – Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1994. – 446 S.
22. Dahms H.-J. Verifikationismus und Mathematik bei Wittgenstein / Hans-Joachim Dahms // Morscher et al. (Ed.). – Vienna : Hölder-Pichler-Tempsky, 1981. – S. 443–447.
23. Die Wiener Moderne: Ergebnisse eines Forschungsgespräches der Arbeitsgemeinschaft Wien um 1900 zum Thema "Aktualität und Moderne" / [eine

- Veröffentlichung der Österreichischen Forschungsgemeinschaft] von Emil Brix u. Patrick Werkner. – Wien : Verl. Für Geschichte u. Politik ; München : Oldenburg, 1990. – 171 S.
24. Die Wiener Moderne: Literatur, Kunst und Musik zwischen 1890 und 1910 / Herausgegeben von Gotthart Wunberg unter Mitarbeit von Johannes J. Braakenburg. RECLAMS UNIVERSAL-BIBLIOTHEK Nr. 7742. – Stuttgart : Philipp Reclam jun. GmbH&Co.KG, Bibliographisch ergänzte Ausgabe, 2000. – 728 S.
25. Diersch M. Empiriekritizismus und Impressionismus: über Beziehungen zwischen Philosophie, Ästhetik und Literatur um 1900 in Wien. – Berlin : Rütten&Loening, 1973. – 312 S.
26. Dürhammer I. Geheime Botschaften. Homoerotische Subkulturen im Schubert-Kreis bei Hugo von Hofmannstahl und Thomas Bernhard. – Wien-Köln-Weimar : Böhlau Verlag, 2006. – 567 S.
27. Ernst Mach als Außenseiter: Machs Briefwechsel über Philosophie und Relativitätstheorie mit Persönlichkeiten seiner Zeit // Auszug aus dem letzten Notizbuch (Faksimile) von Ernst Mach / Verfasserangabe: John Blackmore ; Klaus Hentschel (Hsg.). – Wien : Braumüller 1985. – 214 S.
28. Ernst Mach Bibliography (1971-1991) / John T. Blackmore (Ed.) // Ernst Mach – A Deeper Look. – Dordrecht-Boston-London : Kluwer Academic Publishers, 1992. – S. 431–452.
29. Ethik-Gesellschaft-Politik. Beiträge des 35. Internationalen Wittgensteins Symposiums, 5-15 August 2012. Band XX. Herausgeber Martin G. Weiss, Hajo Greif. Kirchberg am Wechsel, 2012. Österreichische Ludwig Wittgenstein Gesellschaft. – Wien: Hölder-Pichler-Tempsky, 2012. – 356 S.
30. Fahrenwald C. Aporien der Sprache Ludwig Wittgenstein und die Literatur der Moderne / Claudia Fahrenwald. – Dr. Erstaussg. – Wien : Passagen. – Verl., 2000. – 216 S.
31. Feigl W., Windholz S. Wissenschaftstheorie, Sprachkritik und Wittgenstein: in memoriam Elisabeth und Werner Leinfellner / Sascha Windholz; Walter Feigl. – De Gruyter; Ontos, 2011. – 273 S.

32. Feyerabend P.K. Machs Theorie der Forschung und Ihre Beziehung zu Einstein / Paul Karl Feyerabend // Ernst Mach - Werk und Wirkung/hrsg. von Rudolf Haller u. Freidrich Stadler. – Wien : Hölder-Pichler-Tempsky, 1988. – S. 435–462.
33. Fragen zu Wittgenstein und Aufsätze zur Österreichischen Philosophie / Rudolf Haller. – Amsterdam: Rodopi. – (Studien zur österreichischen Philosophie) – 1986. – S. 254.
34. Frank P. Die Bedeutung der physikalischen Erkenntnistheorie für das Geistleben der Gegenwart / Philipp Frank // Naturwissenschaften 5/65. Wiedergabedruck in : Ph.Frank. – Wien : Die Naturwissenschaften, 1949. – S. 61–78.
35. Gillen E. Von der symbolischen Präsentation zur Rekonstruktion der Wirklichkeit. Verhältnis von Bildstatistik und politischer Grafik bei Gerd Anrntz // Poitische Kostruktivisten, o.S., 1975.
36. Grenzen der Sprache – Grenzen der Welt. Wittgenstein, der Wiener Kreis und die Folgen / Franz Kreuzer im Gespräch mit Rudolf Haller. – Wien : Franz Deuticke Verlagsgesellschaft m.b.H., 1982. – 123 S.
37. Gutmann T. Radikale Interpretation: ein Argument gegen den moralischen Relativismus // Ethik-Gesellschaft-Politik. Beiträge des 35. Internationalen Wittgensteins Symposiums, 5-15 August 2012. Band XX. Herausgeber Martin G.Weiss, Hajo Greif. Kirchberg am Wechsel, 2012. Österreichische Ludwig Wittgenstein Gesellschaft. – Wien: Hölder-Pichler-Tempsky, 2012. – S. 99–102.
38. Hainscho T. Philosophie als Sprachkritik im Sinne Mauthners. Eine Bemerkung zu TLP 4.0031 // Ethik-Gesellschaft-Politik. Beiträge des 35. Internationalen Wittgensteins Symposiums, 5-15 August 2012. Band XX. Herausgeber Martin G.Weiss, Hajo Greif. Kirchberg am Wechsel, 2012. Österreichische Ludwig Wittgenstein Gesellschaft. – Wien: Hölder-Pichler-Tempsky, 2012. – 106–109.
39. Haller R. Das Neurath Prinzip. Grundlagen und Folgerungen / Rudolf Haller // Stadler (Ed.). – Wien/München : Löcker, 1982. – S. 79–87.
40. Haller R. Gibt es eine österreichische Philosophie? / Rudolf Haller // Wissenschaft und Weltbild. – 31. – Wien : Arthur Werner Verlag, 1979. – S. 173–181.

41. Haller R. Neopositivismus. Eine Historische Einführung in die Philosophie des Wiener Kreises / Rudolf Haller. – Darmstadt : Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1993. – 304 S.
42. Haller R. Sprachkritik und Philosophie // Sprachkritik in der österreichischen Literatur des 20. – Wien : Jahrhunderts. V. Hirt. – S. 41–56.
43. Haller R. Studien zur österreichischen Philosophie. Variationen über ein Thema / Rudolf Haller. – Amsterdam : Rodopi, 1979a. – 194 S.
44. Herrmann E. Allgemeine Wirtschaftslehre. Erster Band, 1. Graz : Lieferung, 1868.
45. Hoffman D. Ernst Mach, Studien zu Leben und Werk / Hubert Laitko (Ed.). – Berlin : Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1991. – 465 S.
46. Huber S. Logische Analyse und Sprachgebrauch im Tractatus // Ethik-Gesellschaft-Politik. Beiträge des 35. Internationalen Wittgensteins Symposiums, 5-15 August 2012. Band XX. Herausgeber Martin G. Weiss, Hajo Greif. Kirchberg am Wechsel, 2012. Österreichische Ludwig Wittgenstein Gesellschaft. – Wien: Hölder-Pichler-Tempsky, 2012. – S. 123–126.
47. Johnston W. M. Österreichische Kultur und Geistesgeschichte. Gesellschaft und Ideen in Donauraum 1848-1938. – Wien-Köln-Graz : Hermann Böhlau Nachfolger, 1974. – 511 S.
48. Kampits P. Positivismus und Impressionismus. Handbuch Fin de Siecle / herausgegeben von Sabine Haupt und Stefan Bodo Würffel (Hg.) – Stuttgart : Kröner 2008. – S. 99–110.
49. Kampits P. Zwischen Schein und Wirklichkeit. Eine kleine Geschichte der österreichischen Philosophie. – Wien : Österreichischer Bundesverlag, 1984. – 230 S.
50. Kraus K. Der Weg ins Freie / Karl Kraus // Die Fackel, 1926. – S. 35–742, 14f.
51. Kraus K. Ein neuer Mann / Karl Kraus // Die Fackel, 1920. – S. 45–67. Nr. 546–550.
52. Kuhn T. S. Die Entstehung des Neuen. Studien zur Struktur der Wissenschaftsgeschichte / ed. von Lorenz Krüger. – Frankfurt am Main : Suhrkamp Verlag, 1978. – 472 S.

53. Kühn J. Gescheiterte Sprachkritik. Fritz Mauthners Leben und Werk / Joachim Kühn. – Berlin-New York : Walter de Gruyter Verlag, 1975. – 379 S.
54. Lampa A. Ernst Mach / Anton Lampa // Neue Österreichische Biographie: 1815-1918. Abteilung I. Biographien. – Wien : Amalthea-Verl, 1923. S. 93–10.
55. Le Rider J. Arthur Schnizler oder Die Wiener Belle Epoque / Jacques Le Rider. – Wien : Passagen Verlag Ges.m.b.H., 2007. – 242 S.
56. Leinfellner E. Die böse Sprache: Fritz Mauthner und das Problem der Sprachkritik und ihrer Rechtfertigung // Fritz Mauthner : das Werk eines kritischen Denkers. – Wien : Böhlau, 1995. – S. 57–68.
57. Leinfellner E. Fritz Mauthners Sprachkritik // Electronic Journal Literatur Primär online unter. – Wien : Herausgegeben von Franz Krahberger, 2000. Mode of access: <http://www.ejournal.at/Essay/leinels.html> (дата обращения: 23.11.2013)
58. Leiss E. Sprachphilosophie. 2., aktualisierte Auflage. – Berlin/Boston : Walter de Gruyter GmbH&Co.KG, 2012. – 257 S.
59. Lothar R. Zur Geschichte der Kritik in Frankreich / Rudolf Lothar // Die Gesellschaft. – Jg.7. – Leipzig : Verlag von Wilhelm Friedrich, Mai 1891. – S. 656–668.
60. Mach E. Werk und Wirkung / hrsg. von Rudolf Haller u. Friedrich Stadler. – Wien : Hölder-Pichler-Tempsky, 1988. – 540 S.
61. Mayer A. Ist Glück ein ethischer Begriff? // Ethik-Gesellschaft-Politik. Beiträge des 35. Internationalen Wittgensteins Symposiums, 5-15 August 2012. Band XX. Herausgeber Martin G.Weiss, Hajo Greif. Kirchberg am Wechsel, 2012. Österreichische Ludwig Wittgenstein Gesellschaft. – Wien: Hölder-Pichler-Tempsky, 2012. – S. 205–208.
62. Mauthner F. Beiträge zu einer Kritik der Sprache. / Fritz Mauthner. Bd. 1: Zur Sprache und zur Psychologie. - Frankfurt a. M., Berlin; Wien, 1982. – XVIII 713 S.
63. Mauthner F. Beiträge zu einer Kritik der Sprache. / Fritz Mauthner. Bd. 2: Zur Sprachwissenschaft. - Frankfurt a. M., Berlin; Wien, 1982. – 718 S.
64. Mauthner F. Beiträge zu einer Kritik der Sprache. / Fritz Mauthner. Bd. 3: Zur Grammatik und Logik. - Frankfurt a. M., Berlin; Wien, 1982. – XI 663 S.

65. Mauthner F. Die drei Bilder der Welt - ein sprachkritischer Versuch / Fritz Mauthner. – Hamburg : Severus, 2011. – 188 S.
66. Mauthner F. Hartung Gerald. Die Sprache / Fritz Mauthner. – Marburg : Metropolis, 2012. – 225 S.
67. Mauthner F. Sprache und Leben. / Fritz Mauthner - Hrsg. von Gershon Weiler. Salzburg; Wien : Rezidenz-Verl., 1986. – 258 S.
68. Mauthner F. Sprache, Literatur, Kritik: Festakt und Symposion zu seinem 150 / Geburtstag // hrsg. von Helmut Henne und Christine Kaiser. – Tübingen : Niemeyer, 2000. – 186 S.
69. Mauthner F. Wörterbuch der Philosophie. Neue Beiträge zu einer Kritik der Sprache in 2 Bänden / Fritz Mauthner. – Zürich : Diogenes Verlag AG, 1980. – 664 S.
70. Menasse R. Das Land ohne Eigenschaften: Essay zur österreichischen Identität. – Vienna : Sonderzahl, 1993.
71. Musil R. Beitrag zur Bedeutung der Lehren Machs und Studien zur Technik und Psychotechnik / Robert Musil. – Rowohlt : Rowohlt Verlag GmbH, 1980. – 200 S.
72. Ornament und Askese im Zeitgeist des Wien der Jahrhundertwende. – Wien : Christian Brandstätter Verlag & Edition, 1985. – 311 S.
73. Otto Neurath: Rationalität, Planung, Vielfalt / hrsg. von Elisabeth Nemeth und Richard Heinrich in Zusammenarbeit mit Antonia Soulez. – Wien : Oldenbourg ; Berlin : Akad. – Verl., 1999. – 230 S.
74. Philosophische Bibliothek Band 577. Wiener Kreis / Texte zur wissenschaftlichen Weltauffassung von Rudolf Carnap, Otto Neurath, Moritz Schlick, Philipp Frank, Hans Hahn, Karl Menger, Edgar Zilsel und Gustav Bergmann. Herausgegeben von Michael Stöltzner und Thomas Uebel. – Hamburg : Felix Meiner Verlag, 2006. – 700 S.
75. Polt-Heinzl E., Steinlechner G. Arthur Schnitzler. Affäre und Affekte / Evelyne Polt-Heinzl. – Wien : Christian Brandstätter Verlag, Österreichisches Theatrumuseum, 2006. – 160 S.

76. Roderick C. Franz Brentano, Bemerkungen zu Ernst Machs „Erkenntnis und Irrtum“ / C. Roderick, R. Haller (Ed.) – Amsterdam : Rodopi, 1982.
77. Sauer W. Österreichische Philosophie zwischen Aufklärung und Restauration: Beiträge zur Geschichte des Frühkantianismus in der Donaumonarchie / Werner Sauer. – Amsterdam : Rodopi, Würzburg : Königshausen u. Neumann, 1982. – 395 S.
78. Stadler F. Vom Positivismus zur “Wissenschaftlichen Weltauffassung”: Am Beispiel der Wirkungsgeschichte v. Ernst Mach in Österreich von 1895 bis 1934 / Friedrich Stadler. – Wien ; München : Löcker, 1982. – 349 S.
79. Wahle R. Die Tragikomödie der Weisheit: Die Ergebnisse und die Geschichte des Philosophierens./ Richard Wahle. Braumüller Verlag; - Wien, Leipzig, 1915 – 415 S.
80. Wien 1900. Kunst und Kultur. Fokus der europäischen Moderne / herausgegeben von Christian Brandstätter. – Wien : Christian Brandstätter Verlag, I Auflage 2005. – 399 S.

На английском языке

81. Blackmore J. T. Ernst Mach; His Life, Work and Influence / John T. Blackmore. – Berkeley : University of California Press, 1972. – 414 p.
82. Blackmore J. T. The Vienna and the Brünn Circle. / John T. Blackmore / Verdrängter Humanismus – verzögerte Aufklärung. Band V. Im Schatten der Totalitarismen. Vom philosophischen Empirismus zur kritischen Anthropologie. Philosophie in Österreich 1920-1951. Facultas Verlags- und Buchhandels AG WUV. - Wien, 2005. – P. 806–823.
83. Blackmore J. T. Three Autobiographical Manuscripts by Ernst Mach / John T. Blackmore // Annals of Science. – Vol. 35. – 1978. – P. 401–418.
84. Cohen R. S. Ernst Mach: Physics, Perception and the Philosophy of Science / R. Cohen & R. Seeger (eds) // Ernst Mach — Physicist and Philosopher. – Dordrecht : D. Reidel, 1970. – P. 126–164.

85. Dain E. Ethical Eliminativism and the Sense of Wittgenstein's Tractatus / Edmund Dain // Ethik-Gesellschaft-Politik. Beiträge des 35. Internationalen Wittgensteins Symposiums, 5-15 August 2012. Band XX. Herausgeber Martin G.Weiss, Hajo Greif. Kirchberg am Wechsel, 2012. Österreichische Ludwig Wittgenstein Gesellschaft. – Wien: Hölder-Pichler-Tempsky, 2012. – P.49–51.
86. Frank P. Ernst Mach – The Centenary of his Birth / Philipp Frank // Erkenntnis. – 7. – 1937/38. – P. 247–256.
87. Feyerabend P.K. Philosophy of Science: a Subject with a Great Past / Paul Karl Feyerabend // Minnesota Studies in the Philosophy of Science. – Vol. 5. – 1970. – P. 172–183.
88. Gorgani A. Wittgenstein's conception of philosophy in connection with the works of Ernst Mach and Ludwig Boltzman / A. Gorgani // Acten des 4 International Wittgenstein Symposium. – Wien, 1980. – P. 179–181.
89. Haller R. New Light on the Vienna Circle / Rudolf Haller // The monist 65, 1982. – P. 25–35.
90. Jakobson R. World and Language / Roman Jakobson // Selected Writings II, Word and language. The Hague: Mouton de Gruyter, 1971.
91. Janik A., Toulmin S. Wittgenstein's Vienna / Allan Janik, Stephen Edelston Toulmin // A Touchstone Book. – Simon and Schuster, 1973. – 314 p.
92. Jensen K.M. Beyond Marx und Mach. Alexander Bogdanov's Philosophy of Living Experience / Kenneth M. Jensen. – Dordrecht, Holland : D. Reidel Publishing Company, 1978. – 197 p.
93. Johnston W. M. Syncretist Historians of Philosophy in Vienna 1860-1930 / William M. Johnston // Journal of the History of Ideas. – 32. – 1971. – P. 299–305.
94. Lubbe H. Positivism and Phenomenology. Mach and Husserl // Phenomenology and Sociology. – Harmondsworth : Penguin, 1978. – P. 90–118.
95. Mach E. Language. Its Origin, Development and Significance for Scientific Thought / Ernst Mach // Monist, Vol. XIV. – № 3 (№ 526). – P.1771–1782.
96. Mach E. Some Questions of Psycho-Physics. A Discussion // Sensations and the Elements of Reality. II Mind / Ernst Mach. – Vol. 1, 1889.

97. Mach E. *The Principles of Physical Optics. An Historical and Philosophical Treatment* / Ernst Mach. – New York : Dover Publications, 1953. – 352 p.
98. Stadler F. *The Vienna Circle. Studies in the Origins, Development, and Influence of Logical Empirism* / Friedrich Stadler. – Vienna-New York : Springer, 2001. – 984 p.
99. Wenzel C. *Ethics and Relativism in Wittgenstein* / C. Wenzel // *Ethik-Gesellschaft-Politik. Beiträge des 35. Internationalen Wittgensteins Symposiums, 5-15 August 2012. Band XX.* Herausgeber Martin G.Weiss, Hajo Greif. Kirchberg am Wechsel, 2012. Österreichische Ludwig Wittgenstein Gesellschaft. – Wien: Hölder-Pichler-Tempsky, 2012. – P. 348–351.